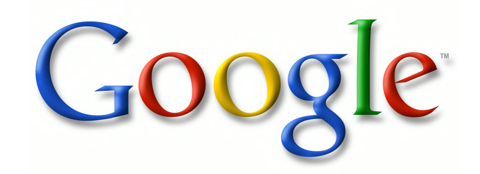
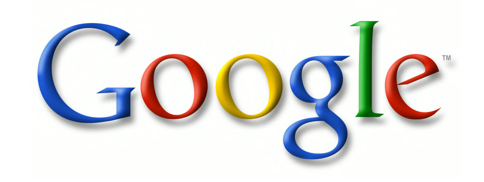
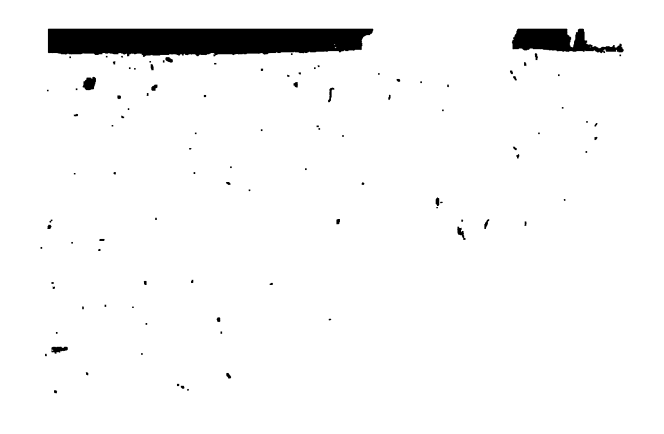

Google

PG
3337
N4Z99
v.3

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

о

Н. А. НЕКРАСОВѢ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1874—1877.

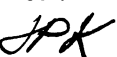
СОСТАВИЛЪ

В. Зелинскій.

МОСКВА.
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Арбатъ, д. Платонова.
1887.

Настоящая третья часть «Сборника критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ» содержитъ въ себѣ 52 критико-библіографическихъ статьи, включая въ это число нѣсколько некрологовъ и описаній похоронъ поэта. Всѣ эти статьи, по времени перваго появленія ихъ въ печати, относятся къ періоду времени: 1874, 1875, 1876 и 1877 годовъ. Кромѣ упомянутыхъ 52-хъ статей, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ настоящей части находятся еще ссылки на 8 статей, которыя хотя и появились въ печати въ томъ же періодѣ времени, т.-е. въ перечисленныхъ выше годахъ, но не вошли въ настоящій сборникъ.

В. Зелинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КРИТИКА СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Продолженіе.)

1874 г.

*) Прошлый фельетонъ я началъ бесѣдой о поэзіи; настоящій мнѣ приходится начать тѣмъ же самымъ. Что будете дѣлать, читатель! такое ужъ поэтическое время наступило: куда ни ступишь, повсюду поэзія... «Поэзія — восклицалъ нѣкогда въ благородномъ паѳосѣ Бѣлинскій — это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ, его звонкій смѣхъ и живая радость. Поэзія — это стыдливый румянецъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей, или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея мраморнымъ плечамъ, волненіе ея нѣжной груди, гармонія ея серебрянаго голоса, музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, граціозность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній... Поэзія — это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, нежданно посѣщающее насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепетъ, млѣніе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ...» и проч. и проч. Вотъ какъ восторженно говорили и думали о поэзіи и по поводу поэзіи въ такую эпоху, когда она процвѣтала въ лицѣ крупныхъ дарованій, въ родѣ Лермонтова, когда она въ самомъ дѣлѣ могла возбуждать въ критикѣ и въ публикѣ восторженное настроеніе. Увы, теперь нѣтъ никакой возможности упиваться и восторгаться поэзіей; ибо что такое поэзія нашихъ дней? Поэзія нашихъ дней — это пустая, скучная, неискренняя и рутинная болтовня въ формѣ рифмованныхъ строчекъ, неудобныхъ къ правильной скондировкѣ, потому что въ нихъ не соблюдается общепринятыхъ удареній въ сло-

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1874 г., № 26. («Журналистика». Статья Z).

вахъ (смотри «Мими» г. Полонскаго). Поэзія нашихъ дней — это жалкая пародія на пушкинскій юморъ и небрежную легкость стиха, пародія, лишенная всякаго серьезнаго смысла, да еще, вдобавокъ, приправленная тенденціями канцелярскаго свойства (см. «Портретъ» гр. А. Толстого). Поэзія нашихъ дней — это безвкусный, выдохшійся, обратившійся въ лицедѣйство, такъ-называемый гражданскій паѳосъ, весь основанный на рутинныхъ хныканьяхъ и причитаньяхъ въ quasi-народномъ и въ quasi-протестующемъ родѣ (см. послѣднія поэмы г. Некрасова, за исключеніемъ «Послѣдыша»).

Поэзія нашихъ дней, наконецъ, это нѣчто такое, о чемъ, право, совѣстно распространяться передъ читателями, знакомыми съ поэзіей прежнихъ дней, съ поэзіей Пушкина, Лермонтова, Кольцова и даже г. Некрасова въ его лучшихъ произведеніяхъ, каковы «Тишина», «Саша» и другія.

Однакожъ, совѣстно или нѣтъ распространяться о поэзіи нашихъ дней, а приходится это дѣлать, ибо каждогодно начинаютъ появляться поэмы очень значительныя по внѣшнимъ размѣрамъ, хотя и очень маленькія по внутреннему содержанію. Въ прошломъ году, г. Полонскій предложилъ читателямъ пріятное занятіе — одолѣть чуть не семь печатныхъ листовъ стиховъ à la «Конекъ Горбунокъ»; въ настоящемъ г. Некрасовъ предлагаетъ не менѣе пріятное — одолѣть пять печатныхъ листовъ рубленой прозы. Разумѣется, между пространной поэмой г. Полонскаго и пространной поэмой г. Некрасова есть разница: первая написана по божьему произволенію, вторая — съ разсчетомъ; содержаніе первой есть плодъ пiитической свободы, не стѣсняющейся требованіями разума; вторая сочинена на обдуманную тему. Но, если судить вообще, названныя поэмы сходны между собой тѣмъ, что обѣ длинны, обѣ скучны, обѣ прозаичны, обѣ плохи по стиху и выказываютъ въ ихъ творцахъ упадокъ эстетическаго вкуса.

Тема новой поэмы г. Некрасова (составляющей главу изъ безконечной эпопеи «Кому на Руси жить хорошо») далеко не нова: ее можно резюмировать слѣдующими стихами самого же поэта:

«Доля ты! — русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать».

Эту тему поэтъ распространилъ на семьдесятъ четыре страницы съ усердіемъ, по истинѣ изумительнымъ. Разсказъ о «русской долюшкѣ женской» вложенъ г. Некрасовымъ въ уста одной изъ представительницъ этой долюшки, крестьянской бабы Матрены Тимоѳеевны Корчагиной.

Судя по манерѣ, съ какою разсказываетъ Матрена, надо думать, что она воспиталась на чтеніи стихотвореній г. Некрасова: ея рѣчь полна quasi-простонародныхъ оборотовъ, введенныхъ у насъ по преимуществу авторомъ «Тройки» и «Огородника». Эта искусственная рѣчь заключаетъ въ себѣ много фальшиваго, дѣланнаго простонародничанья и очень мало настоящаго народнаго склада. Но поэтъ, какъ видно, ни мало не удивленъ тѣмъ, что его крестьянка ведетъ разсказъ точно такъ же, какъ онъ велъ бы его самъ. Его цѣль — разжалобить читателей ужасами многострадальной «русской долюшки женской», а этой цѣли, по его мнѣнію, можно вѣрнѣе достигнуть, заставивъ повѣствовать объ этихъ ужасахъ испытавшую ихъ особу. Вѣрный своей цѣли, г. Некрасовъ относится къ бѣдной Матренѣ съ истиннымъ ожесточеніемъ цивическаго поэта. Чтобъ разсказъ Матрены былъ выразительнѣе, чтобъ онъ сильнѣе поражалъ чувствительнаго читателя, поэтъ не жалѣетъ «ни трудовъ, ни издержекъ»: онъ измышляетъ бѣдной Матренѣ такую «долюшку», которая будто бы является самой обыкновенной для крестьянской бабы, но которая въ сущности можетъ быть *такъ изобрѣтена* и, главное, *такъ разсказана* только въ роскошномъ кабинетѣ человѣка, имѣющаго барское представленіе о горечи крестьянской семейной жизни по корреспонденціямъ, изображающимъ обыкновенно исключительные случаи. Г. Некрасовъ до того намучилъ героиню своей поэмы, что въ ней, говоря ея собственными словами:

«Нѣтъ косточки неломаной,
Нѣтъ жилочки нетянутой,
Кровинки нѣтъ непорченой».

Жаль, вчужѣ жаль бѣдную женщину, особенно когда подумаешь, что поэтъ производитъ надъ нею свою пространную стихотворную пытку по разсчитанному намѣренію тронуть читателя, которое ясно сквозитъ въ строкахъ поэмы и сообщаетъ ей холодный, дѣланный, а иногда просто даже и противный тонъ. Оставимъ, однако, сожалѣніе о Матренѣ и, вооружившись хладнокровіемъ критика, про-

слѣдимъ кратко всѣ пытки, какимъ подвергаетъ ее поэтъ для удовольствія публики.

«Въ дѣвкахъ» Матрена была счастлива и оказывалась какъ разъ подходящей къ идеалу свѣжей, здоровой, работящей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселой крестьянки. Этотъ излюбленный идеалъ, непосредственной «народной натуры», сочиненный художниками сороковыхъ годовъ едва ли не въ пику слабымъ и идеалистическимъ характерамъ образованной среды, до сихъ поръ тревожитъ сонъ помянутыхъ художниковъ и исторгаетъ изъ ихъ душъ по большей части рутинные и фальшивые стихи и прозу. Послушайте, какъ напримѣръ, повѣствуетъ героиня поэмы г. Некрасова о своей дикой, «непосредственной» прелести и силѣ:

«И добрая работница,
И пѣть, плясать охотница
Я съ молоду была.
День въ полѣ проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на чтȯ?
Спасибо жаркой баенкѣ
Березовому вѣничку...»

Склонность къ работѣ и веселость — это двѣ основныя черты сильныхъ, непосредственныхъ натуръ изъ бабъ, точно такъ же, какъ лѣность и сантиментальное уныніе — основныя черты характера цивилизованныхъ барышенъ. Это ужъ такъ заведено въ нашей литературѣ давно, и рецептъ для изображенія первыхъ и вторыхъ прописанъ еще лѣтъ тридцать тому назадъ и остается почти безъ измѣненія до нашихъ дней. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, и я упоминаю объ этомъ только мимоходомъ. Дѣло въ томъ, что «добрая работница и пѣть и плясать охотница», по заведенному порядку, выходитъ своевременно замужъ за «чужанина» печника Филиппа, который увозитъ ее въ свою семью, гдѣ на нее и обрушиваются всѣ бѣдствія «русской женской долюшки», начиная отъ гоненій деверя, золовушекъ, свекра, свекрови и кончая... чѣмъ — читатели увидятъ далѣе. Мужъ матрены ушелъ въ работу. Слѣдуетъ изображеніе молчаливой выносливости героини, угнетаемой въ чужой семьѣ. На всѣхъ она работай, за все, про все претерпѣвай и т. п. Послѣ изображенія первыхъ страданій въ чужой семьѣ, поэтъ постепенно погружаетъ Матрену все въ большія и большія муки, такъ что,

можно сказать, устраивается для нея дантовскій адъ въ маломъ размѣрѣ. Мужъ хотя и очень любитъ Матрену, однакоже при случаѣ колотитъ ее ни за что, ни про что. При изображеніи этого случая, г. Некрасовъ не довольствуется сценой расправы любящаго мужа съ любимой женой, но входитъ въ нѣкоторый поэтическій жаръ и заставляетъ слушателей разсказа Матрены, мужиковъ, ни съ того ни съ другого затянуть слѣдующую грубую пѣсню:

«Мой постылый мужъ
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хоръ:

Плетка свистнула
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула».

Чудесно и необыкновенно реально! такъ реально, что такого грубаго реализма не обнаружитъ самъ народъ въ своихъ безыскусственныхъ пѣсняхъ; на подобный анти-художественный реализмъ способны только искусственные поэты, преслѣдующіе различныя «протестующія» тенденціи и усвоившіе себѣ традиціонныя воззрѣнія на дикость и звѣрское самоуправство мужей въ русской семьѣ.

Плетка и пробрызнувшая кровь, хотя некстати появившіяся въ стихахъ г. Некрасова, служатъ какъ бы сигналомъ къ выступленію одного изъ существеннѣйшихъ элементовъ его новой поэмы: краснорѣчиваго изображенія поронья. Именно, въ слѣдующей главѣ поэмы, составляющей какъ бы отдѣльный эпизодъ, поронье выступаетъ съ необыкновенной образностью, и поэтъ достигаетъ тутъ едва ли не высшаго поэтическаго паѳоса. Въ этой главѣ описывается дѣдъ Матрены, отецъ ея свекра, столѣтній старикъ Савелій, «богатырь святорусскій», какъ называетъ его г. Некрасовъ. Этотъ богатырь, обладающій, по изображенію поэта, необычайною дикою мощью, принужденъ былъ силой обстоятельствъ выказывать ее въ изумительномъ терпѣніи при экспериментахъ порки, производившихся въ давнія времена старыми владѣльцами крестьянскихъ душъ для извлеченія изъ нихъ оброка. «Эхъ, доля святорусскаго богатыря сермяжнаго! всю жизнь его дерутъ!» восклицаетъ онъ самъ о себѣ

съ горестью, и затѣмъ повѣствуетъ, какъ производилось въ оныя времена дранье святорусскихъ богатырей. Богатырь и прочіе его собратья не желаютъ, видите ли, платить оброкъ своему барину Шалашникову. Съ помощію полицейской власти баринъ вызываетъ святорусскихъ богатырей въ губернскій городъ, гдѣ онъ стоитъ съ полкомъ. Богатыри надѣли «шапки рваныя, худые армяки», и пришли. Баринъ требуетъ: «Оброкъ!» — «Оброку нѣтъ!» отвѣчаютъ богатыри.

Не сталъ и разговаривать:
«Эй! перемѣна первая!»
И началъ насъ пороть...
Ужъ языки мѣшалися (?),
Мозги ужъ потрясалися
Въ головушкахъ — деретъ!
Укрѣпа богатырская,
Не розги!... Дѣлать нечего!
Кричимъ: постой, дай срокъ!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиковъ»
Полшапки поднесли.

Баринъ угощаетъ мужиковъ горчайшимъ травникомъ и смѣется, что онъ, въ случаѣ ихъ упорства, «содралъ бы съ нихъ шкуру начисто» и натянулъ бы ее на барабанъ. Мужики идутъ домой понурые. Надъ ними начинаютъ издѣваться два старика, которые выдержали дранье и, какъ назвали себя нищими, такъ тѣмъ и отбоярились, хотя у нихъ съ собой бумажки сторублевыя. Мужикамъ становится совѣстно, что они оказали слабость, они божатся на церковь: «Впередъ не посрамимся мы, подъ розгами умремъ». Съ этихъ поръ хотя и отмѣнно дралъ Шалашниковъ, а не ахти какіе великіе доходы получалъ: сдавались люди слабые, а сильные за вотчину стояли хорошо. Я тоже перетерпливалъ — прибавляетъ о себѣ «богатырь свято-русскій», — помалчивалъ, подумывалъ: «какъ не дери, собачій сынъ, а все души не вышибешь, оставишь что-нибудь» и т. д.

Да извинятъ меня читатели, что я остановился довольно долго на этомъ мотивѣ поэмы г. Некрасова. Я сдѣлалъ это не безъ цѣли: мотивъ этотъ, воля ваша, очень замѣчателенъ. Вотъ куда можетъ устремляться въ наше время поэзія, вотъ до какихъ по истинѣ извращенныхъ вдохновеній можетъ дойти поэтъ очень даровитый, но

потерявшій жаръ истиннаго чувства и желающій во что бы то ни стало заинтересовать читателей. Право, не знаешь, что подумать о подобныхъ мотивахъ: смѣется ли г. Некрасовъ надъ русскимъ крестьяниномъ, котораго мученія и бѣдствія онъ избираетъ предметомъ своей поэзіи, или онъ, подъ вліяніемъ долгаго стихотворнаго лицедѣйства, въ самомъ дѣлѣ потерялъ критеріумъ для разумѣнія истиннаго духа этого народа, богатырствомъ котораго онъ выставляетъ выносливость при драньѣ ради неуплаты оброка. Еслибъ поэтъ иронизировалъ, то трудно было бы опредѣлить мѣру бездушія, необходимаго для подобной ироніи; но онъ утратилъ поэтическое разумѣніе, и ему слѣдуетъ быть поосторожнѣе и не «на все безразсудно дерзать» въ своихъ новыхъ произведеніяхъ. Въ наше время совершеннѣйшей эстетической и всякой иной сумятицы, пожалуй, найдутся люди, которые будутъ самодовольно хохотать послѣ сытнаго обѣда надъ новой, опоэтизированной г. Некрасовымъ чертой святорусскаго богатырства. А поэзію, право, не слѣдуетъ дѣлать прислужницей послѣобѣденныхъ инстинктовъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ изложеннымъ эпизодомъ поэмы, спѣшу оговориться, что кромѣ указаннаго мотива, въ общемъ, характеристика «святорусскаго богатыря» сдѣлана недурно и мѣстами поэтично, хотя не безъ утрировки. Особенно хороша сцена, гдѣ изображается, какъ Савелій зарылъ живымъ въ землю нѣмца-управителя, который очерченъ мастерски въ нѣсколькихъ строкахъ.

Мы, однакожъ, за святорусскимъ богатыремъ забыли о многострадальной Матренѣ. Возвратимся къ ней. Не удовольствовавшись семейнымъ гнетомъ и плеткой любящаго мужа — этими, такъ-сказать, необходимыми принадлежностями «женской русской долюшки», поэтъ напускаетъ на несчастную женщину бѣдствія чисто случайныя, которыя устраиваетъ уже не съ помощію людей, а съ помощію животныхъ. Матрена поручила святорусскому богатырю Савелію своего сына Дёмушку. Святорусскій богатырь «заснулъ на солнышкѣ»; въ это время пришли свиньи и заѣли ребенка. А ребенокъ, между тѣмъ, былъ красоты неописанной, если вѣрить Матренѣ, которая въ поэмѣ изображаетъ Дёмушку такимъ образомъ:

«Какъ писаный былъ Дёмушка!
Краса взята отъ солнышка,
У снѣгу бѣлизна,
У маку губы алыя,

Бровь черная у соболя,
У соболя сибирскаго,
У сокола глаза!»

Этого Дёмушку поэтъ отдалъ свиньямъ спеціально затѣмъ, чтобы усилить бѣдствіе «русской женской долюшки» и разжалобить посильнѣе читателя. Можетъ быть скажутъ, что фактъ заѣданія дѣтей свиньями въ крестьянскомъ быту бываетъ, что извѣстія о подобныхъ фактахъ довольно обыкновенны. Я противъ этого спорить не стану и замѣчу только вотъ что: какъ бы тамъ ни было, а все-таки подобное обстоятельство является случайнымъ и исключительнымъ бѣдствіемъ «женской долюшки» и, стало быть, поэтъ могъ обойтись безъ него, еслибъ онъ желалъ остаться художникомъ и не разсчитывалъ на ложные эфекты. Кромѣ того, приходитъ невольно еще и такое соображеніе: тамъ, гдѣ возможно заѣданіе дѣтей свиньями, о дѣтяхъ не особенно убиваются матери, какими бы красавцами ни были эти дѣти. Въ подтвержденіе я могу напомнить одно письмо г. Энгельгардта «Изъ деревни», напечатанное въ «Отеч. Запискахъ», кажется третьяго года. Въ этомъ письмѣ почтенный ученый передаетъ, между прочимъ, свою бесѣду съ одною изъ матерей-крестьянокъ, похоронившей своего ребенка и выражающей, къ изумленію г. Энгельгардта, удовольствіе по этому случаю, такъ какъ дѣти, по ея мнѣнію, составляютъ только помѣху въ хозяйствѣ. Вотъ какъ потеря дѣтей встрѣчается нерѣдко матерями въ «грубой дѣйствительности». Но въ искусственной, ноющей поэзіи дѣло происходитъ совсѣмъ инымъ образомъ: Матрена, какъ мелодраматическая героиня Александринскаго театра, «клубышкомъ катается, червышкомъ свивается», зоветъ, будитъ умершаго Дёмушку и не можетъ разбудить. А тутъ, въ довершеніе мелодраматическихъ эфектовъ, на несчастную мать налетаютъ власти съ судебнымъ слѣдствіемъ по поводу смерти ребенка, и докторъ «по косточкамъ» изрѣзываетъ Дёмушку, къ ужасу несчастной матери. Поэтъ по этому случаю не хуже доктора анатомируетъ многострадательную Матрену для своихъ авторскихъ намѣреній.

Послѣ смерти Дёмушки у Матрены родились еще двое дѣтей. Одинъ изъ нихъ, Ѳедотушка, съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ необыкновенно великодушныя чувства. Онъ пасъ овецъ однажды. Пришла волчица и утащила овечку. Мальчикъ погнался за нею и нагналъ волчицу, такъ какъ та, будучи щенною, едва тащилась.

Ѳедотушка началъ отбивать у ней овцу кнутомъ. А волчица начала глядѣть ему въ очи и «завыла вдругъ, завыла какъ заплакала». Великодушный ребенокъ, совершенно годный для современныхъ цивическихъ поэмъ и дѣтскихъ разсказовъ во вкусѣ г. Ѳедорова, отдалъ волчицѣ уже заѣденную овцу и разсказалъ о своемъ великодушіи на селѣ. Староста Силантій, не уразумѣвъ великодушія Ѳедотушки, вздумалъ его посѣчь. Матрена заступилась за сына, вырвала его у старосты, причемъ, какъ могучая непосредственная женщина, «съ ногъ Силантья старосту сбила невзначай». Сцену эту увидалъ помѣщикъ и мгновенно изрекъ соломоновскій судъ: Ѳедотушку простить по младости, «а бабу дерзкую примѣрно наказать». Матрена даже «подпрыгнула» отъ радости, что будутъ сѣчь не сына, а ее, и деликатно удаливъ мальчика, легла подъ розги, этимъ подвигомъ беззавѣтной материнской любви давъ г. Некрасову новый случай ввести въ поэму новое краснорѣчивое описаніе поронья. Но г. Некрасовъ на этотъ разъ не воспользовался своими правами поэта, а предпочелъ, вмѣсто описанія, поставить точки. Подивимся художнической умѣренности, обнаруженной цивическимъ авторомъ, но вмѣстѣ съ этимъ и поблагодаримъ его за такую умѣренность.

Благодарности поэтъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе, что, вмѣсто изображенія страданій Матрены подъ розгами, онъ даетъ въ поэмѣ очень хорошую страницу изображенія ея душевныхъ страданій. Вотъ эта поэтическая страница, не новая по мотиву, но проникнутая истиннымъ чувствомъ:

Я пошла на рѣчку быструю,
Избрала я мѣсто тихое
У ракитова куста.
Сѣла я на сѣрый камушекъ,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала сирота!
Громко я звала родителя:
Ты приди, заступникъ-батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нѣтъ великой оборонушки!
Рано гостья безподсудная,
Безплеменная, безродная,
Смерть роднаго унесла!
Громко кликала я матушку.
Отзывались вѣтры буйные,

Откликались горы дальнія,
А родная не пришла!
День деннà моя печальница,
Въ ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла въ безповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда вѣтеръ не доносится,
Не дорыскиваетъ звѣрь...
Нѣтъ великой оборонушки!
Кабы знали вы, да вѣдали,
На кого вы дочь покинули,
Что безъ васъ я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — какъ травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гнѣвное ношу!...

Послѣдніе два стиха великолѣпны и напоминаютъ, по энергіи и выразительности, прежняго г. Некрасова. Не много остается досказать о страданіяхъ Матрены. Бѣдствія начинаютъ обрушиваться на нее, какъ шишки на бѣднаго Макара. Настаетъ голодъ, за который чуть не обвиняютъ Матрену, такъ какъ она надѣла чистую рубаху въ Рождество, что, по народной примѣтѣ, означаетъ накликаніе бѣды. Затѣмъ ея мужа незаконно, не въ очередь, хотятъ взять въ солдаты. Будущая ужасная доля солдатки-матери приводитъ Матрену въ лихорадочное состояніе; она грезитъ, какъ ея дѣтей сиротокъ въ семьѣ «пощипываютъ, въ головку поколачиваютъ», какъ ея мужа дерутъ «не розгами, укрѣпой богатырскою». Обуреваемая этими странными грезами, Матрена бѣжитъ въ городъ жаловаться губернатору. Но вмѣсто губернатора она встрѣчаетъ губернаторшу, падаетъ ей въ ноги и тутъ же, кажется, рожаетъ, такъ какъ она была беременна. Губернаторша, пораженная этимъ необычайнымъ случаемъ, конечно, подаетъ помощь бабѣ, измученной г. Некрасовымъ до послѣдней степени, принимаетъ въ ней участіе и спасаетъ ея мужа отъ солдатчины. Поэтъ устами Матрены возноситъ доброй губернаторшѣ нѣкоторое стихотворное славословіе, очень курьозное, которое слѣдуетъ пѣть на мотивъ: «Ты душа-ль моя, красна дѣвица». Затѣмъ поэма заключается нѣсколькими не дурными стихами о «русской женской долюшкѣ», которые я приведу здѣсь:

«Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!
Отцы-пустынножители
И жены непорочныя
И книжники-начетчики
Ихъ ищутъ — не найдутъ!
Пропали! думать надобно
Сглонула рыба ихъ...
Въ веригахъ, изможденные,
Голодные, холодные
Прошли Господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвовъ выспрашивать
И по звѣздамъ высчитывать
Пытались, — нѣтъ ключей!
Весь Божій міръ извѣдали,
Въ горахъ, въ подземныхъ пропастяхъ
Искали... Наконецъ
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоцѣнимые,
А все — не тѣ ключи!
Пришлись они, — великое
Избраннымъ людямъ Божіимъ
То было торжество, —
Пришлись къ рабамъ — невольникамъ.
Темницы растворилися,
По міру вздохъ прошелъ,
Такой ли громкій, радостный!...
А къ нашей женской волюшкѣ
Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
Великіе сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Подъ небо подымаются —
Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
Да врядъ они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи тѣ заповѣдные,
Въ какихъ моряхъ та рыбина
Гуляетъ — Богъ забылъ!...»

Таково новое произведеніе г. Некрасова. Излишнее усердіе поэта въ изображеніи ужасныхъ бѣдствій «русской женской долюшки» и

голая, искусственная обработка пикантной quasi-гражданской темы сообщають ей общій холодный и мѣстами даже непріятный колоритъ и непомѣрную растянутость. Вслѣдствіе послѣдней, поэма прочитывается до конца съ значительнымъ усиліемъ. Двѣ — три частности въ поэмѣ, указанныя мною, мало выкупаютъ скуку и дѣланность цѣлаго. Къ числу уже указанныхъ лучшихъ страницъ поэмы слѣдуетъ прибавить также прологъ, въ которомъ очень хорошо описаніе разореннаго помѣщичьяго дома. Въ прологѣ «тема» еще не участвуетъ и не заѣдаетъ художественныхъ представленій поэта, навѣянныхъ жизнію, а не измышленныхъ по рутинному и традиціонному «гражданскому» рецепту: отъ этого прологъ выходитъ болѣе свѣжимъ, болѣе поэтическимъ и реальнымъ.

Z.

* * *

*) Г. Некрасовъ продолжаетъ доискиваться и изображать въ стихахъ, кому на Руси жить хорошо. Поразвѣдавъ относительно озабочивающаго ихъ вопроса у попа и помѣщика, мужички рѣшаютъ, видите ли, что

Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго,
Пощупаемъ-ка бабъ.

И стали бабъ опрашивать. Имъ указали на Матрену Тимоѳеевну Корчагину. Къ ней мужички и обратились съ своимъ вопросомъ и съ своей просьбой:

Освободи насъ, выручи!
Молва идетъ всесвѣтная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески,
Въ чемъ счастіе твое?

И вотъ Тимоѳеевна начала разсказывать имъ про свое житье-бытье бабье и свое житье-бытье крестьянское, про свою жизнь до замужества, затѣмъ въ замужествѣ, подъ игомъ семьи, подъ гнетомъ крѣпостного права и закончила такимъ замѣчаніемъ допрашивавшихъ ее:

---

*) «Сынъ Отечества» 1874 г., № 30 («Русская литература»).

А то что вы затѣяли
Не дѣло — между бабами
Счастливую искать.

И надо согласиться, что поэту удалось нарисовать на эту тему нѣсколько довольно яркихъ и живыхъ картинъ, отъ которыхъ вѣетъ прочувствованнымъ горемъ. Изъ числа нѣсколькихъ разсказовъ приведемъ одинъ, характеризующій время управленія крестьянами нѣмцемъ:

И точно небывалое
Наслѣдникъ средство выдумалъ:
Къ намъ нѣмца подослалъ.
Черезъ лѣса дремучіе,
Черезъ болота топкія
Пѣшкомъ пришелъ шельмецъ!
Одинъ какъ перстъ: фуражечка
Да тросточка, а въ тросточкѣ
Для уженья снарядъ.
И былъ сначала тихонькой:
«Платите, сколько можете».
—«Не можемъ ничего!»
«Я барина увѣдомлю».
—«Увѣдомь!..» Тѣмъ и кончилось.
Сталъ жить, да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидитъ на рѣчкѣ съ удочкой
Да самъ себя то по носу,
То по лбу — бацъ да бацъ!
Смѣялись мы: «Не любишь ты
Корежскаго комарика...
Не любишь, нѣмчура?».
Катается по бережку,
Гогочетъ дикимъ голосомъ,
Какъ въ банѣ на полкѣ....
Съ ребятами, съ дѣвчонками,
Сдружился, бродитъ по лѣсу.
Не даромъ онъ бродилъ!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — «А въ чемъ твоя
Работа?» — «Окопать
Канавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лѣсъ...»
Ну хорошо! Рубили мы
И нѣмчура показывалъ,

Гдѣ надобно рубить.
Глядимъ, выходитъ просѣка,
Какъ просѣку прочистили,
Къ болоту поперечины
Велѣлъ по ней возить —
Ну, словомъ, спохватились мы,
Какъ ужъ дорогу сдѣлали,
Что нѣмецъ насъ поймалъ!
Поѣхалъ въ городъ парочкой,
Глядимъ, везетъ изъ города
Коробки, тюфяки,
Откудова не взялися
У нѣмца босоногаго
Дѣтишки и жена.
Повелъ хлѣбъ-соль съ исправникомъ
И съ прочей земской властію:
Гостишекъ полонъ дворъ.
И тутъ настала каторга
Корежскому крестьянину:
До нитки раззорилъ.

Впрочемъ, надо замѣтить, что по мѣстамъ видна большая натяжка и самый стихъ не очень гладокъ и благозвученъ. Поддѣлываясь подъ простонародную рѣчь, поэтъ въ иныхъ мѣстахъ допускаетъ иной разъ такія выраженія и сравненія, безъ которыхъ легко можно и лучше было бы обойтись; напримѣръ, что благозвучнаго въ такой фразѣ: «Корова холмогорская — не баба?» Или, напримѣръ: «У халуя въ зобу». Думаемъ, что это уже вовсе не красоты поэзіи, и ихъ можно-бы избѣжать.

* * *

*) Мы въ долгу передъ г. Некрасовымъ, такъ какъ до сихъ поръ не успѣли ничего сказать о январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ помѣщена третья часть его поэмы, «Кому на Руси жить хорошо». Правда, поэма эта принадлежитъ къ такимъ, о которыхъ гораздо пріятнѣе было бы хранить молчаніе; но г. Некрасовъ, несмотря на то, что послѣднія произведенія его являютъ примѣръ замѣчательнаго литературнаго паденія, все еще числится въ рядахъ дѣйствующей журнальной арміи и даже занимаетъ въ ней, по пре-

*) «Русскій Міръ» 1874 г., № 57 («Очерки текущей литературы»).

данію, довольно видное мѣсто. Нѣсколько странное на первый взглядъ явленіе это — странное въ особенности потому, что рядомъ съ нимъ мы видимъ, какъ петербургская критика въ усердіи своемъ преждевременно хоронитъ гораздо болѣе свѣжіе и живучіе таланты — объясняется однакожъ изъ самой природы некрасовской поэзіи. Въ продолженіе всей своей, довольно продолжительной, литературной карьеры, г. Некрасовъ постоянно находился въ самой срединѣ господствующаго теченія, ласкаемый всѣми попутными вѣтрами. Его лира настраивалась всегда одновременно съ послѣднимъ содроганіемъ камертона петербургской журналистики; въ воздухѣ еще протекала звуковая волна, порожденная этимъ камертономъ — а стихъ г. Некрасова уже подхватывалъ на лету новый тонъ, и поэтическій инструментъ его отвѣчалъ ему всѣми своими струнами. Сѣтованія петербургскаго чиновника средней руки на дороговизну дровъ и неудобства извозчиковъ, платоническія воздыханія столичнаго журналиста о прелестяхъ сельской природы и о разудалости русскаго мужичка, наблюдаемаго въ образѣ петербургскаго троечника или палкинскаго полового, подогрѣтая мораль барствующаго филантропа, наблюдающаго зло петербургской жизни съ подъѣзда англійскаго клуба — всѣ эти маленькія теченья и направленья, пересѣкавшія нашу журналистику въ продолженіе доброй четверти вѣка — попеременно овладѣвали вдохновеніемъ г. Некрасова и находили въ его поэзіи тѣмъ полнѣйшее выраженіе, что подъ эту поэзію постоянно подкладывалась та самая фальшь, на которой стояла и журналистика. Г. Некрасова никакъ нельзя было не замѣтить, потому что во всякую данную минуту онъ стоялъ у самаго знамени, и если не держалъ его въ рукахъ, то наслаждался его прохладною сѣнью. Въ этомъ постоянномъ пребываніи около знамени господствующаго направленія заключалась даже нѣкоторая доля самоотверженія, потому что когда петербургская журналистика пришла къ рѣшительному паденію, г. Некрасовъ и тутъ оказался не въ сторонѣ, а въ самой срединѣ теченія, стремительно несшаго потокъ шестидесятыхъ годовъ къ неизбѣжному крушенію. Страннымъ образомъ даже паденіе его собственнаго поэтическаго дарованія совпало съ общимъ паденіемъ петербургской журналистики — словно поэтъ всю жизнь жилъ на чужой счетъ, и когда этотъ счетъ закрылся, онъ въ кассѣ своего вдохновенія не нашелъ ни копейки. И вотъ почему, несмотря на то, что послѣднія произведенія г. Некрасова

въ ихъ абсолютномъ достоинствѣ ниже самой снисходительной критики, ихъ нельзя проходить молчаніемъ: они отражаютъ въ себѣ не только упадокъ самого автора, сколько общій упадокъ современной литературы, въ самыхъ рѣзкихъ его чертахъ. Итакъ будемъ говорить о послѣдней поэмѣ г. Некрасова.

Впрочемъ, собственно отъ себя намъ много говорить не придется. Нынѣшняя поэзія г. Некрасова представляетъ то удобство, что рецензенту достаточно перенизать на одну нитку разсыпанныя въ ней жемчужины, и читатель безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій получитъ о произведеніи самое надлежащее понятіе. Мы такъ и сдѣлаемъ.

Читавшіе первыя части поэмы знаютъ внѣшнюю ея фабулу. Нѣсколько мужиковъ заспорили: кому лучше всѣхъ живется на Руси? — и не рѣшивши этого вопроса, положили до тѣхъ поръ не расходиться и не возвращаться домой, пока не найдутъ такого счастливца, которому весело живется на Руси. Въ настоящей, третьей части поэмы (озаглавленной: «Крестьянка»), г. Некрасовъ прекращаетъ поиски между непрекрасною половиной человѣческаго рода и восклицаетъ: «Пощупаемъ-ка бабъ!» Оказывается, что какъ разъ требуемая баба есть въ селѣ Клину:

Корова холмогорская —
Не баба! доброумнѣе
И глаже — бабы нѣтъ!

Рекомендованную такимъ прелестнымъ образомъ бабу, разумѣется, стоитъ сыскать. Мужички отправились въ путь, и идучи отъ скуки философствуютъ. Видятъ они, напримѣръ, поля, покрытыя высокою жатвою, и замѣчаютъ:

Не столько росы теплыя,
Какъ потъ съ лица крестьянскаго
Увлажили тебя!

Все было бы хорошо, но только

Пшеница ихъ не радуетъ:
Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору*.
Зато не налюбуются
На рожь, *что кормитъ всѣхъ*.

Все это, конечно, придумалъ для мужичковъ поэтъ: самимъ крестьянамъ такой вздоръ въ голову не полѣзетъ. Но дальше. Встрѣчается нашимъ мужичкамъ на пути деревня съ опустѣлымъ барскимъ домомъ. Появился какой-то лакей, у котораго на всей спинѣ

Былъ нарисованъ левъ.

Крестьяне подивились и заспорили, что за нарядъ такой? Но Пахомъ объяснилъ имъ:

Халуй хитеръ: стащитъ коверъ,
Въ коврѣ дыру продѣлаетъ,
Въ дыру просунетъ голову,
Да и гуляетъ такъ!

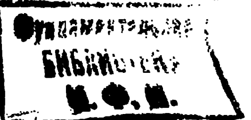
Видятъ въ саду бесѣдку, на бесѣдкѣ надпись; «Демьянъ, крестьянинъ грамотный, читаетъ по складамъ»; мужики не вѣрятъ, хохочутъ:

Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты двѣ-три литеры,
Изъ слова благороднаго
Такая вышла дрянь!

Слышутъ они пѣсню — это какой-то пѣвецъ изъ Малороссіи поетъ «нерусскія слова». Оказывается, что по сосѣдству

Есть дьяконъ... тоже съ голосомъ...
Такъ вотъ они затѣяли
По своему здороваться
На утренней зарѣ.
На башню какъ подымется
Да рявкнетъ нашъ: «Здо-ро-во-ли
Живешь, о-тецъ И-патъ?»
Такъ стекла затрещатъ!
А тотъ ему оттуда-то:
«Здорово нашъ со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — И-ду!..
Иду-то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается...
Такіе жеребцы!...

Но не все же жеребцы: находятъ тутъ мужички и искомую корову холмогорскую, Матрену Тимоѳеевну, которая и выкладываетъ

имъ всю свою душу, т. е. разсказываетъ всю свою жизнь. Изъ этой поучительной автобіографіи холмогорской коровы мы по необходимости должны выбрать только самыя удивительныя мѣста — тѣ «алмазныя крупицы», которыя вѣроятно подразумѣвалъ г. Гербель въ посвященіи къ своей «Христоматіи».

На первый разъ, не хотите ли полюбоваться слѣдующею пѣсенкой:

Мой постылый мужъ
Подымается,
За шелкову плеть
Принимается.

Хоръ.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...
Свекоръ-батюшка
Велитъ больше бить,
Велитъ кровь пролить...

Хоръ.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула, и т. д.

Выступаетъ на сцену Савелій, богатырь святорусскій, и разсказываетъ, что въ прежнія времена были кругомъ ихъ села такіе лѣса и болота, что самъ помѣщикъ не смѣлъ показаться въ свою вотчину.

Чрезъ тропы звѣриныя
Съ полкомъ своимъ — военный былъ —
Къ намъ доступиться пробовалъ,
Да лыжи повернулъ!
Къ намъ земская полиція
Не попадала по году —
Вотъ были времена!

Баринъ, однако, не отсталъ, вытребовалъ крестьянъ къ себѣ въ городъ, спрашиваетъ оброкъ. Тѣ не даютъ.

«Эй! перемѣна первая!»
И началъ насъ пороть.
Ужъ языки мѣшалися,
Мозги ужъ потрясалися
Въ головушкахъ — деретъ!
Укрѣпа богатырская,
Не розги!

Святорусскій богатырь не очень то, однако, сдавался подъ розгами:

«Какъ ни дери, собачій сынъ,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»

Пріѣхалъ нѣмецъ-управляющій, сталъ морить работою — мужички его живьемъ въ яму закопали.

Рѣшенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое тамъ дранье!

Помѣщикъ дралъ лучше:

Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
Что носится сто лѣтъ!

Случился новый грѣхъ съ святорусскимъ богатыремъ: поручила ему Матрена Тимоѳеевна покараулить ея ребенка да и —

Заснулъ старикъ на солнышкѣ,
Скормилъ свиньямъ Демидушку
Придурковатый дѣдъ!

Наѣхало слѣдствіе, лѣкарь изрѣзалъ на кусочки съѣденнаго свиньями ребенка... Потомъ разсказывается, какъ какой-то Ѳедотушка погнался за волчицей, унесшею изъ стада овцу, и какъ у ней «сосцы волочились кровавымъ слѣдомъ», благодаря чему Ѳедотушка и нагналъ ее.

Подъ ней рѣка кровавая,
Сосцы травой изрѣзаны,
Всѣ ребра на счету...

Это такъ разжалобило Ѳедотушку, что онъ отдалъ ей овцу. Его за это хотѣли было высѣчь, но Матрена вступилась, оттолкнула старосту. Баринъ разсудилъ мальчишку освободить, а бабу примѣрно наказать.

Легла я, молодцы...

Тутъ самъ г. Некрасовъ потупляется и набрасываетъ на картину покровъ многоточія....

Какъ бы въ вознагражденіе за эту фигуру умолчанія, черезъ нѣсколько страницъ разсказывается, какъ Матрена бѣжитъ изъ деревни въ губернскій городъ, причитая на бѣгу:

Владычица! во мнѣ
Нѣтъ косточки неломаной;
Нѣтъ жилочки нетянутой,
Кровинки нѣтъ непорченой —
Терплю и не ропщу!

Какимъ образомъ можетъ бѣжать нѣсколько верстъ баба съ переломанными костями и вытянутыми жилами — остается, конечно, тайною г. Некрасова. Гораздо сообразнѣе, что ей въ такомъ состояніи приходятъ въ голову разныя безсмыслицы, въ родѣ слѣдующей:

Рабочій конь — солому ѣстъ,
А пустоплясъ — овесъ.

Кто этотъ загадочный пустоплясъ, пожирающій овесъ — остается столь же неразъясненнымъ, какъ и бѣгъ бабы съ переломанными костями.

Но довольно. Нѣтъ никакой надобности слѣдить до конца за похожденіями героевъ и героинь новой поэмы г. Некрасова. Позволительно поставить точку и спросить: что это такое? Какое отношеніе къ поэзіи, къ литературѣ вообще могутъ имѣть эти дикія картины, эти розги, плетки, выдѣланныя палками человѣческія шкуры, кабацкія метафоры, безсмысленные протесты противъ пшеницы, вся эта плотоядная сатурналія больного воображенія? Что̀ это: поэзія, реализмъ, пропаганда, стихотворный памфлетъ, протестъ? Едва ли.

Если реализмъ, подкладка такъ называемыхъ гражданскихъ идей, пропаганда въ пользу младшей братіи — заключаются въ томъ, чтобы заставлять мужиковъ дѣлать и говорить такой вздоръ, который имъ самимъ никогда не пришелъ бы въ голову — такого рода направленіе едва ли можетъ привести литературу къ инымъ результатамъ, кромѣ окончательнаго пониженія ея уровня въ содержаніи и въ формѣ. На этомъ пути шаги наши за послѣднее время безспорно должны быть названы быстрыми и даже стремительными. Положеніе наше и нынче уже являетъ весьма зловѣщій признакъ — именно, литература уже опустилась ниже уровня образованнаго общества, которое замѣтно начинаетъ ею гнушаться. На-

стоящее царство ея — полуобразованная масса, устраненная сама отъ всякаго руководящаго и облагораживающаго вліянія, и, въ свою очередь, по естественному порядку вещей, оказывающая на литературу неизбѣжное давленіе въ отрицательномъ смыслѣ. Въ этой массѣ, безъ сомнѣнія, найдутся люди, которымъ новая поэма г. Некрасова покажется литературнымъ произведеніемъ и даже, пожалуй, поэзіей...

* * *

*) Оригинальную тему избрала себѣ муза Н. А. Некрасова настроивъ свою лиру на тотъ мотивъ, что, дескать, на Руси хорошо жить никому не приходится. Вопросъ этотъ — чисто реальный — задали себѣ въ одинъ прекрасный день любознательные мужички, и вотъ странствуютъ они вездѣ, и ко всякому встрѣчному обращаются съ этимъ вопросомъ. На этотъ разъ сказали они себѣ:

Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго,
Пощупаемъ-ка бабъ!

Пройдя черезъ какое-то, въ развалинахъ, въ опустошеніи, и грустью насквозь проникнутое барское имѣньице, идутъ они въ поле, и

....Послѣ дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецовъ и жницъ...

Здѣсь обрѣтаютъ они нѣкую Матрену Тимоѳеевну:

Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лѣтъ тридцати осьми.
Красива; волосъ съ просѣдью,
Глаза большіе, строгіе;
Рѣсницы богатѣйшія,
Сурова и смугла.
На ней рубаха бѣлая,
Да сарафанъ коротенькій
Да серпъ черезъ плечо.

---

*) «Гражданинъ» 1874 г., № 10. (Статья Павла Павлова, подъ заглавіемъ: «Замѣтки досужаго читателя»).

Вотъ эта-то Матрена и повѣствуетъ мужичкамъ про свое житье-бытье. Грустною, прегрустною выходитъ эта повѣсть, но есть мѣста, гдѣ поэтъ является въ восхитительной красѣ образовъ; есть и мѣста, гдѣ, видно, муза чѣмъ-то развлечена, и поэтъ поетъ безъ нея въ тотъ же размѣръ, но, увы, безъ того же вдохновенія. Полюбила Матрена парня Филиппа, и Филиппъ ее полюбилъ.

Пригожъ — румянъ, широкъ — могучъ,
Русъ волосомъ, тихъ говоромъ,
Палъ на сердце Филиппъ!

И говоритъ она ему:

Ты стань-ка, добрый молодецъ,
Противъ меня прямехонько,
Стань на одной доскѣ:
Гляди мнѣ въ очи ясныя,
Гляди въ лицо румяное,
Подумывай, смѣкай:
Чтобъ жить со мной — не каяться,
А мнѣ съ тобой не плакаться...
Я вся тутъ такова!

А тамъ и свадьба. Послѣ медоваго мѣсяца да счастья, побилъ Филиппъ свою Матрену:

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула,
Ахъ, лели! лели!
Кровь пробрызнула!

Потомъ Филиппъ ушелъ на заработки; она родила сына. Прелесть, какъ хорошо она его описываетъ:

Краса взята у солнышка,
У снѣга бѣлизна,
У маку губы алыя,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирскаго,
У сокола глаза!
Весь гнѣвъ съ души красавецъ мой
Согналъ улыбкой ангельской,
Какъ солнышко весеннее
Сгоняетъ снѣгъ съ полей.

Но скоро на радости пришла бѣда. Въ рабочую пору поручила она Дёмушку своего дѣдушкѣ Савелію — богатырю, прощенному каторжнику, когда-то участвовавшему въ убійствѣ управляющаго имѣніемъ, гдѣ Савелій былъ крѣпостнымъ. Этотъ Савелій является у поэта чѣмъ-то въ родѣ героя того царства, которое Савелій зоветъ «богатырствомъ русскимъ» и которое рисуетъ такъ:

Цѣпями руки кручены,
Желѣзомъ ноги скованы,
Спина... лѣса дремучіе
Прошли по ней — сломалися.
А грудь! Илья пророкъ
На ней гремитъ — катается
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь...

Нечаянно-негаданно этотъ Савелій попустилъ смерть Дёмушки, пока Матрена была на работѣ.

Пріѣзжаетъ полиція: ребенка рѣжутъ для осмотра; допрашиваютъ несчастную, горемъ убитую Матрену, терзаютъ ее и рѣзнею, и допросами; ребенка, наконецъ, положили въ гробикъ, а старикъ Савелій, столѣтній богатырь, читаетъ надъ гробикомъ молитвы и крестится. А Матрена бѣдная, увидѣвъ его, гнѣвная и грозная кричитъ ему:

Уйди! убилъ ты Дёмушку!
Будь проклятъ ты... уйди!...

Тутъ поэтъ влагаетъ въ уста Савелію чудную исповѣдь. Напомнивъ свое мрачное прошлое въ нѣсколькихъ словахъ, Савелій доказываетъ Матренѣ то, что не открывалъ ей:

Окаменѣлъ я, внученька,
Лютѣе звѣря былъ.
Сто лѣтъ зима безсмѣнная
Стояла. Растопилъ ее
Твой Дёма-богатырь!
Однажды я качалъ его,
Вдругъ улыбнулся Дёмушка...
И я ему въ отвѣтъ.
Со мною чудо сталося:
Третьеводня прицѣлился
Я въ бѣлку: на суку
Качалась бѣлка... лапочкой
Какъ кошка умывалася...

Не выпалилъ: живи!
Брожу по рощамъ, по лугу
Любуюсь каждымъ цвѣтикомъ.
Иду домой, опять
Смѣюсь, играю съ Дёмушкой...
Богъ видитъ, какъ я милаго
Младенца полюбилъ!
И я же, по грѣхамъ моимъ,
Сгубилъ дитя невинное.
Кори, казни меня!
А съ Богомъ спорить нечего...
. . . .
Теперь въ раю твой Дёмушка.
Легко ему, свѣтло ему...
Заплакалъ старый дѣдъ.

На могилкѣ Дёмушки простила Матрена дѣдушку,

И долго у креста
Сидѣли мы и плакали.

Тутъ-то и дать Савелію-богатырю тихой конецъ. Нѣтъ, муза на мигъ отошла отъ поэта, и какъ будто въ этотъ мигъ поэтъ даетъ умирающему старику сказать, до замыканія глазъ навѣки, пресверныя и препошлыя слова, которыя оставляютъ въ душѣ читателя самый безотрадный образъ Савелія:

Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ, да каторга.
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку бѣлаго,
Вторая — шелку краснаго,
А третья шелку чернаго,
Любую выбирай!...
Въ любую полѣзай...
Такъ засмѣялся дѣдушка,
Что всѣ въ каторкѣ вздрогнули —
И къ ночи умеръ онъ.

И къ чему это?

У Матрены родился сынъ Ѳедотъ. Росъ онъ и крѣпъ. Казалось жизнь поправилась. Да нѣтъ, неправдою берутъ ея мужа Филиппа въ солдаты, и бѣда пуще всѣхъ бѣдъ разражается надъ бѣдною Матреною.

Но любовь даетъ ей и силы и крылья. Беременная третьимъ ребенкомъ идетъ она въ городъ, гдѣ губернаторъ живетъ, подавать жалобу и спасать себя да мужа. Пришла къ губернатору; одарила швейцара; швейцаръ смилостивился: впустилъ ее; она сидитъ и ждетъ. Съ лѣстницы идетъ губернаторша:

Въ собольей шубѣ барыня,
Чиновничекъ при ней.
Не знала я, что дѣлала,
(Да видно надоумила
Владычица!)... Какъ брошусь я
Ей въ ноги: «Заступись!
Обманомъ, не по божески
Кормильца и родителя
У дѣточекъ берутъ!»
— Откуда ты, голубушка?
Впопадъ ли я отвѣтила —
Не знаю... Мука смертная
Подъ сердце подошла...
Очнулась я, молодчики,
Въ богатой, свѣтлой горницѣ,
Подъ пологомъ лежу;
Противъ меня — кормилица
Нарядная, въ кокошникѣ,
Съ ребеночкомъ сидитъ:
— Чье дитятко, красавица?
«Твое!» — Поцаловала я
Рожоное дитя...
Какъ въ ноги губернаторшѣ
Я пала, какъ заплакала,
Какъ стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомѣрная,
Упередилось времячко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторшѣ,
Еленѣ Александровнѣ,
Я столько благодарна ей,
Какъ матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Ліодорушка
Младенцу избрала...
— А что же съ мужемъ сталося?
— Послали въ Клинъ нарочнаго,

Всю истину довѣдали —
Филипушку спасли.
Елена Александровна
Ко мнѣ его, голубчика,
Сама, — дай Богъ ей счастіе! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А дѣтокъ не далъ Богъ!
Пока у ней гостила я,
Все время съ Ліодорушкой
Носилась какъ съ роднымъ.
Весна ужъ начиналася,
Березка распускалася,
Какъ мы домой пошли...

— «Что скажешь намъ еще?» спрашиваютъ мужики.

— А то, что вы затѣяли
Не дѣло между бабами
Счастливую искать!...»

отвѣчаетъ Матрена.

— «Да все ли разсказала ты?» спрашиваютъ мужички.

Чего же вамъ еще?
Не то ли вамъ разсказывать,
Что дважды погорѣли мы,
Что Богъ сибирской язвою
Насъ трижды посѣтилъ?
Потуги лошадиныя
Несли мы: погуляла я
Какъ меринъ въ боронѣ...
Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота?
Чего же вамъ еще!...

Но довольно, кажется, читатель, привелъ я вамъ стиховъ изъ этой поэмы. Желалъ бы я знать, что вы объ ней подумали: хороша или дурна? Что я думаю про нее, скажу вамъ въ двухъ словахъ. Не могу понять, чѣмъ доля Матренушки есть та именно доля, которая должна доказать мужичкамъ, что и бабѣ на Руси не хорошо жить: вышла она по любви, ну, побивалъ ее муженекъ, и ужъ, конечно, это совсѣмъ непригожее дѣло, — общая русская

бѣда и когда-то еще выведется, да вѣдь и любилъ же ее, и крѣпко любилъ; а коль не любилъ бы, развѣ побѣжала бы беременная Матрена просить къ губернатору спасенія отъ рекрутства, развѣ наслаждалась бы она такъ минутами послѣ спасенія, когда вдвоемъ съ мужемъ, да съ новорожденнымъ возвращались они домой? А любовь есть, такъ значитъ счастья много, да такъ много, что хватитъ его и такое горе, какъ смерть Дёмушки, пережить, и пожары, и сибирскую язву перенесть, ибо любитъ она мужика трезваго, работающаго, хорошаго парня, а полнаго счастья — и баринъ и мужикъ знаютъ, — нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Я нарочно привелъ много мѣстъ изъ поэмы, во-первыхъ, чтобы познакомить съ нею читателя, а во-вторыхъ, чтобы, такъ сказать, собственными словами автора показать, что въ сущности не такъ горько живется Матренѣ, какъ поэту это доказать хочется. Онъ плачетъ, этотъ поэтъ, но къ нему смѣло можно подойти и спросить:

— Чего ты плачешь, поэтъ?

— Да какъ не плакать, отвѣтитъ поэтъ плаксивымъ тономъ, погляди-ка, что съ Матреною приключается!

И плеть по мнѣ прошла:
Я только не отвѣдала... и т. д.

Слышите, что говоритъ она, а старица-то убогая, аѳонская богомолка, говорила Матренѣ такъ:

Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого.

И опять расплакался поэтъ!

Нѣтъ, не того я мнѣнья, воля твоя, поэтъ: или ты не такъ описалъ Матрену, не такъ ее поставилъ, не съумѣлъ докопаться до глубины ея сердца, и изъ этой глубины вырвать тѣ звуки, которые заставили бы меня прострадать такъ, какъ ты хотѣлъ, чтобы пострадалъ я, твой читатель, или ты съумѣлъ, но и при всемъ своемъ умѣньи, все-таки не могъ доказать, что «ключи отъ счастья женскаго потеряны».

Это наводитъ меня на мысль, поэтъ, что у тебя въ этой поэмѣ, возлѣ чудныхъ картинъ, возлѣ дивныхъ стиховъ, возлѣ прелестныхъ образовъ, мѣстами введена сентиментальная фальшь, этотъ врагъ

поэзіи, правды, силы, жизни, творчества, и введена Богъ вѣсть для чего, — развѣ только для того, чтобы между тобою, какъ папенькою твоей семьи, и статьями всѣхъ дѣтенышей твоихъ было искусственное согласіе: и чтобы ты стихами доказывалъ то, что они, статейками о деревнѣ, о крестьянскомъ вопросѣ и т. п., то-есть что все уже такъ скверно въ мужицкомъ и русскомъ быту, что хуже и быть не можетъ.

Читая твои поэмы, я мѣстами воображаю себѣ, что ты справляешься то съ положеніемъ 19 февраля, то съ XIV томомъ свода законовъ; неужели? это страшно непоэтично. А что это возможно, то доказалъ мнѣ слѣдующій у тебя стихъ:

Да лѣкаря увидѣла:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натягивалъ онъ тутъ.

Тотъ, кто можетъ такіе 3 стиха вставить въ свою поэму, тотъ можетъ и съ положеніемъ 19-го февраля и даже съ XV томомъ свода законовъ справляться въ минуту самаго сильнаго поэтическаго вдохновенія.

* * *

*) Всего замѣчательнѣе въ этихъ книгахъ (1 и 2 №№ «Отеч. Записокъ» за 1874 г.), конечно, продолженіе поэмы Некрасова... «Кому на Руси жить хорошо». Это полный чувства и мысли эпизодъ, описывающій всю невеселую жизнь русской крестьянки. Онъ явился уже и въ полномъ собраніи стихотвореній Некрасова, появившемся на дняхъ, въ шести частяхъ, изъ которыхъ первыя выходятъ уже шестымъ изданіемъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, когда продано болѣе сорока тысячъ экземпляровъ стиховъ нашего высокоталантливаго, симпатичнаго поэта. Значеніе Некрасова въ исторіи нашей литературы такъ велико, что объ немъ нельзя говорить въ бѣглыхъ, фельетонныхъ замѣткахъ. Тридцать четыре года знакомъ онъ нашей публикѣ, видящей въ немъ прямого наслѣдника Пушкина и Лермонтова, превосходящаго во многихъ своихъ произведеніяхъ эти великіе образцы. Главная заслуга Некрасова состоитъ въ томъ, что онъ свелъ нашу поэзію съ идеаль-

---

*) „Иллюстрированная Недѣля“ 1884 г., № 9 („Петербургскія письма“).

ныхъ высотъ и далъ ей реальное направленіе, примиряющее ее съ требованіемъ современнаго, мыслящаго общества. Вѣрной и полной оцѣнки значенія Некрасова — нѣтъ въ нашей критикѣ: это происходитъ оттого, что лица, которыя могли бы сдѣлать это, были, большею частью, товарищами поэта по журнальной работѣ — и это, конечно, не позволяло имъ высказать о поэтѣ свое мнѣніе. О. Миллеръ началъ, 21-го февраля, читать въ клубѣ художниковъ публичныя лекціи о русской литературѣ послѣ Гоголя. Хотя въ первой лекціи не сказано было ничего новаго о значеніи Гоголя, уничтожившаго у насъ, какъ говорилъ лекторъ, маниловщину въ нашей литературѣ, но мы ждемъ отъ г. Миллера вѣрной оцѣнки ея представителей и въ особенности Некрасова, такъ какъ ему будутъ посвящены три предпослѣднія лекціи.

* * *

*) Въ статьѣ «Мнѣнія и отзывы нашей свѣтской литературы о русскомъ духовенствѣ» г. Н. Б., между прочимъ говоритъ о поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо»:

«Довольно сочувственно, хотя и не безъ обычнаго юмора, отнесся къ сельскому священнику нашъ присяжный печальникъ народныхъ нуждъ и народнаго горя, Н. А. Некрасовъ, въ своей новой поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо», посвятившій особую главу «попу». Одинъ изъ семи странниковъ, крестьянъ подтянутой губерніи, уѣзда терпигорева, пустопорожней волости, задавшихся изслѣдованіемъ вопроса, выставленнаго въ заглавіи поэмы и съ этою цѣлію скитающихся по Руси, — по имени Лука, высказалъ своимъ товарищамъ убѣжденіе, что

Дворяне колокольные —
Попы — живутъ по княжески:
Идутъ подъ небо самое
Поповы терема;
Гудитъ попова вотчина —
Колокола горластые —
На цѣлый Божій міръ.
Попова каша — съ маслицомъ,
Поповъ пирогъ — съ начинкою,
Поповы щи — съ снѣткомъ!

*) „Христіанское Чтеніе" 1874 г., № 3 („Внутреннее Обозрѣніе").

Жена попова — толстая,
Попова дочка — бѣлая,
Попова лошадь — жирная,
Пчела попова — сытая...

Но вотъ странники встрѣчаютъ попа: сняли шапочки, низенько поклонилися, повыстроились въ рядъ и спрашиваютъ: скажи ты намъ по-божески: сладка ли жизнь поповская? Отвѣтъ попа, сообразно, надо полагать, его схоластическому — семинарскому образованію, имѣетъ строго систематическій видъ и дѣлится на три части. Въ чемъ счастіе — по вашему? Покой, богатство, честь? спрашиваетъ онъ. И затѣмъ разсказываетъ, каковъ попу покой, какова ему честь, и каково его богачество.

Дороги наши трудныя,
Приходъ у насъ большой.
Болящій, умирающій,
Рождающійся въ міръ,
Не разбираютъ времени:
Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
Въ глухую ночь осеннюю,
Зимой въ морозы лютые
И въ половодье вешнее
Иди — куда зовутъ.
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися однѣ, —
Нѣтъ, всякій разъ намаешься,
Переболитъ душа.
Не вѣрьте, православные,
Привычкѣ есть предѣлъ:
Нѣтъ сердца выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,
Сиротскую печаль...

Таковъ покой сельскаго священника. Теперь посмотримъ, братіе, продолжаетъ свою рѣчь почтенный пастырь, каковъ попу почетъ. Кого вы называете породой жеребячьею, съ кѣмъ встрѣчи вы боитеся? О комъ слагаете вы сказки балагурныя и пѣсни непристойныя? Мать попадью степенную, попову дочь безвинную, семинариста — какъ чествуете вы? Кому вдогонъ, злорадствуя, кри-

чите го-го-го? Богачество священника, по его разсказу, не лучше, чѣмъ его почетъ и покой. Въ прежнее время, когда помѣщики почти всѣ жили въ своихъ деревняхъ, здѣсь они справляли и родины. и крестины, и всѣ требы: — «у насъ они вѣнчалися, у насъ крестили дѣтушекъ, къ намъ приходили каяться, мы отпѣвали ихъ». Если помѣщикъ жилъ и въ городѣ, то умирать пріѣзжалъ навѣрно въ деревню. Коли умретъ въ городѣ нечаянно, и тутъ накажетъ накрѣпко въ приходѣ схоронить — «попу поправка добрая». А нынѣ ужъ не то. Какъ племя іудейское разсѣялись помѣщики по дальней чужеземщинѣ и по Руси родной. «Ой холеныя косточки россійскія, дворянскія! Гдѣ вы не позакопаны, въ какой землѣ васъ нѣтъ»! Перевелись помѣщики, въ усадьбахъ не живутъ они, и умирать не ѣдутъ къ намъ. Богатыя помѣщицы, старушки богомольныя, — однѣ — повымерли, — другія пристроились вблизи монастырей. Никто теперь не подаритъ попу подрясника, никто не вышьетъ воздуха! — Другая статья доходовъ сельскаго священника въ прежнее время — раскольники. Не грѣшенъ я, говоритъ разсказчикъ, не живился я съ раскольниковъ ничѣмъ. А есть такія волости, которыя всплошную населены раскольниками: какъ тутъ быть попу? Да теперь и этотъ источникъ доходовъ изсякъ, такъ какъ законы, прежде строгіе къ раскольникамъ, теперь смягчились, пришелъ конецъ и поповскимъ доходамъ съ нихъ.

Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенки
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается,
И радъ бы дать, да нечего...
А то еще не всякому
И милъ крестьянскій грошъ...
Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые,
Да женщины-печальницы,
Кормилицы, поилицы ..
Господь, прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ копейками
Живиться тяжело.
Случается, къ недужному
Придешь: не умирающій,
Страшна семья крестьянская

Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять.
Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ. А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою
Мозолистой рукой...
Душа переворотится,
Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака...
Конечно, дѣло чистое —
За требу воздаяніе:
Не брать такъ нечѣмъ жить.
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,
И словно, какъ обиженный
Уйдешь домой»...

Какъ видитъ читатель, авторъ изображаетъ сельскаго священника довольно симпатичными чертами. Душа его не зачерствѣла и не огрубѣла среди деревенской чернорабочей, исполненной нуждъ и лишеній жизни; для смиреннаго пастыря его обязанности трудны не внѣшнею только и матеріальною стороной, а главнымъ образомъ — внутреннею, нравственною тяготой, тою тугой душевною, съ какою сопряжено отправленіе его обязанностей. Его трогаетъ и сокрушаетъ сиротская печаль; у него болитъ душа и ноетъ сердце при видѣ крестьянской семьи, теряющей своего кормильца... Но, вѣрный дѣйствительности, поэтъ не хочетъ оставить священника съ этими ѣдними — идеальными — чертами, не можетъ утерпѣть, чтобы не бросить нѣсколько штриховъ юмористическаго и сатирическаго свойства. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о похожденіяхъ своихъ героевъ онъ выводитъ на сцену одного дьякона, который затѣялъ здороваться съ своимъ сосѣдомъ — священникомъ, жившимъ отъ него за три версты, такимъ оригинальнымъ образомъ. По утренней зарѣ —

На башню какъ подымется,
Да рявкнетъ нашъ: «Здорово ли
Живешь, отецъ Иванъ?» —
Такъ стекла затрещатъ,
А тотъ ему оттуда-то:

«Здорово, нашъ соловушко!
Жду водку пить!» — «Иду!»
«Иду»-то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается.
Такіе жеребцы!

Матрена Тимоѳеевна Корчагина, героиня третьей части поэмы, въ одномъ мѣстѣ разсказываетъ, какъ умеръ сынокъ ея Дёмушка. Покойника анатомировали. Заглядѣлась я, разсказываетъ Матрена,

Какъ лѣкарь руки мылъ,
Какъ водку пилъ. Священнику
Сказалъ: прошу покорнѣйше.
А попъ ему: «что просите!
Безъ прутика, безъ кнутика
Всѣ ходимъ, люди грѣшные,
На этотъ водопой!»

* * *

*) Извѣстно, что въ наше прозаическое время, стиховъ печатается чуть ли не болѣе, чѣмъ въ самую цвѣтущую эпоху нашей поэзіи. Къ утѣшенію реалистовъ, всякій можетъ засвидѣтельствовать, что стихи, печатаемые въ нынѣшнихъ журналахъ, имѣютъ лишь весьма отдаленное сходство съ поэзіей и не могутъ навести ни малѣйшаго подозрѣнія на совершенную прозаичность нашего времени. Стихотворная форма служитъ въ наши дни лишь для того, чтобы подъ прикрытіемъ ея могли проникать въ печать разныя литературныя упражненьица, которыя въ прозаическомъ видѣ едва ли были бы приняты даже редакціей «Полицейскихъ Вѣдомостей». За примѣрами ходить недалеко. Въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» г. Некрасовъ помѣстилъ стихотвореніе «Утро», содержаніе котораго прямо заимствовано изъ «дневника происшествій», печатаемаго въ органѣ с.-петербургской столичной полиціи; и хотя мы понимаемъ всю цѣну риѳмъ и стихотворнаго размѣра, мы не отдадимъ г. Некрасову преимущества предъ скромнымъ составителемъ полицейскаго дневника. По нашему крайнему убѣжденію, куплеты г. Некрасова гораздо плоше оффиціальной прозы участковыхъ кан-

*) «Русскій міръ» 1874 г., № 78. «Очерки текущей литературы».

целярій; въ послѣдней мы всегда замѣчали гораздо болѣе простоты и, въ особенности, хорошаго тона. Напримѣръ, когда въ дневникѣ происшествій сообщается о какомъ-нибудь случаѣ, въ которомъ фигурируетъ проститутка, составитель дневника всегда обнаруживаетъ настолько чувства приличія, что, говоря по необходимости о проституткѣ, не говоритъ о постели, а г. Некрасовъ, не будучи подчиненъ никакой необходимости, разсказываетъ читателямъ «Отечественныхъ Записокъ», какъ

Проститука домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель.

Зачѣмъ, г. Некрасовъ, вы это разсказываете? Право, публика наша могла бы обойтись и безъ этихъ картинъ, а поэзія тѣмъ болѣе...

А ужъ насчетъ послѣдовательности и точности г. Некрасова и сравнивать невозможно съ «Полицейскими Вѣдомостями».

Если послѣднія разсказываютъ о чемъ-нибудь, происходящемъ на петербургской мостовой, то вы такъ и знаете, что дѣло идетъ о мостовой; а г. Некрасовъ, въ силу ли своей поэтической фантазіи, или по причинѣ нетвердаго знанія русскаго синтаксиса, иногда вдругъ переноситъ сцену дѣйствія съ мостовой на облака, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ, которую мы выписываемъ вполнѣ, отъ точки до точки:

Тѣ же тучи по небу бѣгутъ,
Жутко нервамъ — желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Гдѣ *тамъ?* на тучахъ? на небѣ?

Съ другой стороны, «Полицейскія Вѣдомости» всегда соединяютъ однородные предметы съ однородными и переходятъ отъ однихъ къ другимъ въ нѣкоторой логической градаціи, а г. Некрасовъ, послѣ проститутки и постели, въ томъ же куплетѣ продолжаетъ:

Офицеры въ наемной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль.

Это, во-первыхъ, обидно для господъ офицеровъ, потому что зачѣмъ же такое близкое сосѣдство, подъ кровлей одного куплета и въ непосредственной связи женскихъ и мужскихъ риѳмъ? Во-вторыхъ, это очень непослѣдовательно, потому что переходъ рѣшительно

ничѣмъ, кромѣ риѳмы, не мотивированъ. «Полицейскія Вѣдомости» опять въ этомъ случаѣ поступили бы и приличнѣе и логичнѣе. Такъ же и насчетъ наводненій: тамъ они фигурируютъ на особомъ мѣстѣ, какъ тому и слѣдуетъ быть, ибо наводненіе — въ нѣкоторомъ родѣ физическое явленіе; а г. Некрасовъ суетъ его въ общую кучу, производя такимъ образомъ нѣкоторую «игру ума», какъ говорится у Островскаго:

Чу! изъ крѣпости грянули пушки!
Наводненье столицѣ грозитъ.
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Положимъ, смерть есть также физическое явленіе, а смерть сановника кромѣ того, пожалуй, заслуживаетъ быть внесенной въ дневникъ происшествій; но все какъ-то странно видѣть обѣ отмѣтки вмѣстѣ.

Въ послѣднемъ куплетѣ сила «игры ума» превосходитъ все предыдущее:

Дворникъ вора колотитъ — попался!
Гонятъ стадо свиней на-убой,
Гдѣ то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ: кто-то покончилъ съ собой.

Хотя первая строка этого куплета и навѣяна чтеніемъ «дневника происшествій», но въ дальнѣйшемъ г. Некрасовъ, очевидно, подражалъ уже не полицейской газетѣ, а извѣстному стихотворенію:

Рано утромъ вечеркомъ
Поздно на разсвѣтѣ
Баба ѣхала верхомъ
Въ нанковой каретѣ....

Г. Некрасовъ заимствовалъ, какъ мы видѣли, даже и риѳмы изъ этого миленькаго стихотворенія — «на разсвѣтѣ» и «въ каретѣ»; вообще, надо отдать ему справедливость: подражаніе на этотъ разъ удалось какъ нельзя лучше, гораздо лучше, чѣмъ подражаніе «Полицейскимъ Вѣдомостямъ». Съ послѣдними ему тягаться рѣшительно не по силамъ, не только въ отношеніи хорошаго тона и группировки матеріала по категоріямъ, но и въ отношеніи основательности: составитель «дневника происшествій», безъ сомнѣнія, настолько знаетъ дѣйствующіе у насъ законы и порядки, что не скажетъ, напримѣръ, такъ:

На позорную площадь кого-то
Провезли — *тамъ ужъ ждутъ палачи.*

*
* *

*) Изо всѣхъ современныхъ поэтовъ нашихъ, никому не удалось такъ долго удерживать за собою званіе любимца публики, какъ г. Некрасову. Многіе льстили этой публикѣ и заискивали ея вниманіе, иногда не безъ ущерба своему достоинству; но тогда какъ г. Курочкинъ, Розенгеймъ и др. послѣ кратковременнаго блистанія на литературномъ горизонтѣ принуждены были отойти въ сѣнь забвенія, г. Некрасовъ продолжаетъ десятки лѣтъ сохранять за собою значеніе яркаго поэтическаго свѣтила, и въ кругу его многочисленныхъ поклонниковъ можно найти людей, стоящихъ на самыхъ различныхъ уровняхъ образованія и ума. Публика г. Некрасова не только не уменьшается, но, повидимому, возрастаетъ; по крайней мѣрѣ, такъ можно судить по чрезвычайной быстротѣ, съ какою онъ возобновляетъ и продолжаетъ изданія своихъ произведеній. Съ небольшимъ годъ назадъ, мы дали отчетъ о пятой части его стихотвореній, и предъ нами уже лежитъ шестая часть, а пятая повторена новымъ изданіемъ. Въ продажѣ «любимый» поэтъ обращается во всевозможныхъ видахъ: есть г. Некрасовъ въ трехъ томахъ, есть г. Некрасовъ въ шести томахъ,—есть пятая и шестая части г. Некрасова въ совокупности, и есть тѣ же части г. Некрасова въ отдѣльности. Почитатели г. Некрасова могутъ пріобрѣтать его по желанію въ тонкомъ или въ толстомъ, но всегда въ изящномъ видѣ, тогда какъ, напримѣръ, Лермонтова можно купить только на сѣрой бумагѣ, отпечатаннаго какими-то афишечными шрифтами. Все это заставляетъ думать, что г. Некрасовъ поступаетъ не совсѣмъ искренно, говоря въ одномъ новоизданномъ своемъ стихотвореніи:

Я полагалъ, съ либеральнаго
Есть направленья барышъ —
Больше чѣмъ съ мѣста квартальнаго.
Что̀ жъ оказалося? — шишъ!

Позволительно думать, что не только квартальные надзиратели, но

*) «Русскій Вѣстникъ» 1874 г., томъ 112, № 7, (статья А. (Авсѣенко), подъ заглавіемъ: «Реальнѣйшій Поэтъ».

и многіе полицеймейстеры охотно промѣняли бы свои доходы на скромную мзду, какую съ неоскудѣвающимъ успѣхомъ долгіе годы взимаетъ г. Некрасовъ съ «либеральнаго направленія». Но это, такъ сказать, частное дѣло г. Некрасова, отъ котораго онъ имѣетъ полное право отстранить всякій нескромный посторонній взглядъ.

Гораздо важнѣе для насъ то, что успѣхъ г. Некрасова въ публикѣ выражаетъ собою успѣхъ извѣстныхъ началъ, которымъ поэтъ служитъ, и нагляднымъ образомъ опредѣляетъ нынѣшній умственный и художественный уровень большинства читающей массы. Въ этомъ отношеніи изученіе г. Некрасова въ содержаніи и формѣ представляетъ много поучительнаго, даже въ томъ случаѣ, когда о его новыхъ произведеніяхъ нельзя сказать чего-нибудь совершенно новаго. Никогда не мѣшаетъ лишній разъ оглянуться на самихъ себя, на наше сегодняшнее общество, съ его требованіями и вкусами, сколько бы разочарованій ни сулила намъ такая оглядка...

Итакъ обратимся къ г. Некрасову и къ лежащей предъ нами шестой части его стихотвореній.

Книжка эта составилась изъ двухъ главъ поэмы: *Кому на Руси жить хорошо*, и изъ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, по большей части перепечатанныхъ изъ старыхъ журналовъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Остановимся сначала на послѣднихъ, такъ какъ публика успѣла уже забыть ихъ, да впрочемъ едва ли они были замѣчены и при первомъ своемъ появленіи.

Содержаніе всѣхъ этимъ мелкихъ, большею частью неоконченныхъ и уже совершенно неотдѣланныхъ стихотвореній, не отличается ни глубиной, ни новизной. Лучшее изъ нихъ: *Дѣтство*, передаетъ отрывочныя воспоминанія какой-то дѣвушки или женщины о старой деревянной церкви въ селѣ, гдѣ она родилась. Отецъ ея былъ священникомъ въ этой церкви, и потому-то вѣроятно на ней прежде всего останавливаются младенческія воспоминанія героини. Г. Некрасовъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ той литературной школѣ (созданной у насъ писателями-семинаристами), которая допускаетъ изображенія дѣтскихъ лѣтъ лишь съ цѣлью раздраженія желчнаго мизантропическаго чувства: дѣтство въ представленіяхъ этой литературной школы, — быть можетъ, подъ вліяніемъ привходящаго автобіографическаго, личнаго элемента,— является всегда въ видѣ мрачнаго пятна въ жизни, сопровождается колотушками, потасовками, непечатною бранью, раннимъ растравленіемъ человѣконенавистныхъ

и озлобленныхъ чувствъ. Г. Некрасовъ самъ неоднократно пѣлъ о своимъ дѣтскихъ годахъ въ одну ноту съ писателями, которыхъ мы имѣемъ въ виду. Потому-то намъ было особенно пріятно встрѣтить въ стихотвореніи *Дѣтство* значительно иной тонъ, весьма мало свойственный поэзіи г. Некрасова вообще. Дѣтство является въ этомъ стихотвореніи не безъ нѣкотораго поэтическаго отпечатка и не безъ тѣхъ теплыхъ, прочувствованныхъ красокъ, подъ какими обыкновенно грезятся дѣтскіе годы человѣку, не одеревенѣвшему среди борьбы и разочарованій позднѣйшаго возраста. Потому-то, вѣроятно, стихотвореніе и осталось неоконченнымъ въ портфелѣ поэта: онъ догадался, что эта полуразрушенная, ветхая церковь, съ поросшею мохомъ крышей и темными ликами святыхъ на дрожащихъ стѣнахъ, своею поэтическою теплою правдой представляетъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ содержаніемъ всей его поэзіи, исполненной какого-то фальшиваго ропота, версификаторскаго безсердечія и нездороваго, искусственнаго возбужденія. Къ сожалѣнію, небрежная форма этого отрывка значительно вредитъ поэтическому впечатлѣнію; едва-ли могутъ быть также сочтены позволительными (въ особенности для реальнаго поэта, какимъ мнитъ себя г. Некрасовъ) гиперболическія несообразности, въ родѣ слѣдующей:

. . . . . . Играла я,
Помню, однажды съ подругами
И набѣжала нечаянно
На полусгнившее дерево;
Пылью, обдавъ меня, дерево
Вдругъ подо мною разсыпалось:
Я провалилась въ развалины
Внутрь запустѣлаго зданія... и т. д.

Едва ли возможно провалиться «внутрь» запустѣлаго зданія сквозь полусгнившее дерево, да и самый пассажъ, предполагая его физически-возможнымъ, никакъ не поэтиченъ.

Содержаніе остальныхъ мелкихъ стихотвореній г. Некрасова, вошедшихъ въ шестую часть, до того пусто и низменно, что съ нимъ невозможно знакомить читателя, не испытывая нѣкотораго непріятнаго конфуза за автора. Это по большей части варіаціи на темы, нѣкогда воспѣваемыя г. Розенгеймомъ или переводчиками Оффенбаховскихъ оперетокъ для Александринскаго театра. Въ одномъ, напримѣръ, какой-то толстякъ разсказываетъ, какъ всѣ смѣются

надъ его непомѣрною тучностью, при чемъ лучшая острота принадлежитъ кучеру, замѣтившему, что еслибъ этому господину

...«въ брюхо и попало дышло,
Такъ наскозь оно бы, чай, не вышло?»

Въ другомъ стихотвореніи разсказывается, какъ одна барыня, ударивъ въ Берлинѣ горничную, получила отъ нея такую же затрещину, что̀ даетъ поводъ поэту высказать такую мораль:

Ахъ, лучше бъ, душечка, въ деревнѣ дѣвокъ стричь,
Да надирать виски безгласному холопу...

Мы ничего не имѣли бы противъ такой (впрочемъ, ужъ крайне аляповатой) ироніи надъ крѣпостнымъ правомъ, если бъ эффектъ ея не уничтожался неосторожностью автора, выставившаго подъ стихотвореніемъ 1861 годъ. Это ужъ иронія надъ самимъ собой, и очень злая иронія!

Въ *Пѣснѣ объ Аргусѣ* повѣствуется о затруднительномъ положеніи издателя одного либеральнаго журнала, сошедшагося съ нигилистами: издатель, желая извлечь изъ своего свободомыслія нѣкоторые барыши, хотѣлъ побольше пускать даровыхъ статеекъ, а редакторъ, весьма равнодушный къ издательскимъ барышамъ, не соглашался печатать даровыхъ статеекъ и требовалъ для сотрудниковъ большаго гонорара. Издатель принужденъ былъ покончить съ журналомъ и разойтись съ редакторомъ, который при этомъ

... улыбнулся язвительно
И засвисталъ, засвисталъ!

Разсказываетъ ли въ этомъ стихотвореніи г. Некрасовъ исторію своего *Современника* или какого-нибудь фантастическаго изданія, неизвѣстно; но такъ какъ онъ былъ издателемъ либеральнаго журнала, и имѣлъ несговорчиваго редактора, любившаго «улыбнуться язвительно и засвистать, засвистать!» то понятно, что издательское дѣло при подобныхъ условіяхъ имѣетъ для него чрезвычайный личный интересъ; сомнительно однако, чтобы читатель могъ найти въ упомянутомъ стихотвореніи что-либо любопытное для себя. Намъ оно показалось замѣчательнымъ только въ томъ отношеніи, что здѣсь обнаружилась крайняя односторонность поэтической фантазіи автора. На палитрѣ его, очевидно, преобладаютъ краски все одного цвѣта

и одного и того же, весьма сильнаго, но далеко непріятнаго запаха. Разсказываетъ онъ, напримѣръ, какъ отъ напора льда обрушились мостки на Невѣ — и какъ вы думаете, какимъ поэтическимъ сравненіемъ рисуетъ онъ смятеніе пѣшеходовъ? —

Словно близъ дома питейнаго
Крики носились кругомъ!!

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты употребляютъ фигуральную рѣчь, едва ли было сдѣлано болѣе оригинальное сравненіе... Или вотъ, напримѣръ, какъ исчисляетъ онъ подписчиковъ либеральнаго журнала, иронизируя, такъ-сказать, въ пустомъ пространствѣ:

И вѣдь какіе подписчики!
Ихъ и продать-то не жаль:
Аптекаря, переписчики —
Словомъ, ужасная шваль!
Впрочемъ, средь бабьихъ передниковъ
И неуклюжихъ лаптей —
Трое дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ,
Двое армянскихъ князей!
Публика все чрезвычайная,
Даже чиновниковъ нѣтъ.
Охтенка, чтица случайная
(Втеръ ей за сливки билетъ),
Дьяконъ какой-то съ разсрочкою и т. д.

Все это, очевидно, сумбуръ, потому что такой публики нѣтъ ни у одного журнала, хотя бы и либеральнаго: читающая «шваль» ходитъ у насъ не въ лаптяхъ и не въ охтенскихъ кацавейкахъ. Приплелъ же г. Некрасовъ все это единственно потому, что у него есть потребность на каждую страницу хоть чуть-чуть подпустить запаху сивухи и дегтю. Въ этомъ запахѣ онъ, какъ мы имѣли случай указывать прежде, видитъ букетъ русской народности.

Можно сказать, что чѣмъ ближе къ концу книги, тѣмъ содержаніе стихотвореній г. Некрасова становится все низменнѣе и низменнѣе. Онъ разсказываетъ уже окончательныя плоскости, напримѣръ, о томъ, какъ женихъ разочаровался въ своей невѣстѣ, заставъ ее въ кухнѣ пекущею пироги и пр. Единственнымъ извиненіемъ подобной пошлости могъ бы служить подписанный подъ нею 1850 годъ; но чѣмъ оправдать заботливую перепечатку этого стихотворенія въ 1874 году? Въ сценѣ *Дѣловой разговоръ* излагаются въ цѣ-

лыхъ 17 страницахъ дубовыми виршами, такія банальности, что, щадя читателя, избавляемъ его отъ выдержекъ. Въ *Притчѣ о Киселѣ* разсказывается языкомъ петербургскихъ фельетоновъ о какомъ-то вельможѣ, управлявшемъ театрами и стригшемъ актеровъ подъ гребенку; въ другомъ стихотвореніи рѣчь идетъ о генералѣ, управлявшемъ цензурой; въ третьемъ о чиновникѣ, сокрушающемся, что у него лобъ очень низокъ; въ четвертомъ о мальчишкѣ, котораго отдаютъ въ школу. Судя по крайне небрежной формѣ, надо думать, что всѣ эти стихотворенія писаны не для поэтическаго услажденія читателя, а ради сатирическаго содержанія, и можетъ быть даже ради предполагаемой въ нихъ высшей гражданской идеи. Но нельзя не согласиться, что эти идеи въ качественномъ отношеніи весьма немногимъ выше обличеній петербургскихъ мостовыхъ, которыми одно время усердно занимался г. Некрасовъ, и нисколько не выше гражданскихъ фельетоновъ, которыми наполняются уличные петербургскіе листки. Сатира г. Некрасова очевидно никакъ не въ силахъ отыскать того общественнаго зла, противъ котораго, по увѣреніямъ современной критики, ратуетъ нынѣшняя петербургская литература. Поэтъ, такъ-сказать, размахиваетъ сатирическимъ бичомъ въ пустомъ пространствѣ и постоянно бьетъ мимо цѣли; въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ гораздо менѣе чуткости къ современной дѣйствительности, чѣмъ, напримѣръ, г. Щедринъ, который хотя не договаривается до какой-нибудь опредѣленной мысли, но по крайней мѣрѣ избѣгаетъ обличеній заднимъ числомъ и остерегается въ семидесятыхъ годахъ казнить крѣпостное право.

Несмотря на прочную поэтическую репутацію, пріобрѣтенную г. Некрасовымъ, новыя стихотворенія его, при ихъ жалкой бѣдности содержанія, вѣроятно наскучили бы усерднѣйшимъ его поклонникамъ, если бы не заключали въ себѣ одной особенности, очевидно пришедшейся по вкусу современному читателю. Особенность эта заключается въ непомѣрной, неслыханной, такъ сказать, площадной грубости, отважно вносимой имъ въ печать. Г. Некрасовъ уснащаетъ свои стихи словами и выраженіями, которыя часто заставляютъ вспоминать собственное его сравненіе:

Словно близъ дома питейнаго
Крики носились кругомъ...

Въ этомъ употребленіи непечатныхъ словъ и выраженій для современнаго читателя, очевидно, заключается своего рода прелесть, по-

добно тому, какъ читателей прежнихъ поколѣній поэзія привлекала виртуозною изящностью своего языка. Это, впрочемъ, и понятно: отрицая поэзію, но поощряя стихотворство и виршеплетство, современный журнализмъ естественно долженъ былъ отвергнуть элементарныя требованія красоты и благородства, безъ которыхъ въ прежнее время немыслимымъ считалось никакое искусство. Гораздо менѣе логично то, что поэты нашихъ дней, пренебрегая изяществомъ формы и содержанія, не стѣсняются вмѣстѣ и требованіями обыкновеннаго здраваго смысла. У г. Некрасова есть, напримѣръ, стихотвореніе *Утро*, не успѣвшее войти въ отдѣльное изданіе и представляющее замѣчательный образчикъ какъ грубой непристойности выраженій, такъ и совершенной безсмыслицы и безсвязности содержанія. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ сравниваетъ деревенское утро съ петербургскимъ. Первые три куплета, представляя лишь перифразировку того, что много разъ было говорено Г. Некрасовымъ раньше, не останавливаютъ вниманія; но начиная съ четвертаго куплета, реальный поэтъ вдается въ такую свободу выраженій, которая заставляетъ думать, что для трезвыхъ поэтовъ новой школы грамматика и логика рѣшительно не обязательны. «Но не краше и городъ богатый», говоритъ поэтъ: —

Тѣ же тучи по небу бѣгутъ,
Жутко нервамъ — желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Куда относится это *тамъ?* къ небу? къ нервамъ? Не давая отвѣта, поэтъ продолжаетъ:

Начинается всюду работа,
Возвѣстили пожаръ съ каланчи,
На позорную площадь кого-то
Провезли, — тамъ ужъ ждутъ палачи.

Какой, подумаешь криминальный городъ Петербургъ — чуть утро, сейчасъ работа палачамъ... Но поэтъ, почерпающій свое реальное вдохновеніе изъ газетъ и журналовъ, не просмотрѣлъ ли на этотъ разъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены въ Россіи, такъ же какъ и смертная казнь, и что если въ настоящее время и существуютъ еще въ Петербургѣ палачи, то во всякомъ случаѣ роль ихъ не такъ дѣятельна и значительна, какъ представляется г. Некрасову? Далѣе:

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наемной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль.

Проститутку г. Некрасовъ придумалъ, очевидно, для подробности о постели. Но къ чему понадобились поэту офицеры, скачущіе на дуэль? будто ужъ въ самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ что ни утро, то дуэль? не приплетены ли они просто ради риѳмы? Послѣ двухъ еще куплетовъ заключительное четверостишіе гласитъ:

Дворникъ вора колотитъ — попался!
Гонятъ стадо свиней на убой,
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ: кто-то покончилъ съ собой...

Поэтъ кончилъ на приведенномъ куплетѣ конечно лишь потому, что надо же когда-нибудь кончить; но никакой внутренней потребности ограничиться наборомъ именно только тѣхъ словъ, какія набралъ поэтъ, читатель не ощущаетъ, и стихотвореніе могло бы быть продолжено въ томъ же родѣ на какое угодно количество строкъ. Можно было бы упомянуть, напримѣръ, какъ бабы везутъ бѣлье полоскать въ Фонтанкѣ, какъ Ванька выѣзжаетъ со двора на заморенной клячѣ, какъ городовой сморкается двумя пальцами и пр. и пр. Да, вѣроятно, Некрасовъ все это и разскажетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стихотвореній. Пристрастіе къ неблагопристойностямъ, къ употребленію въ печати такихъ выраженій, какихъ мало-мальски порядочные люди не допустятъ даже въ изустномъ разговорѣ, у г. Некрасова, повидимому, не есть что-либо случайное. Мы не обратили бы на эти пикантности дурного тона большого вниманія, если бъ онѣ проскользнули въ два-три мелкія стихотворенія; но въ послѣднее время онѣ являются у г. Некрасова въ такомъ изобиліи и такъ постоянно, что перестаютъ казаться случайностью. Самое крупное изъ его произведеній позднѣйшаго времени, нескончаемая поэма: *Кому на Руси жить хорошо*, вся построена именно на эффектахъ, какіе должны производить непечатныя слова, появляясь въ печати. Г. Некрасовъ не просто позволяетъ себѣ обмолвиться неприличностями, онъ, такъ-сказать, воздѣлываетъ эту литературную цѣлину, обнаруживая при этомъ изобрѣтательность,

достойную лучшаго дѣла. Его мужички такъ хитро играютъ неприличностями и плоскостями, что настоящимъ мужичкамъ, конечно и на умъ не вспадало, чтобы можно было такъ безобразничать русскимъ языкомъ; навѣрно ни близъ какого «дома питейнаго» не слышно такихъ кудреватыхъ пошлостей, какими украшена чуть не каждая страница поэмы г. Некрасова, и въ особенности послѣдней главы ея: *Крестьянка.* Столько настойчивости и изобрѣтательности, конечно, не могутъ быть случайными; г. Некрасовъ, очевидно, открылъ въ своемъ талантѣ новую силу и вводитъ въ современныя понятія о поэзіи новый элементъ, который, безъ сомнѣнія, считаетъ далеко не чуждымъ нынѣшнему литературному вкусу, далеко не неблагодарнымъ для стихотворца нашихъ дней. И очень можетъ быть, что онъ правъ: когда у поэзіи отнимаютъ содержаніе, смыслъ, красоту, благородство чувства и выраженія, необходимо что-нибудь дать взамѣну всѣхъ этихъ отвергнутыхъ элементовъ, и новое поколѣніе читателей, быть можетъ, мало-по-малу пріучится искать въ стихахъ пряности сальныхъ словъ и двусмысленностей.

Шестая часть стихотвореній г. Некрасова заключаетъ въ себѣ двѣ главы изъ поэмы: *Кому на Руси жить хорошо.* Первая, подъ напоминающимъ акушерскую практику заглавіемъ *Послѣдышъ,* построена на совершенно невѣроятномъ и, можно сказать, вполнѣ безсмысленномъ анекдотѣ: Какой то выжившій изъ ума князь Утятинъ хочетъ лишить своихъ сыновей наслѣдства за то, что они допустили состояться освобожденію крестьянъ; сыновья, чтобъ успокоить отца, увѣряютъ его, что крестьяне вновь отданы помѣщикамъ и подговариваютъ цѣлое село показывать старому князю видъ, будто крѣпостное право существуетъ, обѣщая за эту комедію подарить крестьянамъ луга. На этой-то комедіи, разыгрываемой мужиками, и основанъ предполагаемый юморъ поэмы. Г. Некрасову нелѣпая затѣя его кажется такъ смѣшна, что онъ поминутно заставляетъ хохотать цѣлую волость, въ силу авторской фантазіи, продѣлывающей нѣсколько мѣсяцевъ сряду невозможнѣйшій фарсъ: ахъ, какъ-молъ смѣшно! Вотъ до чего могутъ довести водевильныя отношенія къ народу и привычка считать его стоящимъ на той же степени бездѣльничества, на какой оказываются нерѣдко иныя литературныя свѣтила. Г. Некрасовъ, очевидно, не въ состояніи понять, что русскій крестьянинъ, хотя бы «Вахлацкой» волости, долго еще не дойдетъ

до той умственной скудости, какую являетъ поэма *Послѣдышъ,* и не станетъ забавляться безсмысленными фарсами, которые представляются столь забавными петербургскому поэту...

Укажемъ на одну сцену, ради которой, кажется, и сочиненъ весь *Послѣдышъ.* Крестьянинъ Агапъ, не одобрявшій затѣяннаго фарса, не захотѣлъ играть роль, и обиженный помѣщикомъ, наговорилъ ему дерзостей. Послѣдышъ, внѣ себя отъ изумленія и гнѣва, велитъ наказать грубіяна предъ всею волостью. Бурмистръ, опасаясь, чтобъ обманъ не открылся, за штофъ водки уговариваетъ Агапа подчиниться для вида распоряженію помѣщика:

Въ конюшню плутъ преступника
Привелъ, передъ крестьяниномъ
Поставилъ штофъ вина:
«Пей, да кричи: Помилуйте!
Ой батюшки! ой матушки!»
Послушался Агапъ,
Чу, вопитъ! Словно музыку
Послѣдышъ стоны слушаетъ,
Чуть мы не разсмѣялися,
Какъ сталъ онъ приговаривать:
«Катай его, разбойника,
Бунтовщика... Катай!»
Ни дать, ни взять подъ розгами
Кричалъ Агапъ, дурачился,
Пока не допилъ штофъ:
Какъ изъ конюшки вынесли
Его мертвецки пьянаго
Четыре мужика,
Такъ баринъ даже сжалился:
«Самъ виноватъ, Агапушка»,
Онъ ласково сказалъ...

Пикантностями подобнаго рода очень дорожитъ г. Некрасовъ и заботливо украсилъ ими свою поэму. Сцены дранья, различные пріемы употребленія розогъ и вообще вся теорія и исторія сѣченія составляетъ, какъ мы увидимъ, любимую тему реальнаго поэта и самый благодарный источникъ его вдохновенія. *Послѣдышъ* не лишенъ впрочемъ и пикантностей другого рода; напримѣръ, авторъ приводитъ такой разговоръ между мужичками:

Въ кромѣшный адъ провалимся,
Такъ ждетъ и тамъ крестьянина

Работа на господъ!
— Что-жь тамъ-то будетъ, Климушка?
— А будетъ, что назначено:
Они въ котлѣ кипѣть,
А мы дрова подкладывать.

Люди, мало-мальски знакомые съ нашимъ крестьяниномъ, позволятъ себѣ усомниться, чтобъ ихъ отношенія къ дворянамъ были до такой степени проникнуты злобною ненавистью, какъ это кажется г. Некрасову. Но что за важность! ben trovato — вотъ все, къ чему стремятся петербургскіе поэты новой школы.

Намъ пора однакоже перейти къ поэмѣ *Крестьянка*, составляющей отдѣльный эпизодъ поэмы *Кому на Руси жить хорошо* и вмѣстѣ самое крупное произведеніе новой шестой части стихотвореній г. Некрасова. Намъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ остановиться на этой поэмѣ, что нѣкоторыя, уже указанныя нами общія черты стихотворства г. Некрасова, выступаютъ въ ней съ особенною рельефностью, и произведеніе это можетъ назваться самымъ характернымъ образчикомъ той sui generis поэзіи, которой повидимому суждено господствовать въ нашей литературѣ. Поэтому мы позволимъ себѣ прослѣдить послѣдовательно содержаніе поэмы, и рѣшаемся указывать даже такія подробности, которымъ по настоящему не должно бы быть мѣста въ печати. Если чувство читателя будетъ такимъ образомъ не разъ возмущено, онъ по крайней мѣрѣ въ состояніи будетъ измѣрить всю глубину нашего литературнаго паденія — результатъ во всякомъ случаѣ полезный, хотя бы съ отрицательной стороны.

Первыя строки поэмы какъ нельзя лучше даютъ понятіе о томъ плоскомъ и грязномъ, мнимо-юмористическомъ тонѣ, въ которомъ задумано произведеніе.

Не все между мущинами
Отыскивать счастливаго,
Пощупаемъ-ка бабъ,

начинаетъ реальный поэтъ и тутъ же спѣшитъ обрисовать свой идеалъ бабы:

Корова холмогорская,
Не баба! Доброумнѣе
И глаже — бабы нѣтъ!

Узнавъ, что такая баба водится въ селѣ Клину, мужички, странствующіе въ поискахъ за счастливымъ человѣкомъ на Руси, отпра-

вляются ее отыскивать. Идутъ они полями и занимаются философствованіемъ на нѣкоторыя соціальныя темы:

Пшеница ихъ не радуетъ.
Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору;*
За то не налюбуются
На рожь, что *кормитъ всѣхъ.*

Приходятъ они въ покинутую помѣщикомъ усадьбу и встрѣчаютъ тамъ дворового, у котораго по всей спинѣ «былъ нарисованъ левъ». Мужички долго спорятъ и недоумѣваютъ, что за нарядъ диковинный на дворовомъ, пока догадливый Пахомъ не разрѣшилъ имъ загадки:

Халуй хитеръ: стащитъ коверъ,
Въ коврѣ дыру продѣлаетъ,
Въ дыру просунетъ голову
Да и гуляетъ такъ!

Въ саду видятъ они бесѣдку, а на бесѣдкѣ надпись, которая опять приводитъ ихъ въ недоумѣніе. Авторъ, однако, спѣшитъ объяснить въ чемъ дѣло:

Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты двѣ, три литеры,
Изъ слова благороднаго
Такая вышла дрянь!

Понятно, что ни по ходу разсказа, ни по побочнымъ обстоятельствамъ рѣшительно не было никакой надобности въ этой неуклюжей подробности; явилась она очевидно потому, что авторъ считаетъ необходимымъ украсить свое произведеніе наибольшимъ количествомъ непристойностей, составляющихъ, повидимому, существенный элементъ новой поэзіи. Мысль о неблагопристойной надписи такъ понравилась реальному поэту, что онъ возвращается къ ней на той же страницѣ въ стихахъ:

На что вамъ книги умныя?
Вамъ вывѣски питейныя
Да слово: *воспрещается,*
Что на столбахъ встрѣчается,
Достаточно читать!

Опустѣлая усадьба вообще богата диковинами: до слуха нашихъ странниковъ вдругъ доносится пѣсня незнакомаго пѣвца, поющаго якобы «нерусскія слова». Оказывается, что это малороссійскій пѣвецъ, завезенный помѣщикомъ изъ Конотопа и брошенный здѣсь. Его, конечно, скука томитъ страшная, и для развлеченія придумалъ онъ слѣдующее.

Отсюда версты три
Есть дьяконъ... тоже съ голосомъ...
Такъ вотъ они затѣяли
По-своему здороваться
На утренней зарѣ.
На башню какъ подымется
Да рявкнетъ нашъ: «здо-ро-во-ли
Жи-вешь, о-тецъ И-патъ?»
Такъ стекла затрещатъ!
А тотъ ему оттуда-то:
«Здорово, нашъ со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — И-ду!...
«Иду» — то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается...
Такіе жеребцы!

Въ концѣ концовъ странники отыскиваютъ свою «корову холмогорскую», Матрену Тимоѳеевну, которая и выкладываетъ предъ ними всю свою душу, то-есть разсказываетъ повѣсть своей жизни.

Вышла Матрена замужъ за красиваго и бойкаго питерщика Филиппа. Жили они согласно; мужъ колотилъ жену, какъ и слѣдуетъ, по мнѣнію петербургскихъ изслѣдователей народной жизни, вѣрящихъ пословицѣ: кого люблю, того и бью. При рѣчи о побояхъ, собесѣдники затягиваютъ хоромъ пѣсню, представляющую порожденіе какого-то отвратительнаго плотоядства:

Мой постылый мужъ
Подымается,
За шелкову плеть
Принимается.

Хоръ

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Поэтъ варьируетъ свою пѣсенку до трехъ разъ...

Свистящая плеть и брызжущая кровь такъ понравились автору, что различные виды порки и битья дѣлаются съ этихъ поръ господсвующимъ мотивомъ поэмы. Онъ сочиняетъ даже цѣлую вводную главу, не имѣющую никакой связи съ общимъ ходомъ повѣствованія, чтобы разыграть этотъ мотивъ во множествѣ варьяцій. Онъ выводитъ какого-то святорусскаго (?) богатыря Савелія, богатырство котораго заключается въ томъ, что онъ безъ поврежденія выноситъ на своей спинѣ всѣ виды разнообразнаго и мастерскаго сѣченія. Этотъ характерный видъ святорусскаго богатырства, изобрѣтенный г. Некрасовымъ, поэтъ желаетъ объяснить au serieus, заставляя Савелія говорить такимъ образомъ:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужикъ не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
Въ бою — а богатырь!
Цѣпями (?) руки кручены,
Желѣзомъ ноги кованы (?),
Спина... лѣса дремучіе
Прошли по ней — сломалися.
А грудь? Илья пророкъ
По ней (?) гремитъ, катается
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь!

Лѣса дремучіе начали ломаться на спинѣ Савелія съ тѣхъ поръ, какъ помѣщикъ его Шалашниковъ вздумалъ требовать со своихъ крестьянъ оброкъ. Во времена *досюльныя* къ деревнѣ ихъ не было приступу черезъ непроходимые лѣса, такъ что помѣщикъ разъ даже съ полкомъ пробовалъ доступиться къ нимъ и не могъ (!). Тогда онъ вытребовалъ крестьянъ къ себѣ въ городъ, и принялся ихъ пороть, чтобы выколотить изъ нихъ оброкъ. Поэтъ, конечно, не упускаетъ случая изобразить грандіозную сцену порки по всѣмъ требованіямъ реалистической поэзіи:

Туга мошна корёжская!
Да стоекъ и Шалашниковъ;
Ужь языки мѣшалися,
Мозги ужъ потрясалися
Въ головушкахъ — деретъ!
Укрѣпа (?) богатырская,
Не розги!

Крестьянамъ стало на первый разъ невтерпёжъ: заплатили. Шалашниковъ поднесъ имъ водки и похвалилъ, что сдались:

А то — вотъ Богъ! — рѣшился я
Содрать съ васъ шкуру начисто...
На барабанъ напялилъ бы
И подарилъ полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочетъ — радъ придумочкѣ)
Вотъ былъ бы барабанъ!

Оказалось однако, что двое стариковъ не сдались и понесли домой *подъ подоплекой* сторублевыя бумажки. Остальныхъ зло взяло — какъ это они смалодушничали? И рѣшили корёжцы на будущее время, сколько бы ни поролъ ихъ Шалашниковъ, не платить оброку. Такимъ образомъ, хотя:

Отмѣнно дралъ Шалашниковъ,
А не ахти великіе
Доходы получалъ:

сдавались слабые, а кто былъ покрѣпче, лучше желалъ умереть подъ розгами, чѣмъ отдать оброкъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Савелій, разсуждавшій, что

Какъ ни дери, собачій сынъ,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь...

Вольное житье корёжскихъ крестьянъ покончилось со смертью Шалашникова, новый владѣлецъ прислалъ управляющаго нѣмца, который тотчасъ прорубилъ въ лѣсахъ дороги, устроилъ удобное сообщеніе съ полиціей и принялся морить неплательщиковъ работой. Такъ шли дѣла восьмнадцать лѣтъ, наконецъ крестьяне потеряли терпѣніе, столкнули нѣмца въ яму и засыпали живьемъ. Виновныхъ, конечно, посадили въ острогъ и порѣшили, по наказаніи плетьми, сослать въ Сибирь. Савелью плети не причинили никакого неудовольствія:

Не выдрали — помазали,
Плохое тамъ дранье!

Вообще Шалашниковская школа была полезна Савелью; дальнѣйшее дранье принималось имъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Заводскіе начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съѣли драть!
Да насъ диралъ Шалашниковъ
Больнѣй — я не поморщился
Съ заводскаго дранья.
Тотъ мастеръ былъ — умѣлъ пороть!
Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
Что носится сто лѣтъ.

Помимо роли «святорусскаго богатыря», шкура котораго выдѣлана на сто лѣтъ розгами и плетьми, Савелій является въ разсказѣ только для того, чтобы «скормить» свиньямъ сына Матрены Тимоѳеевны, ненагляднаго Дёмушку. Необычайный пассажъ этотъ придуманъ авторомъ очевидно только для того, чтобы изобразить совершенно невѣроятную сцену, повѣствующую, какъ по случаю смерти Дёмушки наѣзжаютъ чиновники чинить судъ неизвѣстно надъ чѣмъ и надъ кѣмъ (такъ какъ не видно, чтобы свинья, съѣвшая ребенка, была привлечена къ отвѣту), а прибывшій съ ними лѣкарь, которому Матрена забыла поклониться новиной, рѣжетъ Дёмушку на куски предъ глазами матери. Возмутительныя подробности этой сцены переданы авторомъ съ реализмомъ, подобный которому можно отыскать развѣ въ учебникахъ судебной медицины, съ тою только разницей, что послѣдніе едва ли допускаютъ возможность вскрытія тѣла, уже съѣденнаго свиньями. Но, какъ мы не разъ уже видѣли, подобныя маленькія несообразности не смущаютъ поэтовъ и романистовъ реальной школы...

Есть еще одна любопытная черта въ изображеніи «святорусскаго» богатыря, на которую нельзя не указать. Г. Некрасовъ, конечно, знакомый съ грандіозными типами русскаго простолюдина, созданными нашею художественною литературой, повидимому пожелалъ сдѣлать изъ Савелія нѣчто подобное и сообщить ему тѣ черты высокаго духа, съ которыми русскіе люди являются иногда у графа Л. Толстаго, отчасти въ раннихъ произведеніяхъ г. Тургенева и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ романахъ г. Достоевскаго. Савелій, тревожимый угрызеніями совѣсти за свою оплошность, жертвой которой сдѣлался Дёмушка, прибѣгаетъ, подобно многимъ цѣльнымъ русскимъ натурамъ, къ утѣшеніямъ вѣры и молитвы. Онъ удаляется въ лѣса, уходитъ на покаянье въ далекій монастырь, и возвра-

щается на могилу Дёмушки, прибираетъ ее, ставитъ на ней складную золоченую икону. Матрена застаетъ его однажды распростертымъ предъ этой иконой. «Савельюшка! откуда ты взялся?» спрашиваетъ удивленная мать и слышитъ въ отвѣтъ:

— Пришелъ я изъ Песочнаго...
Молюсь за Дёму бѣднаго,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелій кланялся),
Чтобъ *сердце гнѣвной матери*
Смягчилъ Господь... Прости!

Ограничься поэтъ этою хорошо уловленною чертой, образъ Савелія, несмотря даже на карикатурныя подробности о его выдѣланной плетьми шкурѣ, вышелъ бы не лишеннымъ грандіознаго художественнаго отпечатка. Обращеніе къ благочестію, понимаемому въ смыслѣ любви, прощенія, молитвеннаго подвига, умиротворяющаго житейскія бури и страсти — черта, лежащая во глубинѣ народнаго русскаго духа и послужившая для многихъ нашихъ художниковъ благодарнымъ мотивомъ. Но г. Некрасовъ, повидимому, почувствовалъ такъ-сказать только внѣшнюю мелодію этого мотива, уловленнаго имъ очевидно не въ жизни, а въ литературѣ, и мотивъ этотъ не создалъ въ его представленіи никакого цѣльнаго образа. На слѣдующей же страницѣ г. Некрасовъ обращается попрежнему къ рецепту тенденціозной литературы, ищущей не живыхъ и цѣльныхъ типовъ, а ходячихъ глашатаевъ маленькихъ идей петербурскаго журнализма и носителей той безцѣльной и безпредметной злобы, которою новые беллетристы изобильно снабжаютъ своихъ героевъ. На слѣдующей же страницѣ г. Некрасовъ дорисовываетъ своего Савелія чертами, которыя находятся въ рѣшительномъ противорѣчіи съ только что указаннымъ нами мотивомъ и разрушаютъ мгновенно мелькнувшій предъ читателемъ грандіозный и художественно-цѣльный образъ. Послушный руководящимъ тенденціямъ петербургской журналистики, авторъ заставляетъ умирающаго Савелія, того самаго Савелія, который плакалъ и молился о смягченіи гнѣвнаго сердца матери, брюзжать и хрипѣть въ тонѣ распьянствовавшагося мастерового, въ родѣ Михайла Иваныча, въ повѣсти г. Глѣба Успенскаго *Раззоренье:*

«Не паши,
Не сѣй, крестьянинъ, сгорбившись!
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка не сиди!
Какъ вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мущинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ да каторга,
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку бѣлаго,
Вторая шелку краснаго,
А третья шелку чернаго —
Любую выбирай!
Въ любую полѣзай!»

Надо рѣшительно не имѣть художественнаго чутья и такта, чтобы не замѣтить какимъ диссонансомъ звучитъ послѣ молитвы о смиреніи гнѣвнаго сердца матери эта злобная и клевещущая рѣчь, очевидно вдохновленная пьяными разглагольствіями Михайла Иваныча «о прижимкѣ», въ повѣсти г. Глѣба Успенскаго. Такъ, даже у писателей съ извѣстною литературною опытностію, неизбѣжно сказывается вліяніе той тенденціозной лжи, которой служитъ петербургская журналистика, опустившаяся до уровня уличныхъ понятій, требованій и вкусовъ.

Прослѣдимъ однако далѣе приключенія злополучной Матрены Тимоѳеевны. Не успѣла она наплакаться по Дёмушкѣ, какъ стряхнулась надъ нею новая бѣда. Восьмилѣтній сынъ ея Ѳедотка взятъ былъ въ подпаски. Однажды въ отсутствіе пастуха, волчица выхватила изъ стада овцу и понесла ее черезъ поле. Ѳедотка бросился за нею и сталъ нагонять, такъ какъ волчица была «щонная».

У ней сосцы волочились,
Кровавымъ слѣдомъ, матушка,
За нею я гнался!

Подробность объ окровавленныхъ сосцахъ такъ понравилась реальному поэту, что черезъ нѣсколько строкъ онъ возвращается къ ней:

Подъ ней рѣка кровавая,
Сосцы травой изрѣзаны,
Всѣ ребра на счету...

Ѳедотушка сжалился надъ голодною волчицей и бросилъ ей овцу... За это его, разумѣется, положили высѣчь. Мать огорчилась за сына и въ сердцахъ толкнула старосту. Въ ту минуту, какъ deus ex machina, является помѣщикъ и «мигомъ» рѣшаетъ:

«Подпаска малолѣтняго,
По младости, по глупости,
Простить... а бабу дерзкую
Примѣрно наказать!»

Реальному поэту представилось такимъ образомъ искушеніе — изобразить, какъ баба ложится подъ розги: мужики ее раздѣваютъ, розга свиститъ, кровь брызжетъ и т. д. Къ чести г. Некрасова надо сказать, что на этотъ разъ онъ почувствовалъ неудобство черезчуръ реальныхъ пріемовъ описательной поэзіи, и вмѣсто подробнаго изображенія порки, ограничился одною строчкой:

Легла я, молодцы...

— сокрывъ остальное подъ таинственными точками, надъ которыми и предоставлено разыграться воображенію читателя. Вслѣдъ за розгами, изобрѣтательная фантазія автора создаетъ для героини поэмы новыя напасти. Несмотря на то, что одинъ изъ братьевъ Матренина мужа уже ушелъ въ солдаты, сходъ назначаетъ жребій Филиппу. Кланялся онъ бурмистру, писарю, да ничего не успѣлъ выхлопотать, потому что

Задаренъ... всѣ задарены...

Матрена въ ужасѣ, Филиппу забрили лобъ и сѣкутъ, сѣкутъ... Почему сѣкутъ? За что̀ сѣкутъ? Этого никто не можетъ объяснить читателю, но очевидно розга до того овладѣла воображеніемъ реальнаго поэта, что онъ уже не можетъ совладѣть съ ея размахами, и она свищетъ по всей поэмѣ, безъ толку, безъ смысла, словно въ какой-то плотоядной галлюцинаціи. Неисповѣдимыми судьбами является вновь на сцену умершій много лѣтъ назадъ Шалашниковъ и начинаетъ выдѣлку человѣческихъ шкуръ:

Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемѣна первая!»
Шалашниковъ кричитъ.

Упалъ Филиппъ: — Помилуйте!
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрѣпа богатырская,
Не розги у меня!»

Матрена соскакиваетъ съ печи и бросается бѣжать, въ морозную зимнюю ночь, причитая на бѣгу:

Владычица, во мнѣ
Нѣтъ косточки неломаной,
Нѣтъ жилочки не тянутой,
Кровинки нѣтъ не порченой —
Терплю и не ропщу!

Кто ей переломалъ косточки и повытянулъ жилочки, и какимъ образомъ можетъ бѣжать баба, приведенная въ такое состояніе — реальный поэтъ не счелъ нужнымъ объяснить читателю. Но замѣчательно, что тутъ опять, рядомъ — съ этимъ тенденціознымъ коверканьемъ злополучной героини, у автора проскакиваетъ черта очень вѣрная дѣйствительности и, очевидно, заимствованная изъ литературныхъ произведеній совсѣмъ другой категоріи: вслѣдъ за нелѣпыми причитаніями, Матрена говоритъ, какъ говорятъ простыя русскія женщины:

Молиться въ ночь морозную
Подъ звѣзднымъ небомъ божіимъ
Люблю я съ той поры.
Бѣда пристигнетъ — вспомните
И женамъ посовѣтуйте:
Усерднѣй не помолишься
Нигдѣ и никогда.
Чѣмъ больше я молилася,
Тѣмъ легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чѣмъ чаще я касалася
До бѣлой, снѣжной скатерти
Горящей головой...

За исключеніемъ послѣдней фразы, страдающей вычурною фигуральностью, эти строки на мгновеніе сообщаютъ образу Матрены Тимоѳеевны поэтическое освѣщеніе, черты художественной живучести; изъ-за каррикатурно-изломанной, сочиненной фигуры крестьянки на

мгновеніе какъ будто промелькнула живая русская женщина. Но г. Некрасовъ не въ состояніи останавливаться на подобныхъ чертахъ, очевидно навѣваемыхъ ему случайно, изъ литературныхъ впечатлѣній и воспоминаній. Вслѣдъ за словами простой, смиряющейся, молитвенно-настроенной русской женщины, изъ устъ Матрены изливаются рѣчи полныя нестерпимаго резонерства и фальши, словно поэтъ вдругъ исчезъ со сцены, и на мѣстѣ его начинаетъ усиленно трудиться маленькій газетный ремесленникъ. Видитъ Матрена тянущіеся въ городъ крестьянскіе обозы съ сѣномъ и хлѣбомъ, и изъясняется такимъ образомъ:

Жалѣла я коней:
Свои кормы законные
Везутъ съ двора, сердечные,
Чтобъ послѣ голодать.
И такъ-то все, я думала:
Рабочій конь солому ѣстъ,
А пустоплясъ — овесъ!

Подъ *пустоплясомъ*, вѣроятно, слѣдуетъ подразумѣвать господскую или кавалерійскую лошадь. Это измышленіе Матрены составляетъ достойный pendant къ приведенному выше разсужденію мужичковъ о провинности пшеницы, которая кормитъ *по выбору*. Затѣмъ авторъ уже не умѣетъ сойти съ фальшиваго тона, на который попалъ, и оканчиваетъ поэму балаганнымъ фарсомъ, напоминающимъ тотъ родъ произведеній, къ которому относятся повѣсть *Война Ѳедосьи съ Китайцами* и прочіе продукты рыночной книжной промышленности. Матрена приходитъ въ губернскій городъ, отыскиваетъ губернаторскій домъ, и послѣ совершенно нелѣпаго разговора со швейцаромъ, разрѣшается отъ бремени на крыльцѣ, на глазахъ супруги начальника губерніи. Для чего г. Некрасову понадобилось украсить свою поэму этимъ физіологическимъ актомъ, остается загадкой для читателя, на ряду со многими тайнами реалистической поэзіи. Сердобольная, но малосмыслящая губернаторша, вмѣсто того чтобъ отправить родильницу въ городскую больницу, даетъ ей комнату въ губернаторскомъ домѣ и нанимаетъ къ новорожденному кормилицу. Само собою разумѣется, что начальникъ губерніи, найдя въ своемъ домѣ нежданныхъ гостей, входитъ въ филантропическую затѣю своей несмыслящей супруги, посылаетъ «нарочнаго» произвесть

дознаніе о неправильной сдачѣ Филиппа въ рекруты и возвращаетъ его счастливой Матренушкѣ, коровѣ холмогорской тожъ. Начальница губерніи,

Елена Александровна
Ко мнѣ его, голубчика,
Сама, дай Богъ ей счастіе,
За ручку подвела —

разсказываетъ Матренушка. Читатель ожидаетъ, что вслѣдъ за тѣмъ въ губерніи, управляемой такими благодушными супругами, всѣ бабы въ послѣдніе дни беременности стали приходить разрѣшаться на губернаторское крыльцо; но вмѣсто того реальный поэтъ, на вопросъ: что-жь дальше?—заставляетъ свою героиню заканчивать повѣсть своей жизни такимъ образомъ:

Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену съ той поры.

Въ этомъ прозвищѣ «счастливицы» и заключается, по мнѣнію реальнаго поэта, главная идея и глубокая иронія его поэмы; вотъ, молъ, что̀ называютъ счастіемъ въ жизни русской крестьянки! И какъ бы опасаясь, чтобъ иной простоватый читатель не почувствовалъ неумѣстнаго благодушія въ виду счастливой развязки, г. Некрасовъ спѣшитъ оттѣнить иронію своей поэмы такимъ образомъ, чтобы смыслъ ея былъ совершенно ясенъ, и чтобы никакому благодушію не осталось мѣста: «Что̀ дальше? продолжаетъ Матрена,—

Домомъ правлю я,
Ращу дѣтей... на радость ли?
Вамъ тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянскіе
Порядки нескончаемы —
Ужь взяли одного!

Любопытно, что г. Некрасовъ никогда не поспѣваетъ со своею сатирой вслѣдъ за дѣйствительностью, и обличаетъ послѣднюю, такъ-сказать заднимъ числомъ: подобно тому, какъ въ *Послѣдышѣ* онъ обличилъ крѣпостное право ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ его отмѣны, такъ теперь, въ приведенныхъ строкахъ называетъ крестьянскіе порядки по отбыванію рекрутской повинности нескон-

чаемыми именно въ ту минуту, когда они кончились... Любопытная черта отсутствія сатирическаго чутья и такта въ сатирическомъ поэтѣ! Вмѣсто того, чтобы искать общественнаго зла въ условіяхъ современной дѣйствительности, г. Некрасовъ предпочитаетъ дешевую эксплуатацію отжившихъ порядковъ или еще болѣе дешевое безпредметное иронизированіе, въ родѣ слѣдующаго:

Чего же вамъ еще?
Не то ли вамъ разсказывать,
Что дважды погорѣли мы,
Что Богъ сибирской язвою
Насъ трижды посѣтилъ?
Потуги лошадиныя
Несли мы; погуляла я
Какъ升 меринъ въ боронѣ (?!)
Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками (?) не колота...
Чего же вамъ еще?

Это напоминаетъ извѣстное, старое стихотвореніе г. Некрасова о чиновникѣ, погоравшемъ четырнадцать разъ... Нынче реальный поэтъ сдѣлался осторожнѣе въ употребленіи именъ числительныхъ, но за то фантазія его получила болѣе широкій полетъ въ другихъ отношеніяхъ. Напримѣръ, баба, запряженная какъ меринъ въ борону, конечно, ничѣмъ не уступаетъ четырнадцати пожарамъ въ квартирѣ петербургскаго чиновника, и если поэтъ на послѣднихъ страницахъ своей поэмы дѣлаетъ нѣкоторую уступку, сознаваясь, что его героиню не топтали ногами и не кололи иголками, то онъ еще раньше вознаградилъ себя за такое воздержаніе, повѣдавъ, что у его Матренушки

Нѣтъ косточки не ломаной,
Нѣтъ жилочки не тянутой,
Кровинки нѣтъ не порченой.

Не обладая въ такой степени *реальнымъ* взглядомъ на природу вещей, въ какой этотъ взглядъ усвоилъ себѣ нашъ реальный поэтъ, мы готовы думать, что жить съ переломленными костями и вытянутыми жилами, по крайней мѣрѣ, такъ же мудрено, какъ и четырнадцать разъ погорѣть...

Теперь, послѣ долгаго странствія вмѣстѣ съ г. Некрасовымъ по дебрямъ реальной поэзіи, мы должны объяснить читателю, почему

мы позволили себѣ въ такой степени злоупотребить его терпѣніемъ и столь изрядно утомить его вниманіе. Произведеніе г. Некрасова, безъ сомнѣнія, не принадлежитъ къ числу такихъ, на которыхъ критикѣ позволительно останавливаться ради самаго произведенія; и не будь г. Некрасовъ выразителемъ извѣстнаго направленія въ современной литературѣ, не представляй онъ въ ней извѣстнаго знамени, не усиливайся петербургская критика создать къ услугамъ его нѣкоторую особую теорію, будто бы выражающую согласованіе литературныхъ требованій съ задачами времени, — не существуй всѣхъ этихъ условій, мы конечно прошли бы новые стихотворные опыты г. Некрасова полнымъ молчаніемъ, какъ проходимъ *Войну Ѳедосьи съ Китайцами, Семинога Вакулу* и прочіе продукты рыночной литературной промышленности. Но, какъ мы не разъ указывали, петербургская жуналистика создала для г. Некрасова совершенно особое, привилегированное положеніе, и говорить о немъ сдѣлалось не только позволительно, но даже необходимо, вслѣдствіе того, что посредствомъ стихотворства г. Некрасова сталкиваешься съ цѣлымъ литературнымъ направленіемъ и подходишь къ критическимъ принципамъ, охотно обобщаемымъ рецензентами и фельетонистами извѣстнаго разряда. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, совершивъ утомительное странствованіе по цѣлому тому Некрасовской поэзіи, мы незамѣтно приблизились къ весьма любопытному и немаловажному вопросу, поставленному критикой того самаго журнала, на страницахъ котораго впервые являются новѣйшія стихотворныя прегрѣшенія реальнаго поэта.

Вопросъ идетъ не менѣе какъ о томъ, въ чемъ заключается настоящая, истинная поэзія, и въ какомъ отношеніи къ этому искомому идеалу находятся мнѣнія, неоднократно заявленныя нами въ нашихъ критическихъ очеркахъ. Если бы вопросъ сводился въ настоящемъ случаѣ лишь къ нашимъ скромнымъ, посильнымъ стараніямъ внести нѣкоторый порядокъ въ нынѣшнія ходячія литературныя понятія, мы опять-таки уклонились бы отъ этого вопроса, какъ уклоняемся постоянно отъ полемики съ петербургскою журналистикой, удостоивающею насъ своего вниманія, конечно, свыше заслугъ нашихъ. Но за устраненіе всего того, что̀ имѣетъ характеръ литературной травли и брани, въ этой полемикѣ остается нѣчто общее, имѣющее несомнѣнный интересъ для той самой цѣли, которой служатъ наши статьи. Въ самомъ дѣлѣ авторъ критическаго фельетона

въ послѣдней книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* (№ 5 и 6), усиливаясь доказать непослѣдовательность литературныхъ мнѣній *Русскаго Вѣстника,* простираетъ свою любезность до того, что старается уяснить своимъ читателямъ сущность нашихъ критическихъ воззрѣній и пришпилить намъ ярлыкъ, подъ которымъ, по его мнѣнію, мы должны фигурировать предъ публикой. Выписавъ нашъ отзывъ о сатирахъ и эпиграммахъ Щербины (при чемъ, усердіемъ петербургскаго рецензента или корректора, эпиграмматическая поэзія превратилась въ романтическую), авторъ статьи восклицаетъ: «при чемъ остается принципъ чистаго искусства, если оказывается, что достаточно имѣть виртуозность стиха и чувство изящества, и можно смѣло пускаться въ тенденціозность, заниматься преходящими явленіями, брать отдѣльныя личности и изливать на нихъ свое чисто личное чувство, лишь бы только тенденціозность была въ дружественномъ, а не во враждебномъ намъ духѣ? И послѣ этого у критиковъ *Русскаго Вѣстника* хватаетъ духу объявлять себя послѣдователями и защитниками принципа чистаго искусства?»

Итакъ, критикъ *Отечественныхъ Записокъ* упрекаетъ насъ, по поводу статьи о Щербинѣ, въ отступничествѣ отъ служенія принципу того, что̀ онъ называетъ чистымъ искусствомъ, то-есть виртуозности стиха и изяществу отдѣлки, при чемъ стараніе наше служить этому принципу представляется не допускающимъ сомнѣнія. И это не есть личное изобрѣтеніе критика *Отечественныхъ Записокъ,* это общее мѣсто, за которое хватается вся петербургская журналистика, какъ только заводитъ рѣчь о нашихъ литературныхъ мнѣніяхъ.

Но мы желали бы спросить эту петербургскую журналистику, гдѣ и когда заявляли мы подобную теорію, въ разборѣ какихъ произведеній высказывали мы тѣ принципы, которые обязательно навязываютъ намъ рецензенты *Отечественныхъ Записокъ, С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, Голоса* и пр.? Служили ли мы имъ, указывая на достоинства и содержательность такихъ произведеній, какъ романы гг. Писемскаго и Достоевскаго, Андрея Печерскаго и гр. Саліаса? Во имя ли этихъ теорій защищали мы память Пушкина отъ поползновеній г. Пыпина? Да и въ самой статьѣ о Щербинѣ не старались ли мы указать, что виртуозность стиха не поглощала дѣятельности этого поэта, но что, напротивъ, нравственные интересы были всегда близки его таланту? Вѣдь если бы мы въ са-

момъ дѣлѣ руководились тою теоріей, которую приписываютъ намъ наши петербургскіе коментаторы, мы должны были бы отнестись со строгимъ порицаніемъ и къ роману *Въ Водоворотѣ* г. Писемскаго, и къ *Бѣсамъ* г. Достоевскаго, и къ *Дворянскому Гнѣзду* или *Отцамъ и Дѣтямъ* г. Тургенева, и ко множеству другихъ произведеній русской литературы, о которыхъ мы однакожь всегда отзывались какъ о самыхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ ея явленіяхъ.

Предположить въ нашихъ петербургскихъ коментаторахъ такъ мало здраваго толка, чтобы для нихъ въ самомъ дѣлѣ были недоступны наши руководящіе принципы, мы конечно не можемъ. Навязывать намъ теорію, которая поставляетъ задачей искусства только виртуозность стиха и изящество слога, могутъ только рѣшаясь на подтасовку и фальсификацію нашихъ идей. Это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаетъ петербургская журналистика, въ расчетѣ, что не всякій читатель станетъ повѣрять ее съ уликою въ рукахъ. Бороться противъ такого оружія мы считаемъ ниже себя; но такъ какъ журналисты, навязывающіе намъ выдуманные ими взгляды и принципы, обращаются съ этимъ лганьемъ къ публикѣ, то мы готовы воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобъ однажды, въ немногихъ словахъ, объяснить наши дѣйствительныя воззрѣнія.

Мы ищемъ въ каждомъ литературномъ произведеніи прежде всего таланта и мысли. Мы не требуемъ, чтобы талантъ автора былъ непремѣнно художественный, то-есть, чтобъ онъ непремѣнно творилъ образы; мы полагаемъ, что обыкновенное литературное дарованіе, при наблюдательности, умѣ и чувствѣ правды заслуживаетъ полнаго вниманія читателей публики. Никогда и нигдѣ не заявляли мы, чтобы тенденціозность произведенія сама по себѣ, безъ соединенія съ другими условіями, дѣлала его негоднымъ въ нашихъ глазахъ; мы не скажемъ этого даже въ томъ случаѣ, когда не будемъ согласны съ основною идеей автора, лишь бы въ этой идеѣ не было ничего насильственнаго, лишь бы въ угоду ей не ломалась и не коверкалась изображаемая авторомъ дѣйствительность, лишь бы въ произведеніи чувствовалось присутствіе таланта.

Не наша вина, если романы и поэмы тенденціозной петербургской печати такъ рѣдко удовлетворяютъ этимъ, смѣемъ думать, вполнѣ законнымъ требованіямъ. Для примѣра обратимся къ книгѣ,

которой посвящена настоящая статья. Развѣ мы споримъ противъ общей тенденціи г. Некрасова, развѣ мы возражаемъ противъ высказываемыхъ имъ невинныхъ и незатѣйливыхъ положеній, въ родѣ того, что крѣпостное право было зломъ, которое не должно возвращаться, что дурно драться съ горничными, что рекрутство — тяжкій жребій, и что злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ не должны быть терпимы и т. д.? Смѣемъ увѣрить нашихъ петербургскихъ коментаторовъ, что раздѣляемъ въ этихъ случаяхъ идеи ихъ любимаго поэта, и что если при всемъ томъ считаемъ произведенія этого поэта не заслуживающими критики, то вовсе не за идеи. Мы считаемъ стихотворенія г. Некрасова крайне плохими, потому что его идеи сами по себѣ не составляютъ того, что называется поэзіей. Чтобы дойти до своей азбучной морали, г. Некрасовъ находитъ нужнымъ исковеркать дѣйствительность, къ которой онъ прикасается, тогда какъ проповѣдуемыя имъ невинныя истины могли бы быть доказаны, если только онѣ нуждаются въ доказательствахъ — безо всякаго разлада съ чувствомъ жизненной правды. Въ этомъ сказывается уже не фальшивость идей, а просто отсутствіе поэтическаго ума, художественнаго таланта, безъ таланта же никакое беллетристическое произведеніе не имѣетъ права на существованіе. Такимъ образомъ здѣсь тенденціозность находится въ прямой враждѣ съ элементарными требованіями, предъявляемыми ко всякому литературному труду. Внѣ этихъ требованій мы не понимаемъ литературы, и напротивъ, вполнѣ понимаемъ, что чѣмъ богаче художественное произведеніе идеями, содержаніемъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ оно вниманія критики. Въ томъ-то и заключается причина нашего литературнаго упадка, что поэты и романисты извѣстнаго направленія, отрицая такъ-называемое чистое искусство во имя реальной правды и практической содержательности, на самомъ дѣлѣ не даютъ ни той, ни другой.

Въ ихъ произведеніяхъ чувствуются только напряженныя и безплодныя потуги сказать нѣчто очень важное, очень близкое къ общественнымъ интересамъ минуты, но потуги эти разрѣшаются лишь плоскостями, подобными обличеніямъ несуществующаго крѣпостнаго права или драки съ горничными. Отвергая художественность и не давая взамѣнъ ея ни одной мысли, стоящей нѣсколько болѣе мѣдной копейки, беллетристы новаго направленія творятъ въ пустынѣ,

гдѣ умъ читателя вянетъ и киснетъ. Подобная литература, конечно, не заслуживаетъ даже права называться литературою, и критика можетъ относиться къ ней лишь отрицательно.

А.

* * *

*) Некрасовъ въ своихъ стихахъ шелъ совершенно въ тонъ съ господствующимъ направленіемъ нашей послѣ-гоголевской литературы; онъ внесъ это направленіе и въ стихи, и вотъ это-то и было главной причиной, что даже въ тотъ переходный моментъ, когда вовсе не читали у насъ стиховъ, Некрасова не только не переставали читать — имъ даже зачитывались. Уже одно это, одна такая популярность его произведеній должна дать ему видное мѣсто въ исторіи русской литературы.

Извѣстно, что Некрасовъ по преимуществу считается у насъ стихотворцемъ, воспѣвающимъ народную долю. Дѣйствительно, онъ сталъ ее воспѣвать издавна, затрогивая при этомъ такія стороны, которыя даже и не совсѣмъ удобно и безопасно было затрогивать въ тѣ времена. Онъ, подобно Тургеневу, Григоровичу и др., въ этомъ смыслѣ далеко опередилъ своихъ робкихъ, оробѣвшихъ, или же нечуткихъ, слишкомъ отвлеченно глядѣвшихъ предшественниковъ. Некрасовъ, какъ извѣстно, въ своихъ первыхъ, возбудившихъ вниманіе публики, произведеніяхъ (самыя первыя, псевдонимныя, когда-то такъ неблагосклонно принятыя Бѣлинскимъ, я опускаю), затронулъ отживающее крѣпостное право, хотя ни онъ, ни Тургеневъ, ни Григоровичъ, конечно, не могли тогда знать, что оно близко къ концу. Некрасовъ смѣло коснулся этого явленія въ своихъ извѣстныхъ пьесахъ: «Въ дорогѣ», «Забытая деревня», «Огородникъ». Особенно сильное впечатлѣніе, какъ извѣстно, произвело небольшое стихотвореніе: «Въ дорогѣ». Читателей невольно затронула за живое несчастная доля крестьянской дѣвушки, воспитанной по-барски, а потомъ отосланной обратно въ ту же среду, изъ которой ее по господской прихоти вырвали и съ которой теперь у нея уже ничего нѣтъ общаго. Между тѣмъ ее даже выдаютъ замужъ за вполнѣ неразвитаго человѣка. Въ «Огородникѣ» затрогивается уже совершенно

*) О. Миллеръ. Публичныя Лекціи. «*Некрасовъ.* Произведенія перваго періода (по 1861 г.)» Настоящая статья О. Миллера помѣщается здѣсь нѣсколько въ сокращенномъ видѣ.

другое: тутъ мы видимъ простого крестьянина, который полюбился барышнѣ и поплатился за то забритіемъ лба и острогомъ, — конечно, безъ всякаго суда, — какъ оно велось въ крѣпостную пору. А «Забытая деревня», со всѣми насущными ея вопросами, которые ждутъ безотлагательнаго рѣшенія, но все откладываются до пріѣзда помѣщика! Вотъ онъ наконецъ является, но только для того, чтобы схоронить своего отца, и опять укатить, не рѣшивъ ни одного вопроса. Или «Псовая охота», — съ цѣлымъ штатомъ полуголодныхъ людей, служащихъ помѣщику для того, чтобы онъ могъ отдыхать отъ житейской прозы... Или «Записки графа Гаранскаго», написанныя всего за три года до уничтоженія крѣпостного права, въ которыхъ этотъ милый графъ, пораженный тѣмъ, что народъ такъ много работаетъ говоритъ:

«Должнȯ бы вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
«Что изнурительно излишество въ работѣ.
«Не такова ли цѣль въ нѣмецкихъ сюртукахъ
«Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
«Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ.
«Какъ быть! Не вразумишь ихъ средствами другими,
«Натуры грубыя!...»

Съ той же самой наивностью, заставившей его вообразить, что нагайки употребляются собственно для того, чтобы умѣрять излишній пылъ крестьянъ къ работѣ, — съ тою же наивностью онъ и далѣе наблюдаетъ изъ окна своей кареты.—

«Да, бытъ крестьянина отъ нищеты далекъ!
«По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжая,
«Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ
«И гаркнули: «ура»... Съ балкона наблюдая,
«Спросилъ: довольны-ли? — Кричатъ: довольны всѣмъ!...»

Нѣкоторыя стихотворенія показываютъ намъ то жгучее нетерпѣніе, съ какимъ ожидалъ народъ своего освобожденія.

Такъ, напримѣръ, стихотвореніе «Знахарка» оканчивается словами:

«Ты намъ тогда предскажи нашу долю,
Какъ отъ господъ отойдемъ мы на волю».

Въ стихотвореніи же «Деревенскія новости», пріѣзжій, выспрашивающій объ этихъ новостяхъ, наконецъ нетерпѣливо перебивается словами:

«Ну, говори поскорѣй,
Чтȯ ты слыхалъ про свободу?»

Но основная тема Некрасова оказывается далеко не отжившею и съ уничтоженіемъ крѣпостного права. Тема эта — трудовая, въ безъисходномъ трудѣ изнывающая жизнь крестьянина — отживетъ, конечно, еще не скоро: зло, пустившее глубокіе корни, сразу не уничтожается. Потому-то всю свою силу сохраняетъ еще и теперь *‹Несжатая полоса›*, или же ‹Калистратъ›, относящійся съ добродушной ироніей русскаго человѣка къ своей горькой долѣ:

‹Надо мной пѣвала матушка,
‹Колыбель мою качаючи:
—‹Будешь счастливъ, Калистратушка,
‹Будешь жить ты припѣваючи!›

И предсказанье вполнѣ сбылось. Калистратъ продолжаетъ:

‹Въ ключевой водѣ купаюся,
‹Пятерней чешу волосыньки,
‹Урожаю дожидаюся
‹Съ непосѣянной полосыньки!›

Неизбѣжное слѣдствіе нужды — огрубѣніе нравовъ, проявляющееся, между прочимъ, въ дикомъ семейномъ деспотизмѣ. Мы можемъ судить объ этомъ и по собственнымъ пѣснямъ народа — напримѣръ, по пѣснямъ свадебнымъ, въ которыхъ, правда, замѣтны и очевидные признаки смягченія нравовъ; но рядомъ съ такими признаками, свидѣтельствующими о движеніи народа впередъ, мы встрѣчаемъ и кидающуюся въ глаза дикость, отчасти сохранившуюся въ пѣсняхъ (какъ оно часто бываетъ) отъ древнѣйшихъ временъ, отчасти же и позже налегшую на самый смягченный ихъ слой подъ вліяніемъ тѣхъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя не только задержали дальнѣйшее развитіе народа, но даже повернули его назадъ къ допотопной грубости. Вотъ это-то обратное впаденіе въ огрубѣлость, это совершившееся, вновь подъ вліяніемъ нужды и неволи, очерствѣніе чувствъ представляетъ намъ и Некрасовъ. Смотритъ ли онъ на крестьянскую красавицу, вотъ какія мысли внушаетъ она ему:

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть,
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни — появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

Подъ вліяніемъ нужды, исчезаютъ мало-по-малу и безкорыстныя отношенія къ людямъ. Самое чувство печали по умершимъ принимаетъ своего рода эгоистическій, утилитарный оттѣнокъ. Вспомните стихотвореніе: «Въ деревнѣ» и плачущую тамъ по сынѣ крестьянку-мать. Вотъ вѣдь на что она собственно жалуется:

«Кто приголубитъ старуху безродную —
«Вся обнищала въ конецъ!
«Въ осень ненастную, въ зиму холодную
«Кто запасетъ мнѣ дровецъ?
«Кто, какъ доносится теплая шубушка,
«Зайчиковъ новыхъ набьетъ?
«Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка, —
«Даромъ ружье пропадетъ!»

Подъ вліяніемъ нужды и неволи, далеко не всѣ сохраняютъ тѣ симпатическія отношенья къ другимъ, которыя такъ любитъ выставлять Достоевскій въ обиженныхъ судьбою людяхъ, и которыя такъ вѣрно подмѣчены во многихъ представителяхъ нашего простонародья: Тургеневымъ, Ал. Толстымъ, Рѣшетниковымъ. Въ цѣломъ множествѣ зашибленныхъ нуждой и неволей людей развивается, напротивъ того, эгоизмъ, сердце черствѣетъ, съуживается и замыкается въ самомъ себѣ, становится даже способнымъ пользоваться невзгодами ближняго. Отсюда развитый въ народѣ до самыхъ безобразныхъ размѣровъ типъ *кулака, міроѣда*; типъ этотъ рисуетъ намъ и Некрасовъ въ своемъ «Власѣ», до совершившагося въ немъ религіознаго превращенія. Про него разсказывается, что онъ

. . . . Побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ,
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Но и самое, какъ я не совсѣмъ точно назвалъ его, «религіозное превращеніе» Власа — въ сущности вовсе не превращеніе. Онъ только вспомнилъ (можетъ быть, взглянувъ на картину страшнаго *суда*, когда-то испугавшую Владиміра и многихъ другихъ владыкъ,

тѣмъ самымъ и побужденныхъ къ крещенію), онъ только вспомнилъ, что за все это онъ долженъ будетъ отвѣтить, что за все это его будутъ мучить, и вотъ, подъ вліяніемъ опять-таки чисто-эгоистическаго чувства страха, а вовсе не въ силу внутренняго переворота, не въ силу того, чтобы черствая душа его размягчилась, онъ надѣваетъ вериги, предается усиленному посту и ходитъ за сборомъ на церковь.

Само собой разумѣется, что не малая доля отвѣтственности за такую нравственную порчу народа падаетъ на всѣхъ насъ, сытыхъ, въ довольствѣ живущихъ людей, пользующихся высшими наслажденіями, между тѣмъ какъ народъ совершенно лишенъ всего этого. Некрасовъ это глубоко чувствуетъ: — въ небольшомъ отрывкѣ, написанномъ *на сонъ грядущій,* онъ желаетъ тому доброй ночи,

«Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи».

Еще ярче выражается это виновное сознаніе тяготы народной доли въ большомъ прекрасномъ стихотвореніи «На Волгѣ»... Некрасовъ рисуетъ намъ уже явленіе позднѣйшее — картину волжскаго бурлачества, въ своемъ родѣ мастерски нарисованную, только не въ стихахъ, и Рѣшетниковымъ, не даромъ посвятившимъ Некрасову своихъ «Подлиповцевъ».

...Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ,
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный, похоронный крикъ, —
И сердце дрогнуло во мнѣ.
Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ.

Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица —
Все та жъ покорность безъ конца...

Эгу долговременность явленія Некрасовъ объясняетъ тѣмъ, что

Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей.

Между тѣмъ, мы видѣли, что въ этой жизни бурлаковъ думаютъ найти чуть-ли не своего рода обѣтованный край — тѣ дѣйствительно близкіе къ животному состоянью Подлиповцы, которыхъ намъ рисуетъ Рѣшетниковъ. Но мы видѣли также, что и эти въ конецъ обиженные судьбой люди въ сущности оказываются далеко не животными, такъ какъ и въ нихъ есть и желаніе лучшаго, и желаніе помочь ближнему. Такая справка съ «трезвою правдой» Рѣшетникова невольно заставляетъ насъ заключить, что Некрасовъ, подъ вліяніемъ стольkихъ картинъ народной нужды и народнаго упадка, впалъ въ невольное преувеличеніе, сказавъ, что бурлаки «безсмысленнѣй звѣрей». Но тотъ же самый Некрасовъ умѣетъ такъ ярко выставлять на видъ и вполнѣ человѣческія черты въ народѣ. Вспомните у него привлекательный образъ «Арины солдатской матери»: съ какимъ теплымъ чувствомъ встрѣчаетъ она возвращающагося сына, который съ своей стороны доказываетъ ей свою привязанность тѣмъ, что, совсѣмъ ужъ больной, близкій къ смерти, собираетъ послѣднія силы, чтобы починить ей избенку. (Надо замѣтить, что *мать* вообще очень часто и съ особенною любовью упоминается у Некрасова; съ этимъ словомъ какъ бы связывается у него какое-то особенно дорогое, личное воспоминаніе). Крестьянская мать и крестьянская жена, при всей трудности своей доли, постоянно выставляются у нашего поэта не падающими духомъ. Вспомните у него женщину, которая, работая въ полѣ, услышала крикъ оставленнаго ею въ сторонѣ и заснувшаго было ребенка; вспомните и слова, съ какими обращается къ ней поэтъ:

«Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать».

Но Некрасовъ выставляетъ въ народѣ не одну только силу *родственнаго* чувства; онъ, какъ и Рѣшетниковъ, выставляетъ намъ

и примѣры теплой заботы простыхъ людей *о чужихъ*. Вспомните стихотвореніе «Школьникъ»... А какъ отрадно дѣйствуетъ у нашего поэта свѣтлая картина «Крестьянскихъ дѣтей» *), которая можетъ быть поставлена, по своей основной мысли, на ряду съ «Бѣжинымъ лугомъ» Тургенева...

Существуетъ мнѣніе, что нашъ простой народъ, въ дѣтствѣ привязанный къ раздолью полей и золотыхъ нивъ, съ лѣтами становится глухъ къ голосу природы; — Некрасовъ представляетъ намъ дѣло съ нѣсколько другой стороны. Вспомните его стихотвореніе «Зеленый шумъ», рисующее умягчительное вліяніе приближающейся весны на душу простого человѣка. Зимній мракъ и дикіе звуки зимней вьюги поддерживали въ немъ мысль о преступленіи; онъ оскорбленъ, какъ семьянинъ, и рука его уже поднимается на существо его обманувшее, но вотъ вдругъ

«Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
«Зеленый шумъ, весенній шумъ!
«Слабѣетъ дума лютая,
«Ножъ валится изъ рукъ,
«И все мнѣ пѣсня слышится
«Одна — въ лѣсу, въ лугу:
«— Люби, покуда любится,
«Терпи, покуда терпится,
«Прощай, пока прощается,
«И — Богъ тебѣ судья!»

Но такое же точно прощающее настроеніе, такая же мягкая готовность не осуждать ближняго во вниманіе къ тому, что могли быть особенныя причины, побудившія его къ преступленію — хотя бы такому, какъ самоубійство, особенно осуждаемое народомъ — такая же человѣчная снисходительность сказывается у Некрасова въ сердцѣ простолюдина въ стихотвореніи «Похороны»... (Приводится выдержка изъ стихотворенія).

А вотъ, наконецъ, и пробужденіе глубокаго человѣческаго чувства въ преступникѣ, пробужденіе въ немъ того свѣжаго, юнаго чувства любви, которое, повидимому, должно было замереть въ немъ навѣки, но которое вдругъ пробуждается при случайной встрѣчѣ *въ больницѣ*. (Приводится выдержка изъ стихотв. «Въ больницѣ»).

---

*) Стихотвореніе это относится уже къ 1861 году.

Не мало, стало быть, въ различныхъ стихотвореніяхъ Некрасова затронуто мягкихъ, вполнѣ человѣческихъ проявленій въ народной жизни. Но въ этой больницѣ, которой посвятилъ онъ особое стихотвореніе, съ людьми изъ простого народа сходятся вѣдь и люди образованныхъ классовъ. Стихотвореніе даже начинается разсказомъ о томъ, какъ

...«свѣтя, показалъ
Въ уголъ намъ сонный смотритель.
Трудно и медленно тамъ угасалъ
Честный бѣднякъ сочинитель».

Бѣдность, болѣзнь, несчастіе дѣйствительно сводятъ всѣхъ въ одну грустную семью! Некрасовъ вообще сочувственно касается положенія тѣхъ людей, къ какому бы классу они ни принадлежали, — которыхъ и онъ, вслѣдъ за Достоевскимъ, могъ бы назвать «униженными и оскорбленными». Какъ часто мы встрѣчаемся у него съ человѣкомъ порочнымъ, чувствующимъ бездну своего паденія, и уже не могущимъ подняться, — но поэтъ при этомъ даетъ намъ понять причину такого паденія, и осуждающій голосъ сострадательно умолкаетъ у насъ въ груди. Вспомнимъ, напримѣръ, этого «пьяницу», которому такъ хотѣлось-бы

То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.

Вспомнимъ стихотвореніе: «Убогая и нарядная», въ которомъ выводятся двѣ совершенно различныя «Сонечки Мармеладовы», и про первую, т. е. про убогую, говорится:

Нѣтъ, тебѣ состраданья не встрѣтить,
Нищеты и несчастія дочь!
Свѣтъ тебя предаетъ поруганью
И охотно прощаетъ другой,
Что торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой.

Въ пьесѣ: «Ѣду ли ночью по улицѣ темной» мы видимъ женщину, которой не на что похоронить ребенка и у которой вдругъ находятся для того деньги — опять та же вѣчная «Сонечка Мармеладова!» Эта женщина передъ тѣмъ испытала довольство — въ смыслѣ богатства: она досталась въ жены человѣку, который могъ надѣлить ее всѣмъ, кромѣ счастія, и котораго она такъ не-

благоразумно бросила! Но Ап. Григорьевъ имѣлъ полнѣйшее основаніе замѣтить, что это стихотвореніе, оскорбляющее нѣкоторыхъ пуританъ, въ основѣ своей совершенно нравственно. Несчастная семейная доля, отравляющая жизнь самыхъ богатыхъ людей и сближающая ихъ съ самыми обиженными судьбою, затрогивается Некрасовымъ и въ такихъ пьесахъ, какъ «Гадающей невѣстѣ», «Дешовая покупка», «Прекрасная партія». Вспомните безпощадное предсказанье поэта:

У него прекрасныя манеры,
Онъ не глупъ, не бѣденъ и хорошъ;
Что гадать? ты влюблена безъ мѣры,
И судьбы своей ты не уйдешь.
Онъ твои плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей,
Все отдастъ за плоскія рессоры
И за пару кровныхъ лошадей.

А что составляетъ предметъ *дешевой покупки?* Что? Еще такъ недавно-изготовленное приданое дочери богатыхъ родителей, которое ловкій супругъ успѣлъ уже все спустить въ какіе-нибудь полгода. Не лучшая участь ожидаетъ и дочку Долгова послѣ «прекрасной» партіи съ человѣкомъ, который

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
Чтобъ какъ-нибудь забыться...
Пуста душа и пустъ карманъ —
Пора, пора жениться!

Кому-нибудь изъ подобныхъ же господъ должна будетъ достаться и та модная красавица, вокругъ которой увиваются свѣтскіе львы, тогда какъ къ ней не смѣетъ и подступить человѣкъ, дѣйствительно ее любящій, но рисующій себя вотъ какимъ:

«...войду, какъ потерянный, —
«И ударится въ пятки душа!
«На ногахъ словно гири желѣзныя,
«Какъ свинцомъ налита голова,
«Странно руки торчатъ безполезныя,
«На губахъ замираютъ слова».

Стихотвореніе это, какъ извѣстно, озаглавлено: «Застѣнчивость» — нерѣдкая принадлежность людей, которыхъ не особенно балуетъ судьба! Та же застѣнчивость — только въ другомъ родѣ и въ дру-

гомъ случаѣ, — т.-е. такая же точно растерянность бѣднаго человѣка, составляетъ содержаніе извѣстнаго стихотворенія «Филантропъ». Оробѣлъ бѣднякъ, не съумѣлъ въ точности, въ видѣ рапорта, разсказать о своемъ положеніи, сбился — и принятъ за пьяницу! А вѣдь онъ еще имѣетъ дѣло съ человѣкомъ хотя и изъ сытаго, обыкновенно надутаго класса, но сравнительно склоннымъ къ добру, только склоннымъ совершенно холодно, какъ бы прописывая себѣ это, а потому и готовымъ воспользоваться всякимъ предлогомъ къ отказу. Отсутствіе настоящей сердечной теплоты, настоящаго нравственнаго чувства — вотъ что̀ рисуетъ Некрасовъ въ лицѣ своего «Филантропа». Отсутствіе настоящаго нравственнаго чувства, скрывающееся подъ внѣшнею нравственною благовидностью, подъ ходячею свѣтскою моралью — это опять одна изъ любимыхъ темъ нашего поэта. Люди по горло сытые, не знававшіе горя, любятъ требовать отъ другихъ безупречной нравственности, идеальныхъ добродѣтелей. Въ «Современной одѣ» Некрасовъ затрогиваетъ одного изъ такихъ господъ: съ какимъ достоинствомъ онъ себя держитъ, не заискивая ни въ комъ, какъ онъ благодушенъ, какая у него полная и открытая чаша для всякаго «порядочнаго» человѣка, словомъ — какой онъ привлекательный образецъ добра! Поэту рѣшительно не хотѣлось бы разочаровываться.

Не спрошу я, откуда явилося,
Что теперь въ сундукахъ твоихъ есть;
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилося
За твою добродѣтель и честь!

Но послѣ того, какъ все съ неба свалилось, оно вѣдь не очень и трудно сдѣлаться, а особливо прослыть, добродѣтельнымъ! А стихотвореніе «Нравственный человѣкъ»?... Извѣстно, что Ап. Григорьевъ находилъ въ этой пьесѣ что-то водевильное — что-то забавно-придуманное въ той откровенности, съ какою обо всемъ этомъ тутъ говорится въ первомъ лицѣ; но взглядъ критика едва ли справедливъ, если разсматривать пьесу Некрасова въ связи съ другими сатирическими выходками его противъ фальшивой морали. Ненадобно также забывать, что слова «Нравственнаго человѣка» — вовсе не драматическій монологъ, а потому въ нихъ и можетъ проглядывать *иронія* самого автора. Та же иронія слышна и въ стихотвореніи — «На улицѣ», въ словахъ того сытаго человѣка, который, разъѣзжая на лихачѣ, замѣчаетъ человѣка, стянувшаго отъ

голода калачъ съ лотка; и что же? это зрѣлище поднимаетъ въ сытомъ цѣлый взрывъ нравственнаго негодованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно его настраиваетъ, — такъ что онъ —

«......Богу поспѣшилъ молебствіе принесть
За то, что у него наслѣдственное есть».

Въ пылу озлобленія противъ этой фарисейской морали, чтобы хорошенько разсердить людей, которые ея держатся, и посильнѣе имъ показать презрѣніе — написано стихотвореніе: «Вино». Тѣмъ, кто нападаетъ на извѣстный народный порокъ, тутъ указываются такіе случаи, когда вино, заставляя забыться, удерживаетъ человѣка отъ худшаго, именно отъ преступленія. Здѣсь, можетъ быть, и есть своего рода натянутость, но все это вполнѣ объясняется злобнымъ намѣреніемъ сатирика — уколоть, за ихъ нечеловѣческую мораль, въ довольствѣ живущихъ людей. Мысль поэта та, что подъ этой кажущейся моралью, подъ этой проповѣдью дешевой добродѣтели, скрывается безсердечіе, отсутствіе той любви къ людямъ, которая только и служитъ основой настоящей морали. Будь въ нихъ хоть капля этой послѣдней, — они постарались бы разгадать причины той безнравственности бѣдняка, на которую они такъ нападаютъ. Имъ невольно запалъ бы въ душу вопросъ: не могъ ли бы этотъ бѣднякъ быть удержанъ отъ многаго, если бы они, богачи, дали ему стать на другую дорогу? Но, вовсе не заботясь объ этомъ, ни мало не ограничивая своего права на широкую жизнь правомъ другихъ людей, какъ бы не признавая за ними и простого права — не умереть съ голоду и имѣть возможность оставаться вполнѣ людьми, широко живущіе люди, съ другой стороны, лишаютъ самихъ себя цѣлаго ряда такихъ наслажденій, которыя и немыслимы безъ живой любви къ людямъ, только и сообщающей настоящую полноту человѣческой жизни. Въ этомъ — основная мысль «Размышленій у параднаго подъѣзда», у котораго скопилось такъ много понапрасну дожидающихся мужиковъ. Многія строфы этой сатиры служатъ какъ бы современнымъ видоизмѣненіемъ «Вельможи» Державина. Какъ знаменитый лирикъ-сатирикъ екатерининскаго времени, такъ и нашъ современный поэтъ обращается тутъ къ тому беззаботно нѣжащемуся вельможѣ, отъ котораго жирный швейцаръ только что прогналъ мужиковъ просителей...

Передъ нами такимъ образомъ уже опредѣлились основныя черты некрасовской поэзіи. Но въ нѣкоторыхъ пьесахъ Некрасовъ и самъ въ точности опредѣляетъ ея направленіе. Возьмемъ, напр., пьесу — «Родина»; при чемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не надо забывать, что, говоря отъ своего имени, поэтъ вовсе не непремѣнно рисуетъ именно себя, свое собственное положеніе, — онъ можетъ говорить отъ своего лица во имя цѣлаго множества людей въ томъ же положеніи: вмѣсто *я* смѣло можно читать *мы*. (Приводится отрывокъ изъ стихотворенія «Родина»)...

То же самое могли бы сказать о себѣ и многіе изъ нашихъ поэтовъ до Некрасова. Въ такой же точно средѣ выросъ и Пушкинъ: — это однако не мѣшало посѣщенію его въ дѣтствѣ тою беззаботною музой, которая забыла у него свою свирѣль, и подъ вліяніемъ которой онъ пѣлъ

То гимны важные, внушенные богами,
То пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.

Некрасовъ, въ другомъ извѣстномъ стихотвореніи, описываетъ намъ *свою* музу, и при этомъ говоритъ:

Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной.
Въ небесной красотѣ, неслышимо какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла!

Нашъ современный поэтъ уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ совершенно иначе настраиваемъ посѣщеніями

Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ,
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей...

Изъ того, что я такимъ образомъ оттѣняю словами Некрасова его поэзію отъ пушкинской, вовсе, конечно, не слѣдуетъ, чтобы я ставилъ Некрасова выше Пушкина, а слѣдуетъ только, что Некрасовъ занимаетъ въ ходѣ развитія нашихъ литературныхъ понятій дальнѣйшую и болѣе высокую ступень. «Поэзія не отъ міра сего»

до того отжила свой вѣкъ, что для насъ въ настоящее время уже совершеннымъ анахронизмомъ звучитъ другое стихотвореніе Некрасова —

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.

—

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Нѣтъ, въ настоящее время именно онъ-то и не можетъ уже никакъ «властвовать толпой»; въ настоящее время оказывается совершенно правымъ другой поэтъ, только что написавшій стихотвореніе съ прямо противоположнымъ взглядомъ:

Блаженъ озлобленный поэтъ,
Будь онъ хоть нравственный калѣка,
Ему вѣнцы, ему привѣтъ
Дѣтей озлобленнаго вѣка.
Невольный крикъ его — нашъ крикъ,
Его страданья — наши, наши!
Онъ съ нами пьетъ изъ общей чаши,
Какъ мы — отравленъ и великъ! *).

Некрасовъ окончательно опредѣляетъ свою поэзію сравнительно съ пушкинскою въ пьесѣ «Поэтъ и Гражданинъ», которая можетъ быть прямо противопоставлена извѣстной пьесѣ Пушкина: «Чернь»... Въ началѣ его прекрасной поэмы — «Саша» выражается чисто гражданское настроеніе поэта, его горячее стремленіе къ родинѣ... (Приводятся отрывки изъ поэмы). Но въ этой же самой поэмѣ Некрасовъ выставляетъ намъ напоказъ и фальшиваго представителя «гражданскихъ мотивовъ» въ лицѣ Агарина; и замѣчательно, что это было въ то самое время, когда Тургеневъ затронулъ нѣчто подобное въ своемъ «Рудинѣ». (Ап. Григорьевъ, мнѣ кажется, напрасно возставалъ противъ сходства между двумя этими типами). Сашѣ, этой деревенской дѣвушкѣ, растущей на лонѣ природы, ничего простодушно не знающей, такъ какъ родители ея самые простые люди, вовсе даже не позаботив-

---

*) Стихи Я. П. Полонскаго, въ сборникѣ «Складчина».

шіеся объ ея воспитаніи, — Сашѣ приходится вдругъ встрѣтить человѣка, который забрасываетъ въ нее сѣмена стремленій, ей еще непонятныхъ, поднимаетъ передъ нею вопросы, о которыхъ она никогда и не думала. Агаринъ забросилъ въ нее доброе сѣмя, и Саша становится совершенно другой: прошли тѣ времена, когда она если и умѣла горевать, то развѣ только о порубкѣ лѣса. Теперь она начинаетъ лѣчить крестьянъ, помогать бѣднымъ. Рудинъ, надо замѣтить, не производилъ такого сильнаго практическаго дѣйствія на Наташу. Но что же далѣе? Агаринъ, возвращаясь и узнавая, что совершилось съ Сашей отъ его проповѣди, съ насмѣшкой говоритъ о ней; теперь онъ уже начинаетъ проповѣдывать совершенно не то:

Тѣшится новой игрушкой дитя;
Оба тогда мы болтали пустое,
Умные люди рѣшили другое:
Родъ человѣческій низокъ и золъ!

Авторъ объясняетъ намъ такую перемѣну тѣмъ, что онъ начитался новыхъ книжекъ:

Что ему книжка послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.

Они оба съ Рудинымъ «люди книжекъ», потому что оба они выросли баричами, живущими въ отвлеченномъ мірѣ; разница только въ томъ, что онъ читаетъ болѣе разнообразныя книги, чѣмъ Рудинъ.

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала, да разумъ развитой.

Да, будничной домашней работы они знать не хотятъ, потому что тутъ началась бы дѣйствительная работа. Вспомните еще слѣдующія разсужденія Агарина:

Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:
Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,
Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ, говоритъ, осчастливить хочу!

Оно вѣдь почетнѣе, — да и легче: міръ ихъ не спрашиваетъ, до человѣчества, къ которому, въ цѣломъ его объемѣ, они такъ любятъ простирать руки, имъ не достать — значитъ, одними стремленіями, заманчивыми для самолюбія, все и покончится. Да, герой Некрасова, какъ и Рудинъ, — баричъ; жизнь его не коснулась, онъ витаетъ, онъ сибаритствуетъ. Этотъ типъ рѣзко отдѣляется отъ другихъ типовъ, — отъ Базарова и Раскольникова. На этихъ людей, испытавшихъ такъ много въ жизни, книжки такого единовластнаго вліянія не имѣютъ; изъ книжекъ люди эти почерпаютъ только то, къ чему ихъ подготовила сама жизнь. Только люди, выросшіе въ барствѣ, и могутъ дѣйствовать, или воображать, что дѣйствуютъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ книжекъ. Некрасовъ, какъ и Тургеневъ, вполнѣ знаетъ цѣну книжкамъ, но не считаетъ ихъ чудотворными ни въ хорошую, ни въ дурную сторону:

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ они силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко...
Дѣло вѣковъ поправлять не легко!

У насъ въ послѣднее время явилось стремленіе отстаивать нѣкоторыя личности, представленныя, такъ сказать, мишурными у нашихъ писателей. Мы видѣли стараніе нѣкоторыхъ критиковъ отстоять Рудина противъ самого Тургенева, не оцѣнившаго будто бы золотыхъ сторонъ своего героя. Но Некрасовъ отнесся къ своему Агарину, думается мнѣ, еще строже; защитить эту, такъ рѣшительно развѣнчанную имъ личность едва ли кому удалось бы; между тѣмъ Агаринъ все-таки вѣдь очень сходенъ съ Рудинымъ. Въ другой поэмѣ, написанной нѣсколько позже, — «Несчастные», Некрасовъ попытался нарисовать идеальную личность, руководимую искреннимъ и дѣятельнымъ гражданскимъ чувствомъ. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить это произведеніе, слѣдуетъ сопоставить его съ «Записками изъ Мертваго дома» Достоевскаго. И тутъ и тамъ — «Несчастные» — въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаетъ народъ, — но у Достоевскаго они списаны съ натуры, оттого на его картину быта и нравовъ «Мертваго дома» слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, и этими картинами провѣрять другія... (Далѣе въ поэмѣ «Несчастные» критикъ оттѣняетъ нѣкоторыя фальшивыя ноты).

Поэма «Тишина» рисуетъ намъ возвращеніе поэта на родину:

Все рожь кругомъ, какъ степь живая;
Ни замковъ, ни морей, ни горъ.
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ, ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ —
И не нашелъ я ничего!..

Какъ это напоминаетъ то, что̀ говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, который, какъ извѣстно, не задолго до смерти, поѣхалъ за границу. Бѣлинскій, всегда тяготѣвшій къ западу, пріѣзжаетъ туда и страшно тоскуетъ, тоска его тянетъ на родину, и Тургеневъ объясняетъ это тѣмъ, что «очень ужъ былъ онъ человѣкъ русскій». То же самое произошло и съ нашимъ поэтомъ; вотъ какъ продолжаетъ онъ противополагать чужіе края родинѣ:

Я тамъ не свой — хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула, — и съумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Горе какъ-то легче выносится у себя дома: оно тутъ выносится заодно со своими! Какъ бы ни было хорошо тамъ за моремъ, — сердце нравственно здороваго человѣка тяготѣетъ къ родинѣ; онъ выдержалъ бы разлуку съ нею только въ томъ случаѣ, если бы убѣдилъ себя въ томъ, что, живя съ нею врозь, онъ только вѣрнѣе сослужитъ свою службу — ей же. Вотъ въ этомъ то духѣ поэтъ и говоритъ далѣе... (Приводится отрывокъ, начинающійся стихомъ: «Я твой. Пусть ропотъ укоризны»... и конч.: «И ни въ широкіе размѣры...») Словомъ — рисуется отличающійся просторомъ, но незатѣйливый родной ландшафтъ, представляющійся Некрасову столько же обаятельнымъ, сколько въ свое время Пушкину и Лермонтову. Но въ Некрасовѣ пробуждается тутъ и болѣе глубокое желаніе слиться *душою* съ роднымъ *народомъ* — искать утѣшенія въ томъ, въ чемъ народъ его ищетъ... (Приводится отрывокъ изъ поэмы, начинающійся стих.: «Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ» и кончающ.: «Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ»)... Далѣе, какъ извѣстно, слѣдуетъ обра-

щеніе къ Севастополю, только что покрывшему насъ тогда такъ нерѣдко достававшейся намъ на долю «славой страданія». На этотъ разъ страданіе служило предвѣстіемъ внутренняго благодѣтельнаго перелома. Поэту, переносящемуся мыслью въ родную непривѣтную глушь, уже какъ будто бы чуется впереди упраздненіе, когда-то отравившаго его дѣтство, крѣпостного права... (Приводится отрывокъ, нач. стихомъ: «Тамъ можно жить не отравляя»... и конч.: «Безъ сожалѣнья умираетъ»).

Вотъ въ чемъ окончательно находитъ себѣ опору и назиданье поэтъ, — въ томъ чувствѣ бодрости, которое не оставляетъ народа:

Его примѣромъ укрѣпись
Сломившійся подъ игомъ горя; —
За личнымъ счастьемъ не гонись,
И Богу уступай не споря!..

Итакъ, вотъ окончательное его заключеніе: личное горе должно утонуть въ этомъ морѣ общенароднаго горя, при существованіи котораго подло и глупо бы было думать о личномъ счастьи. Не трудно замѣтить, что, по *основному скорбному своему настроенію*, Некрасовъ довольно близокъ съ міровымъ поэтомъ скорби Байрономъ (степень дарованія у того и другого оставляю я въ сторонѣ). Но Байронъ выставлялъ главнымъ образомъ скорбь особенно выдающихся личностей, *нравственныхъ аристократовъ*, въ которыхъ выражаетъ онъ себя самого. До обыкновенныхъ людей, до обыкновеннаго, но, конечно, не менѣе тяжелаго горя народной массы англійскій поэтъ не спускается, оно было бы слишкомъ мелко для его нравственно-аристократической натуры. Совершенно другое видимъ мы у Некрасова — у него мы знакомимся со скорбью обыкновенныхъ людей, со скорбью *человѣческаго большинства*, передъ которою, по сознанью нашего поэта, должны замолкнуть всякія *личныя* жалобы. У Байрона — ропотъ могучей, широко развившейся личности; у Некрасова въ его лучшихъ произведеніяхъ — личность готова молчать о самой себѣ, слиться съ общимъ человѣческимъ ропотомъ. Въ этомъ выражается у него народный, вовсе не аристократическій нашъ характеръ. Личность, умаляющая себя, сливающаяся съ цѣлымъ, давно уже является идеаломъ въ народномъ эпосѣ. Наши представители нравоописательной повѣсти выставляли намъ ту же самоотверженную личность; мы видѣли ее у Тургенева, у Л. Толстаго; видѣли, наконецъ, и между Подлиповцами у Рѣшетникова.

Но какъ помирить это съ тѣмъ, что такъ часто встрѣчается намъ въ жизни? Не напрасны вѣдь жалобы, что въ нашемъ обществѣ страшно развитъ эгоизмъ; но нерѣдко такой же эгоизмъ проявляется и въ простомъ народѣ. Какъ же согласить это съ тѣмъ, что̀ выражали наши писатели, что̀, выразилъ намъ народный эпосъ? Придется прибѣгнуть къ сравненію, которое, какъ и всѣ сравненія, объяснитъ, конечно, далеко не все. Какъ часто мы видимъ прекрасные всходы; но потомъ наступаетъ и долго держится холодъ: все замираетъ, глохнетъ. Но стоитъ только снова настать настоящему теплу — и все опять оживаетъ. То же самое и въ нравственномъ мірѣ: добрые всходы могутъ быть заглушены, пришиблены; но пусть только снова повѣетъ тепломъ — и все опять отойдетъ и распустится пышнымъ цвѣтомъ.

* * *

*) Скорбно-гражданскіе мотивы лиры г. Некрасова не измѣняются, несмотря на время, которое мы переживаемъ, и несмотря на то, что въ этихъ стихотвореніяхъ чуть ли не въ сотый разъ повторяются все тѣ же мысли. Оригинальность въ сочиненіи своихъ плаксивыхъ стишковъ à la moujik г. Некрасовъ гдѣ-то потерялъ на жизненной дорогѣ, и если къ этому прибавить, что въ плачахъ г. Некрасова надъ разными Трофимами и Степанами, подставляющими щеки для пощечинъ, шеи для затрещинъ, спины для кулаковъ и нижнія части тѣла для розогъ, не слышится ни малѣйшаго, такъ-сказать, сердечнаго участія къ этимъ бѣднымъ щекамъ, шеямъ и спинамъ, то понятно, почему однообразіе скорбныхъ напѣвовъ г. Некрасова томитъ, томитъ и жестоко томитъ...

Ну да и стихи его послѣдніе, въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», больно ужъ плоховаты; небрежность такая, что какъ ни привыкаешь къ ней, читая иныхъ изъ нашихъ современныхъ поэтовъ, все-таки удивляешься.

Напримѣръ, вотъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія: «На постояломъ дворѣ». Лакей говоритъ про барина:

«Однажды онъ сердитый всталъ,
Порѣзался, какъ брился,

---

*) „Гражданинъ", 1874 г., № 52. („Замѣтки досужаго читателя", П. Павлова).

Все не по немъ! весь день ворчалъ,
И вдругъ совсѣмъ озлился».
«Коститъ!... — Потише, господинъ!
Сказалъ я, вспыхнувъ тоже.
— «Какъ! что?... Зазнался, хамовъ сынъ!»
И хлопъ меня по рожѣ!»
«По старой памяти, я прочь,
А онъ за мной — бѣдовый!...
— Такъ вотъ, продумалъ я всю ночь,
Каковъ онъ баринъ новый!»
«Такія рѣчи поведетъ,
Что слушать любо-мило,
А кончитъ тѣмъ же, что прибьетъ!
Нѣтъ, прежде проще было!»
«Обидно! Я его считалъ
Не бариномъ, а братомъ...
Настало утро — не позвалъ,
Свернувшись, подъ халатомъ»,
«Стоналъ какъ раненый весь день,
Не выпилъ чашки чаю...
А ночью баринъ словно тѣнь
Прокрался къ Ермолаю»:
«Впередъ уставился лицомъ:
— «Ударь меня скорѣе!
Мнѣ легче будетъ!...» (Мертвецомъ
Глядѣлъ онъ, былъ бѣлѣе
Своей рубахи): — «Мы равны,
Да я сплошалъ... я знаю...
Какъ быть; сквитаться мы должны...
Ударь!... Я позволяю».

А вотъ изъ стихотворенія: «*У Трофима*»:

«И откуда чортъ приводитъ
Эти мысли? Бороню,
Управляющій подходитъ,
Низко голову клоню,
Поглядѣть въ глаза не смѣю,
Да и онъ-то не глядитъ —
Знай накладываетъ въ шею.
Шея, вѣришь ли? трещитъ!
Только стану забываться,
Голосъ барина: Трофимъ!
Недоимку! Кувыркаться
Начинаю передъ нимъ»...
— Страшно, видно, воротиться
Къ недалекой старинѣ?

«Такъ ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мнѣ!
И теперь уйдешь весь въ пятки,
Какъ посредникъ налетитъ,
Да съ Трофима взятки гладки:
Пошумитъ — и укатитъ!»

Гдѣ красота стиха, гдѣ оригинальность, гдѣ поэтическое вдохновенье, гдѣ остроуміе?

Увы, нѣтъ ихъ!

Казенные ужъ больно выходятъ стихи!

Не знаю почему, но всякій разъ, когда я читаю стихи Некрасова, долго послѣ мысли во мнѣ складываются стихами *плаксиваго* размѣра.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ мыслей:

Кряхтитъ все и стонетъ Некрасовъ,
Надъ бѣдной спиной мужичковъ,
И Прововъ, Трофимовъ и Власовъ
Все плеткою бьетъ изъ стишковъ.
Прочтетъ ихъ приказный чиновникъ,
Съ чернильной слезой на глазахъ,
Прочтетъ либералъ ихъ сановникъ
Съ улыбкою плоской въ устахъ.
Прочтетъ ихъ студентъ медицины
И скажетъ: «*вотъ это стишки*»...
Но если, по волѣ судьбины,
Прочтутъ тѣ стишки мужички,
Они, головой покачая,
Уставятъ въ пространство глаза
И скажутъ; хоть скорбь-то родная,
Да только *не наша* слеза!

* * *

*) Второй періодъ дѣятельности Некрасова, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ повтореніе прежнихъ темъ, при значительно большемъ, однакоже, противъ прежняго развитія одной стороны —

---

*) О. Миллеръ. «Публичныя Лекціи. Некрасовъ. Произведенія втораго періода (съ 1861 г.)». Эта статья помѣщается здѣсь тоже въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

сатирической. Но эту послѣднюю, представляющую у Некрасова во многихъ случаяхъ черты, общія съ Щедринымъ, мнѣ придется затрогивать впослѣдствіи, при разборѣ той или другой сатиры Щедрина. Теперь же я обращаюсь къ тѣмъ произведеніямъ Некрасова, относящимся ко второму періоду, въ которыхъ затрогивается его прежняя, любимая тема: положеніе народа и всѣхъ вообще людей, связанныхъ съ народомъ своей участью. Первый періодъ заканчивается началомъ шестидесятыхъ годовъ. 1861 годъ, съ его великимъ событіемъ — освобожденіемъ крестьянъ, не могъ не вызвать у нашего поэта сочувственнаго стихотворенія. И дѣйствительно, онъ привѣтствовалъ эту многознаменательную пору стихами:

Родина мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ...

Замѣчая на рукахъ у матери-крестьянки ребенка, онъ обращается къ нему съ такими свѣтлыми предсказаніями:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ! не узнаешь ты слезъ.
Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ, —
Выберешь дѣло, къ которому годенъ.
Хочешь — останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь — подъ небо взовьешься орломъ.

Далѣе поэтъ, однако, чувствуетъ необходимость поудержать свой восторгъ:

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ.
Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

Въ концѣ, какъ извѣстно, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что эти новыя сѣти будетъ, однако, легче распутать. Но, кромѣ этихъ новыхъ сѣтей, придуманныхъ тою человѣческою изобрѣтательностью въ злѣ, отъ которой человѣчество нигдѣ, ни въ какой странѣ не умѣло еще избавиться, — кромѣ того остаются еще слѣды глубокіе, не скоро заживающіе слѣды отъ старыхъ оковъ, вслѣдствіе чего не только большая часть произведеній Некрасова, написанныхъ до 1861 г., все-таки не устарѣла и не можетъ скоро устарѣть, но у него могли и послѣ того появляться стихотворенія на преж-

нюю печальную тему. Такъ, напримѣръ, въ 1867 г. написано имъ небольшое, но много содержащее стихотвореніе: «Съ работы»...

Во 2-й половинѣ пятидесятыхъ годовъ, Некрасовымъ начатъ тотъ рядъ стихотвореній, который носитъ общее названіе: «О погодѣ»; я ихъ не затрогивалъ именно потому, что они въ то время были только начаты, а продолжались позже, уже въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, при чемъ все болѣе и болѣе принимали сатирическій характеръ. Первое изъ этихъ стихотвореній еще полно лиризма и посвящено любимой Некрасовской темѣ — положенію бѣднаго человѣка; но и въ этомъ стихотвореніи мнѣ опять слышатся нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрныя ноты. Дѣло, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что, при съѣздѣ съ моста, коляска наѣзжаетъ на дроги и опрокидываетъ ихъ — гробъ падаетъ и раскрывается. Что подобный случай возможенъ — въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія; но что за надобность прибѣгать къ *случаямъ,* когда достаточно и того, что дѣлается каждый день, помимо всякой случайности, что вошло въ обыкновенный порядокъ вещей, но что не у каждаго на глазахъ, а потому и не всѣхъ поражаетъ. Вполнѣ достаточно и такихъ заурядныхъ явленій, которыя должны быть только собраны съ разныхъ сторонъ и выставлены на показъ всѣмъ, чтобы самое безпечное сердце перевернулось, чтобы самому равнодушному человѣку сдѣлалось жутко. Гоньбой за случайностями только дается поводъ ему, этому такъ неохотно тревожащемуся человѣку, отдѣлаться именно тѣмъ, что вѣдь это только *случайности;* а поэтъ нашъ далѣе въ томъ же стихотвореніи представляетъ намъ цѣлое сгроможденіе несчастныхъ случайностей, не невозможное, разумѣется, но все-же, по своей рѣдкости, дающее поводъ сказать, что это *придумано.* Оказывается, что этотъ бѣднякъ-чиновникъ, котораго вывалили изъ гроба, — что онъ съ самаго начала не нашелъ себѣ покоя и въ немъ: въ то время, когда гробъ стоялъ еще въ комнатѣ, произошелъ пожаръ; въ теченіе же своей жизни погоралъ онъ 14 разъ! На кладбищѣ, въ довершеніе всего, онъ попадаетъ въ могилу, наполненную водой, что подаетъ поводъ провожающей его старушкѣ замѣтить:

« . . . . вчера погоралъ,
«А сегодня, изволите видѣть,
«Изъ огня прямо въ воду попалъ».

И авторъ, который приводитъ все это, какъ очевидецъ, тутъ только замѣчаетъ, что этой старушкѣ жаль своего несчастнаго жильца. Между тѣмъ, для читателя это представляется несомнѣннымъ съ самаго начала, по самому тону ея, лишь повидимому равнодушнаго разсказа, а потому и представляется неумѣстнымъ вопросъ, съ которымъ обращается къ ней вначалѣ авторъ:

«И тебѣ его будто не жаль?»

Очевидно, что вопросъ этотъ заданъ съ цѣлью вызвать у нея отвѣтъ:

«Чтó жалѣть? Намъ жалѣть не досужно...»

Тогда какъ ей рѣшительно незачѣмъ говорить это: читатель и самъ изъ всего ея разсказа вывелъ бы, что *сантиментальничать* дѣйствительно ей не къ лицу, не по ея положенію — но что только этимъ-то и объясняется ея кажущееся равнодушіе. Итакъ, уже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, предшествующихъ второму періоду, до извѣстной степени замѣчается у нашего поэта изысканность, преувеличенность, отсутствіе жизненно-художественной правды. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ и во 2-мъ періодѣ произведенія, служащія прямымъ продолженіемъ лучшихъ сторонъ перваго. Къ 1861 г. относится поэма «Коробейники», отличающаяся отъ другихъ поэмъ Некрасова особымъ, живымъ и веселымъ тономъ, преобладающимъ въ ней почти до конца, т.-е. до той трагической развязки, которая тѣмъ болѣе насъ поражаетъ. Въ своей существенной части поэма рисуетъ намъ то своего рода оживленіе, которое вносится этими ходячими торговцами — коробейниками въ однообразную народную жизнь; впрочемъ, свѣтлое ея впечатлѣніе еще въ серединѣ поэмы до нѣкоторой степени нарушается обычнымъ Некрасовскимъ настроеніемъ: онъ совершенно естественнымъ образомъ представляетъ намъ то смѣшеніе веселаго съ грустнымъ, которое такъ часто встрѣчается въ жизни. Грустную сторону представляетъ разсказъ о крестьянинѣ, который случайно, по ошибкѣ, былъ усаженъ въ острогъ, и та печальная пѣсня странника, которая и сама по себѣ должна быть отнесена къ лучшимъ произведеніямъ Некрасова. Это та, весьма извѣстная, пѣсня, которой каждый куплетъ оканчивается стихами:

«Холодно, странничекъ, холодно!
«Голодно, родименькій, голодно!»

Нѣсколькими годами позже (1863) написана другая поэма: «Морозъ — красный носъ», отличающаяся почти вся сплошь самымъ грустнымъ тономъ, но при этомъ и искренностью и задушевностью, вполнѣ напоминающею лучшія произведенія перваго періода. Личность крестьянской жены и матери, какъ мы знаемъ, не разъ выдвигалась Некрасовымъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ; здѣсь этотъ образъ развитъ еще съ большей подробностью и съ особенно сочувственными чертами... (Приводится выдержка, начинающаяся стихомъ: «Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ»... и конч.: «На праздникъ есть лишній кусокъ». Также кратко пересказывается сюжетъ поэмы).

Тутъ Некрасовъ воспользовался прекраснымъ мотивомъ русской сказки, осуществивъ морозъ въ образѣ живаго существа, принимающаго бѣдную женщину въ свое холодное царство. Подобное замерзаніе, конечно, не совершенно рѣдкій случай въ народномъ быту, хотя обыкновенно оно происходитъ вдали отъ жилья, вслѣдствіе занесшей дорогу вьюги. Въ нашей поэмѣ ничего этого нѣтъ, и съ перваго взгляда можетъ показаться, что поэтъ представляетъ и тутъ какую-то рѣдкую случайность. Но если мы примемъ во вниманіе, что Дарья возвращается съ похоронъ усталая, безсознательно голодная, что сердце ея разбито, то становится понятнымъ, почему она могла, во время рубки дровъ, прислониться къ дереву, чтобы хотя нѣсколько отдохнуть и отдаться своимъ грустнымъ мыслямъ: такимъ образомъ замерзаніе оказывается достаточно обусловленнымъ, не представляется странной мелодраматической случайностью. Не то должны мы сказать о нѣкоторыхъ чертахъ другого произведенія, написаннаго нѣсколько позже. Некрасовъ въ своемъ посвященіи поэмы: «Морозъ — красный носъ» сестрѣ называетъ эту поэму своей «послѣдней пѣснью»; дѣйствительно, это послѣдняя большая поэма изъ народнаго быта, которую можно съ начала до конца прочесть съ однимъ и тѣмъ же чувствомъ удовлетворенности.

Къ 1864 году относится стихотвореніе: «Желѣзная дорога». Тутъ совершенно вѣрно схваченъ одинъ изъ новыхъ видовъ неволи, придуманный «тонкимъ и гибкимъ умомъ человѣка»: народъ уже освобожденный изъ крѣпостной зависимости, попадаетъ въ нелегкую также зависимость отъ тѣхъ *строителей,* которые думаютъ только о набиваніи своихъ кармановъ. Все это выражено въ видѣ разсказа учителя маленькому мальчику, который, вмѣстѣ съ нимъ и съ отцомъ,

ѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Есть люди, которые находятъ поведеніе этого учителя не педагогическимъ: «зачѣмъ», говорятъ они, «смущать свѣтлую душу ребенка такими картинами?» Взгляды на воспитаніе, конечно, бываютъ различны; кому нравится выдѣлывать изъ своихъ дѣтей нѣженокъ, не знающихъ жизни Адуевыхъ, или отворачивающихся отъ нея Обломовыхъ, тотъ не можетъ не возставать противъ пріемовъ некрасовскаго учителя. Но и тѣ, которые сочувственно отнесутся къ его словамъ, открывающимъ ребенку глаза, дающимъ ему почувствовать, что такое трудъ, какъ дорого стóитъ, не въ одномъ только денежномъ смыслѣ, эта дорога, по которой ему такъ удобно и весело ѣхать, — даже и такіе люди не могутъ не признать въ этой поэмѣ кое-чего совершенно лишнимъ, впадающимъ въ мелодраму, или, вѣрнѣе сказать, — въ балладу. Все, что говоритъ учитель, само по себѣ прекрасно... (Приводятся выдержки изъ стихотворенія).

Но къ чему было выводить въ этой поэмѣ, по основной своей мысли совершенно правдивой, — къ чему было выводить этотъ хоръ мертвецовъ, заставлять ихъ вставать по краямъ дороги и скрежетать зубами? То чувство правды, которое такъ рѣшительно водворено въ нашей литературѣ со временъ Гоголя и которое такъ замѣтно и въ лучшихъ произведеніяхъ Некрасова, — должно бы было оградить его отъ такой напряженной неестественности. Послѣднее большое произведеніе Некрасова изъ народнаго быта, это — «Кому на Руси жить хорошо». Во всей поэмѣ, какъ извѣстно, соблюденъ даже народный размѣръ, но нельзя не сознаться, что Некрасовъ пользуется имъ не особенно удачно: онъ у него отличается крайнимъ однообразіемъ, тогда какъ народъ умѣетъ его видоизмѣнять. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Некрасова попадаются прямыя заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ, нѣсколько нарушается однообразіе этого размѣра. Содержаніе нѣсколько сходно съ пріемами народныхъ сказокъ, и этими пріемами можетъ быть извинено тó, чтò безъ этого могло бы представиться нѣсколько натянутымъ: странствованіе мужиковъ, бросившихъ работу, семью и бродящихъ по свѣту, чтобы узнать, кому на Руси хорошо живется? Если крестьяне отправляются странствовать въ романѣ Рѣшетникова «Гдѣ лучше?» или въ «Подлиповцахъ» — то тамъ ихъ руководитъ практическій интересъ, а не одно простое любопытство. Но у Некрасова народъ рисуется въ сказочной обстановкѣ, при участіи ска-

терти-самобранки и нѣкоторыхъ другихъ принадлежностей чудеснаго міра; самая же основа поэмы нѣсколько напоминаетъ тѣ народныя сказки, въ которыхъ происходитъ споръ изъ-за того, что́ первенствуетъ въ мірѣ — «правда» или «кривда», и для рѣшенія этого спора тоже совершается странствованіе. Несмотря на такую *сказочность* формы, поэма Некрасова, по своему содержанію, вполнѣ отражаетъ въ себѣ нашу современность — а именно, многія изъ явленій поры, непосредственно слѣдовавшей за освобожденіемъ крестьянъ, и, подобно всякой переходной порѣ, представляющей много тяжелаго. Вспомните встрѣчи крестьянъ, отправившихся развѣдать, кому на Руси лучше живется, съ разлисными лицами, разсказывающими имъ о своемъ положеніи. Тутъ прежде всего выдается разсказъ священника, напоминающій нѣкоторыя черты у Рѣшетникова, у Помяловскаго и у Стебницкаго («въ Соборянахъ»). Разсказъ этотъ съ такою полною откровенностью выставляетъ личное положеніе священника ухудшившимся послѣ того, какъ помѣщичье величіе потерпѣло подрывъ.. (Слѣдуетъ выдержка изъ поэмы, начинающаяся стихомъ: «Перевелись помѣщики...» и кончающаяся стихомъ: «Уйдешь домой»).

Не менѣе сильно дѣйствуетъ и появленіе помѣщика, его испугъ при видѣ толпы крестьянъ, обращающейся къ нему съ совершенно мирнымъ вопросомъ, кому жить лучше? — испугъ, объясняемый тѣмъ, что ему мерещется, «ужъ не бунтъ ли это?» Затѣмъ, когда онъ приходитъ въ себя, какъ натурально это величанье имъ крестьянъ «господами», съ предложеніемъ, чтобы они садились, при иронической просьбѣ-вопросѣ:

«И мнѣ присѣсть позволите?»

Кому изъ насъ не приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ!

Въ высшей степени замѣчательна и та глава поэмы, которая озаглавлена «Послѣдышъ»: этотъ старикъ помѣщикъ, до такой степени не могущій помириться съ новыми порядками, что у него отъ нихъ дѣлается ударъ; эти родственники, которые стараются его успокоить тѣмъ, что вся реформа отмѣнена, и все опять установилось по старому; эта комедія, которую, по просьбѣ родственниковъ помѣщика, разыгрываютъ крестьяне, чтобы наглядно его убѣдить въ возстановленіи крѣпостного права; — все это, конечно,

явленія исключительныя, но нарисованныя такими красками, что трудно не вѣрить возможности всего этого. Съ другой стороны, изъ ряда людей, принадлежащихъ самому народу, въ поэмѣ Некрасова выдвигается такая личность, какъ Ермилъ. Снискавъ своею честностью довѣріе другихъ крестьянъ, онъ, несмотря на молодость, выбранъ въ бурмистры; наконецъ, довѣріе къ нему крестьянъ такъ велико, что они въ одинъ часъ собираютъ тысячу рублей, чтобы выручить его изъ нужды. Но и онъ однажды провинился передъ міромъ:

Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
Свихнулся: изъ рекрутчины
Меньшаго брата Митрія
Повыгородилъ онъ...

Но зато же и замучила его послѣ этого совѣсть, зато же и каялся онъ передъ міромъ, а міръ послѣ этого покаянія сталъ только болѣе ему довѣрять... И загладилъ Ермилъ свое прегрѣшеніе еще болѣе вѣрною службою міру, за которую наконецъ... и попалъ въ острогъ (дѣло было еще въ крѣпостное время). Это образъ совершенно живой, возможный, хотя въ основѣ своей и идеальный.—Съ другой стороны, въ этой же самой поэмѣ проявляется у Некрасова и реализмъ, доведенный до своихъ крайнихъ предѣловъ. Вспомните картину народнаго пьянства, которая слѣдуетъ за описаніемъ ярмарки:

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ,
Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахталися пьяные,
И стономъ стонъ стоялъ.

Далѣе слѣдуютъ подробности:

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
Крехтятъ—на скалкѣ тянутся,
Суставчики трещатъ!
На скалкѣ не понравилось:
«Давай теперь попробуемъ
Тянуться бородой!»
Когда порядкомъ бороды
Другъ дружкѣ поубавили,

Вцѣпились за скулы!
Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
Мычатъ, визжатъ, а тянутся!

Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что пьяный человѣкъ не всегда же только дерется; нѣкоторые, опьянѣвъ, становятся особенно дружелюбны, цѣлуются, обнимаются; что́ бы, хоть для разнообразія, въ общей картинѣ пьяныхъ, выставить нѣсколько и такихъ? Нагроможденіе однихъ въ высшей степени безобразныхъ проявленій народнаго разгула, и нагроможденіе ихъ въ такомъ количествѣ можетъ быть объяснено только особеннымъ умысломъ — указать на то, до чего доходитъ народъ въ своемъ невѣжественномъ весельи. Но вѣдь подобныя указанія могутъ оказаться совершенно сподручными для людей, руководимыхъ особыми цѣлями, — совершенно, конечно, не тѣми, какія могли быть у нашего поэта. Правда, далѣе онъ заставляетъ одного крестьянина высказать многое въ защиту народа, который упрекается тутъ за свою слабость дворяниномъ Веретенниковымъ; но крестьянинъ, можно сказать, держитъ передъ нимъ цѣлую защитительную рѣчь, которая, и по своей длиннотѣ, и по своему тону, отзывается мѣстами совершенной риторикой. Нельзя не замѣтить и крайняго преувеличенія въ подробностяхъ той грубой комедіи, которую разыгрываютъ передъ «послѣдышемъ», чтобы увѣрить его въ томъ, что крѣпостное право возобновлено. Агапъ, осмѣлившійся сказать ему «грубость», долженъ быть *для вида* наказанъ; чтобы онъ исправнѣе кричалъ, его спаиваютъ, и что же? Комедія кончается его смертью, происходящею съ перепою. Можно бы было, мнѣ кажется, обойтись и безъ этой совершенно случайной трагической развязки, подающей только поводъ говорить о *придуманности* и заподозрѣвать вѣрность всей вообще картины.

Въ особомъ отдѣлѣ той же поэмы, носящемъ названіе «Крестьянка», есть много прекраснаго, вѣрнаго, но отдѣльныя черты опять-таки отличаются нѣкоторой изысканностью. Въ числѣ бѣдствій, которыя приходится испытать этой бѣдной крестьянкѣ, замѣшивается и такое, какъ смерть ея маленькаго сына, сдѣлавшагося жертвою прожорливости свиней, — случай, конечно, возможный въ крестьянскомъ быту, но все-таки *случай*. Въ другомъ мѣстѣ поэмы упоминается о расправѣ, происходившей еще въ помѣщичьи времена. Мать хочетъ избавить отъ наказанія своего сынишку, провинившагося въ томъ, что не съумѣлъ спасти отъ волка овцу, или,

лучше сказать, — отдалъ ему овцу, видя, что овца уже мертвая. Мальчика ведутъ на судъ къ помѣщику, который признаетъ, что онъ, какъ ребенокъ, не виноватъ, и велитъ его оставить въ покоѣ, но вмѣсто него наказать его мать. Что подобный случай, какъ онъ ни рѣдокъ по своей странности, все-таки возможенъ при самодурствѣ помѣщичьяго самоуправства, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но вспомнимъ, съ какой осторожностью поступалъ Тургеневъ — въ «Запискахъ Охотника», которыя оттого и произвели такое неотразимое дѣйствіе, что въ нихъ воспроизведены только совершенно обыкновенныя, каждый день, на каждомъ шагу встрѣчавшіяся черты крѣпостного времени, такъ что ни про одну изъ нихъ нельзя было сказать: это рѣдкость или исключеніе. Нашъ поэтъ въ послѣдней своей поэмѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напротивъ того, имѣлъ, очевидно, въ виду подобрать черты особенно выдающіяся по своей крайности, а потому и могущія, какъ онъ думалъ, особенно поразить. Но чѣмъ объяснить появленіе въ его поэмѣ добродѣтельной губернаторши, нѣсколько отзывающейся — да проститъ мнѣ поэтъ такое сравненіе съ стариной — сантиментализмомъ повѣстей Карамзинскаго періода? А вѣдь отъ этой идеальной губернаторши даже получило свое прозвище главное дѣйствующее лицо въ отдѣлѣ: «Крестьянка», Матрена Тимоѳеевна. Въ лицѣ этомъ многое подмѣчено совершенно вѣрно, но оно далеко не такъ художествено обработано, не производитъ того впечатлѣнія, какъ Дарья въ поэмѣ «Морозъ — красный носъ». Упомянутыя поэмы были послѣдними собственно изъ народнаго быта. Затѣмъ Некрасовъ дѣлаетъ рѣзкій переходъ къ другому кругу: отъ простой русской женщины удрученной горемъ, онъ обращается къ русскимъ женщинамъ изъ высшаго класса, которыхъ сблизило съ народомъ внезапно постигшее ихъ несчастіе. Поэтъ показываетъ на примѣрѣ этихъ двухъ княгинь, неполными фамиліями которыхъ озаглавлены оба отдѣла поэмы «Русскія женщины», какіе богатые задатки нравственныхъ силъ могутъ скрываться въ глубинѣ души и, не заглохнувъ отъ великосвѣтскаго воспитанія, выйти наружу подъ вліяніемъ вызывающихъ на борьбу обстоятельствъ.

Эта поэма — одно изъ тѣхъ послѣднихъ произведеній Некрасова, въ которой онъ выходитъ на новую дорогу, и выходитъ такъ, что мы вполнѣ узнаемъ его прежнюю поэтическую силу. Можетъ быть, двѣ-три черты отзываются и преувеличеніемъ, аффектаціей: можно

было обойтись безъ этого нѣсколько натянутаго проклятія, которымъ угрожаетъ княгинѣ В — ской ея отецъ; а тѣмъ болѣе безъ цѣлованія ею оковъ своего мужа; правдивѣе было бы, если бы она просто бросилась ему на шею, вмѣсто того, чтобы картинно опускаться на колѣни и прижимать его оковы къ губамъ. Но все это выкупается прекраснымъ впечатлѣніемъ отъ цѣлаго, а также и многими прекрасными подробностями, къ которымъ нельзя не отнести задушевнаго отзыва княгини В — ской о простыхъ русскихъ людяхъ, о ихъ добротѣ и ихъ сострадательности. — При разборѣ поэмы «Несчастные» мнѣ пришлось указать на то, что вліяніе на простой народъ едва ли можетъ у насъ имѣть образованный человѣкъ — по причинамъ, указаннымъ Достоевскимъ, всегда представляющійся народу какимъ-то *неровней,* а въ каторжникахъ изъ народа вызывающій какое-то съ завистью смѣшанное презрѣніе, какъ существо, до извѣстной степени и на каторгѣ оказывающееся *бѣлоручкою.* Но этимъ вовсе не исключается возможность состраданія, участія простыхъ людей къ горю людей изъ другого класа. Участіе, высказанное княгинѣ В — ской въ Сибири простыми солдатами, вполнѣ возможно, вполнѣ въ духѣ нашего простолюдина, а потому и нельзя не повторить съ полнымъ сочувствіемъ слѣдующихъ словъ:

«Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
«Все трудное каторги время,
«Народъ, я бодрѣе съ тобою несла
«Мое непосильное бремя.

. . . .

«Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
«Страданія насъ породнили.

. . . .

«Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки,
«Спасибо вамъ всѣмъ посылаю,
«Спасибо!... Считали свой трудъ ни во что
«Для насъ эти люди простые,
«Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
«Никто — изъ народа, родные!

Съ «Русскими женщинами» нѣкоторую связь представляетъ другая Некрасовская поэма, написанная нѣсколько ранѣе, — поэма «Дѣдушка». Въ высшей степени счастливая мысль — въ этомъ сопоставленіи стараго дѣда, т.-е. стараго годами, но молодаго

душой, — съ маленькимъ внукомъ, въ той трогательной дружбѣ, которая ихъ связываетъ. Въ высшей степени отрадное впечатлѣніе производитъ этотъ старикъ, нисколько не помятый годами, сочувствующій всему новому, свѣтлому, совершающемуся у него передъ глазами: въ этомъ новомъ онъ видитъ только осуществленіе того, къ чему самъ онъ стремился еще въ молодыя лѣта. Нашу литературу много обвиняли въ несочувствіи къ «отцамъ», въ стремленіи унизить ихъ передъ «дѣтьми»: но въ этой Некрасовской поэмѣ мы видимъ такое полное сочувствіе даже къ «дѣдамъ», послѣ котораго всѣ подобные упреки должны бы потерять силу. Дѣдушка, выведенный Некрасовымъ, съ самой искренней радостью привѣтствуетъ давно ожидаемую имъ эпоху освобожденія крестьянъ (онъ возвращается подъ самый конецъ крѣпостного времени), привѣтствуетъ и всякія другія перемѣны къ лучшему:

«Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ —
Видѣть довольство вокругъ.
Нынче полегче народу:
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу...
Ну, а какъ въ наши-то дни!»

Вотъ что говоритъ дѣдушка своему внучку. Далѣе онъ подробно ему объясняетъ, какъ тяжко было прежде крестьянину, какъ тяжело было прежде и солдату; намекаетъ и на послѣдствія той чрезмѣрной тяготы, которыя пришлось выносить народу... (Далѣе слѣдуетъ нѣсколько выдержекъ изъ поэмы).

Кое-гдѣ только и въ этой поэмѣ замѣтны кое-какія подробности лишнія, впадающія въ другой, нѣсколько изысканный тонъ, напр., омовеніе ногъ старика, совершаемое при его возвращеніи сыномъ, — оно слишкомъ отзывается чѣмъ-то библейскимъ, патріархальнымъ, такъ же точно какъ и цѣлованіе возвращающимся родной земли. Можно бы также исключить нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, съ которыми дѣдъ обращается къ внуку; — напримѣръ, едва ли вразумительное для ребенка наставленіе:

«Честью всегда дорожи!».

Но такіе незначительные недостатки не портятъ цѣлаго. Вообще нельзя не привѣтствовать съ самымъ полнымъ сочувствіемъ выхода

нашего поэта на новую дорогу въ «Русскихъ женщинахъ» и въ «Дѣдушкѣ». То, что составляло его любимую тему — непосредственное описаніе страданій народа и вообще бѣдняковъ, — уже имъ исчерпано, не потому, чтобы подобная тема сама по себѣ когда-либо могла быть вполнѣ исчерпана, а потому, что поэтъ нашъ сталъ какъ-то повторяться, когда принимается за эту тему. Дѣло объясняется, я полагаю, просто: чтобы, возвращаясь къ этой темѣ, не повторяться, надо продолжать очень близко стоять къ народу, надо постояннымъ общеніемъ съ нимъ поддерживать свѣжесть впечатлѣній. Извѣстно, что̀ стало случаться съ другимъ нашимъ славнымъ писателемъ — И. С. Тургеневымъ: съ тѣхъ поръ, какъ онъ долго живетъ заграницей, мы почти вовсе не видимъ новыхъ типовъ въ его произведеніяхъ; — чтобы создавать ихъ, нужно слѣдить за ихъ зарожденіемъ. — То же болѣе или менѣе можно примѣнить и къ Некрасову. Чтобы, говоря о положеніи народа, не повторяться, недостаточно, сидя у себя въ кабинетѣ — только припоминать его себѣ такимъ, какимъ мы его когда-то знали. При отсутствіи живого общенія съ тѣмъ, что воспроизводитъ художникъ, у него не можетъ не появиться нѣкоторая сдѣланность, его произведенія не могутъ не отзываться заказнымъ тономъ.

Въ концѣ прошлой лекціи я противопоставилъ Некрасова Байрону въ томъ смыслѣ, что, хотя скорбь развита у обоихъ въ сильнѣйшей степени, Байронъ не затрогивалъ скорби простого народа, а Некрасовъ именно съ нею-то главнымъ образомъ и имѣетъ дѣло.

Но для того, чтобы эта народная скорбь выражалась у него съ прежнею силою, ему не слѣдовало бы опускаться въ спокойное кресло своего кабинета. Между тѣмъ изъ поэтовъ Англіи выдаются нѣкоторые, вышедшіе изъ среды народа и сохранившіе съ ним связь до конца. Такимъ, напримѣръ, является во второй половинѣ прошлаго столѣтія Борнсъ, собственная доля котораго была до конца вполнѣ трудовая, полная скорби, несчастій, и который такъ преждевременно умеръ вслѣдствіе этого. Съ другой стороны, мы видимъ тамъ человѣка, который родился въ бѣдности, хотя и не отъ простолюдиновъ; впослѣдствіи онъ составилъ себѣ хорошее положеніе, но обязанность сельскаго священника постоянно связывала его съ народомъ и вообще съ страдающими, а его рѣдкая благотворительность заставляла его еще болѣе, и уже вполнѣ добровольно, скрѣпить эту связь; — то былъ, какъ вы, конечно,

догадываетесь — Краббъ. И что же? У этихъ двухъ поэтовъ вы не найдете фальшивыхъ нотъ.

Съ другой же стороны, у нихъ замѣтна способность съ любовью останавливаться и на тѣхъ свѣтлыхъ лучахъ, которыми озаряется иногда народная жизнь. Ихъ тонъ и не исключительно скорбный, не исключительно поющій объ одной нуждѣ, объ однихъ лишеніяхъ, какъ мы видимъ это у Некрасова — преимущественно во 2-мъ періодѣ. Но и у насъ были поэты, непосредственно вышедшіе изъ народа и сохранившіе съ нимъ связь, — стóитъ только вспомнить Кольцова, Шевченко. У нихъ у обоихъ до конца все оставалось просто, все непосредственно выливалось изъ души, ничто не написано на заданную себѣ тему; у нихъ у обоихъ среди мрака, среди скорби, сгустившихся надъ народною жизнью, появляются, особенно у Кольцова — и лучи свѣта.

Мы видимъ у нашего поэта-прасола не однѣ только жалобы на нужду и семейный деспотизмъ, не одинъ разгулъ съ отчаянья; мы видимъ у него и свѣтлую удаль, и нѣжное чувство любви, и надежду съ вѣрой въ возможность лучшаго порядка вещей, видимъ наконецъ веселость въ самомъ процессѣ труда...

Общій тонъ Шевченко, конечно, болѣе скорбный. Крѣпостное право, деспотизмъ семейный, несчастная любовь при бѣдности, — все это любимыя его темы; но при этомъ у него живо слышится и нѣжность чувства, вниканіе въ жизнь природы, стараніе ея красотами хотя сколько-нибудь отвести себѣ душу, наконецъ, хотя и полная опять грусти, но живая и теплая, — стало быть ободрительная, *свѣтлая* вѣра. Главными же лучами свѣта являются у Шевченко воспоминанія историческія, величавое прошлое его Малороссіи...

Присутствіе свѣтлой струи въ поэзіи людей, вышедшихъ изъ народа, совершенно понятно: то же самое замѣчаемъ мы и въ настоящей народной поэзіи. Шевченко недаромъ, описывая своего кобзаря, говоритъ про него, что онъ

Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.

Недаромъ говоритъ онъ, что дума пѣвца облетаетъ весь міръ —

«И снова на небо — подальше отъ горя».

Послѣ этого мы не можемъ не сознаться, что опредѣленіе пѣсни нашего народа, которое дѣлаетъ Некрасовъ въ концѣ своего стихотворенія «У параднаго подъѣзда» — оказывается слишкомъ односторонпимъ. Сначала онъ говоритъ собственно о пѣснѣ бурлаковъ —

Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется,
То бурлаки идутъ бичевой.

И относительно ихъ пѣсенъ это опредѣленіе вѣрно. Но далѣе Некрасовъ обращается вообще къ русскому народу:

Гдѣ народъ, тамъ и стонъ.
— Эхъ, сердечный!
Чтò же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, чтò могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ!...

Но сводить все содержаніе русской народной поэзіи къ одному только стону невозможно: въ ней есть совершенно другія ноты, — въ ней есть широкая, могучая удаль, — во множествѣ пѣсенъ; въ ней есть идеалы силы, не покоряющейся ничему, кромѣ міра-народа — въ героическомъ эпосѣ; въ ней есть вѣра въ конечную правду, въ ея непремѣнное, рано или поздно настающее торжество — въ цѣломъ рядѣ сказокъ. Такая многосторонность болѣе или менѣе замѣтна въ устной поэзіи всякаго народа; и это совершенно понятно. Въ жизни народа такъ много горькаго, что ему необходимо усладить свою долю хотя бы въ воображеніи, внести какой-нибудь лучъ свѣта въ окружающую его тьму; — вотъ онъ и свѣтится для него во многихъ произведеніяхъ его творчества. Если бы и они оставались исключительно мрачными, если бы и въ нихъ онъ постоянно только стоналъ, ему бы пришлось окончательно изнемочь подъ гнетомъ своего положенія. Поэты, непосредственно вышедшіе изъ народа и сохраняющіе съ нимъ связь, сохраняютъ и эту потребность *свѣта* въ своихъ созданіяхъ. Ее можно не ощущать только въ томъ случаѣ, если заживешься въ своемъ кабинетѣ, гдѣ и безъ того такъ свѣтло и тепло. Переносясь изъ него мечтой

въ лачугу крестьянина, можно долго выдерживать въ стихахъ скорбный тонъ, обращающійся наконецъ въ поэтическую привычку. Въ такую привычку можетъ обратиться самое безвыходно-мрачное настроеніе, потому что на самомъ дѣлѣ *выходъ* вѣдь всегда есть... Стóитъ только прервать процессъ творчества, отдохнуть — возвратившись къ себѣ, къ дѣйствительной жизни, со всѣми ея удобствами и усладами. Вотъ психологическое объясненіе той односторонности и того однообразія, которыми нѣсколько страдаютъ произведенія нашего поэта — преимущественно позднѣйшія — сравнительно съ поэтами, стоящими ближе къ народу и сравнительно съ поэзіею самого народа.

Въ заключеніе, я долженъ привести нѣсколько стихотвореній Некрасова, въ которыхъ нельзя не видѣть его самопризнанія; но при этомъ я долженъ еще разъ напомнить о томъ, что когда поэтъ говоритъ отъ своего лица, говоритъ: *я*, слѣдуетъ читать — *мы;* видѣть въ его признаніяхъ только личную его исповѣдь мы не имѣемъ никакого права, — это вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдь всего общества, исповѣдь цѣлаго поколѣнія. Я разумѣю, во-первыхъ, стихотвореніе подъ названіемъ «Рыцарь на часъ», находящееся въ непосредственной связи съ стихотвореніемъ «Поэтъ и гражданинъ». Тамъ поэтъ на призывъ гражданина отвѣчаетъ смиреннымъ признаніемъ, что онъ считаетъ себя неспособнымъ на службу общественную — здѣсь мы видимъ цѣлую исповѣдь поэта, исповѣдь передъ тѣнью его матери, которая такъ часто, какъ мы уже знаемъ, и съ такою любовью упоминается у него. Но изъ-за этой матери какъ бы виднѣется тутъ и другая мать — родина, и поэтъ нашъ кается передъ той и другой... (Слѣдуютъ выдержки изъ стихотворенія).

Этому мучительному признанію можетъ быть противопоставлено то, что написано Некрасовымъ въ память такъ рано умершаго, близкаго къ нему отечественнаго писателя, отличавшагося другимъ закаломъ. Вотъ какъ обращается къ нему Некрасовъ:

Суровъ ты былъ, ты въ молодые годы
Умѣлъ разсудку страсти подчинять,
Училъ ты жить для славы, для свободы,
Но болѣе училъ ты умирать.
Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ, ты чистоту хранилъ,

Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья,
Какъ женщину, ты родину любилъ;
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдалъ ей; ты честныя сердца
Ей покорялъ...

Въ стихотвореніи, носящемъ названіе «Возвращеніе», поэтъ говоритъ опять отъ своего лица, или же отъ лица цѣлаго поколѣнія. Онъ возвращается на родину, въ тѣ грустныя мѣста, гдѣ онъ родился, и которыя когда-то такъ сильно на него дѣйствовали; но что-же? Онъ сознается, что связь между нимъ и родиной почти порвана:

И вѣтеръ мнѣ гудѣлъ неумолимо:
Зачѣмъ ты здѣсь, изнѣженный поэтъ?
Чего отъ насъ ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты намъ чужой, тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ!

Вотъ что слышится ему при этомъ напрасномъ возвратѣ!... И самые, вслѣдъ затѣмъ, доносящіеся до него звуки родимой пѣсни только поднимаютъ въ его душѣ безплодныя угрызенія совѣсти:

И пѣсню я слышалъ въ отдаленьи; —
Знакомая, она была горька,
Звучало въ ней безсильное томленье,
Безсильная и вялая тоска.
Съ той пѣсней вновь въ душѣ зашевелилось,
О чемъ давно я позабылъ мечтать,
И проклялъ я то сердце, что смутилось
Передъ борьбой — и отступило вспять!

Съ окончательною ясностью мысль эта выражена въ стихахъ, которые называются — «Неизвѣстному другу, приславшему мнѣ стихотвореніе — «Не можетъ быть». Поэтъ сначала оправдывается обстоятельствами:

На мнѣ года печальныхъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О родина, печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути.
За каплю крови общую съ народомъ
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!

Но вслѣдъ за оправданіями и указаньемъ своихъ заслугъ — вотъ и признанье въ винахъ:

Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ...

Это одиночество служитъ поэту опять оправданьемъ во многомъ:

Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...
За то, что я остался одинокимъ,
Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути —
За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о родина, прости!

Мы видѣли, что, описывая свое печальное «Возвращеніе», Некрасовъ устами этой родины называетъ себя «изнѣженнымъ поэтомъ»; въ концѣ стихотворенія, которое должно было, по возможности, оправдать его передъ укоряющимъ другомъ, онъ говоритъ, обращаясь къ своему народу:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ,
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ,
Но, *жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ*
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой *).

Тутъ уже прямо высказывается необходимость самопожертвованія, отреченья отъ жизненныхъ благъ. Но въ этомъ вѣдь слышенъ запросъ не на что иное, какъ на старый подвижническій идеалъ,— конечно, не съ той его стороны, которая когда-то заставляла людей удаляться въ пустыню для такъ-называемаго «спасенія *своей* души», но съ той его стороны, которая вѣчно должна заставлять насъ умѣть отказываться отъ личныхъ наслажденій — не ради тѣмъ-большихъ наслажденій въ будущемъ, а ради вѣрнѣйшаго служенія обществу. Да, ради его надо умѣть довести себя до того, чтобы всѣ приманки жизни: блескъ, роскошь, даже обыкновенныя, въ привычку обратившіяся, удобства могли быть поставлены ни во что, а цѣну для насъ сохранялъ только тотъ, никѣмъ неотъемлемый внутренній міръ, о которомъ еще въ отдаленнѣйшей древности

*) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и выше принадлежитъ мнѣ. О. М.

сказалъ мудрый: «все мое я ношу съ собою». Да, и теперь, и впредь до скончанья вѣковъ только тотъ, кто съумѣетъ повторить это, т.-е. оказаться закаленнымъ противъ всякихъ угрозъ и всякихъ искушеній, только тотъ и сможетъ стойко послужить правдѣ, вѣрно постоять за свою идею!

Повторяю еще разъ: въ стихахъ нашего поэта мы не имѣемъ ни малѣйшаго права видѣть исключительно его личную исповѣдь; — это исповѣдь цѣлаго поколѣнія. Но что касается мольбы поэта о прощеніи, то повторить ее за нимъ съ надеждою на услышаніе можетъ, конечно, не всякій изъ насъ. Право на это имѣютъ только тѣ, которымъ по совѣсти можно признать за собой хоть что-нибудь общее съ народомъ. Да, только они могутъ повторить съ поэтомъ:

«За каплю крови общую съ народомъ
Всѣ, всѣ вины *намъ*, родина, прости»*).

1875 г.

**) «Русскій Вѣстникъ» очень часто даритъ читающей русской публикѣ «смѣтливые» и по своему пикантно очерченные абрисы современнаго положенія русской, преимущественно печатаемой въ Петербургѣ, литературы. Публика, по большей части, знакомясь съ этими характерными взглядами «Вѣстника» на нашихъ литераторовъ изъ газетныхъ и журнальныхъ рецензій и литературныхъ обозрѣній,— въ концѣ концовъ пришла, кажется, къ убѣжденію, что знакомиться съ прямымъ источникомъ указываемыхъ измышленій «Вѣстника», т.-е. обращаться къ страницамъ самого этого журнала, нѣтъ особенной надобности: довольно и выдержекъ изъ него, предлагаемыхъ услужливыми репортерами. Въ виду этого обстоятельства, мало гово-

---

*) Еще см. о Некрасовѣ за 1874 г.: «Journal de St.-Pétersbourg», № 24 («Кому на Руси жить хорошо»); «Нива», №№ 16 и 36 (рисунки съ поясн. къ «Дядѣ Власу» и «Тройкѣ»); «Сынъ Отечества», № 301 (маленькая замѣтка о стих. «Ночлеги»); «Вѣстникъ Европы», №№ 3, 4, 6, 10, 11 и 12 (статьи А. Н. Пыпина, подъ заглавіемъ: «В. Г. Бѣлинскій», оконченныя въ 1875 г., въ №№ 2, 4, 5 и 6). Отдѣльно изданы эти статьи въ 1876 г. Въ этомъ изданіи указаны страницы, имѣющія отношеніе къ Некрасову.

Примѣч. В. Зелинскаго.

**) «Пчела» 1875 г., № 28 («Значеніе гг. Некрасова и Щедрина въ литературѣ по «Русскому Вѣстнику». Статья М. У.).

рящаго въ пользу русскихъ, пренебрегающихъ однимъ изъ органовъ нашей печати, замѣтимъ, что «Русскій Вѣстникъ» продолжаетъ шествовать по проложенному имъ пути по части обозрѣнія русской литературы съ бодростью и самоувѣренностью, вполнѣ достойными лучшаго дѣла. Такъ, въ нынѣ вышедшей, іюльской книжкѣ, г. Страховъ, говоря о повѣсти г. Стахѣева «Наслѣдники», входитъ между прочимъ въ размышленія о русской литературѣ до и послѣ Гоголя: какъ ни кратки эти размышленія, тѣмъ не менѣе они пришли у автора ихъ, между прочимъ, къ слѣдующему положенію, которое и воспроизводимъ для свѣдѣнія читателей, въ видѣ курьеза:

«Иронія, которая у Гоголя имѣла такую строгую художественную мѣру, понемногу вовсе удалилась отъ предмета; все больше и больше усиливая свое выраженіе, писатели стали безпрерывно употреблять *иронію гиперболическую,* въ которой уже нѣтъ заботы о реальномъ изображеніи, а, напротивъ, вся потѣха заключается въ *искаженіи* реальныхъ чертъ. Эта гиперболическая иронія иногда разыгрывается наконецъ до того, что переходитъ въ чистое *глумленіе,* то-есть въ рѣчи совершенно безсмысленныя, и самою своею безсмысленностію выражающія презрѣніе къ тому, о чемъ говорится. Вмѣсто ироніи явилось, такъ-сказать, нахальное, наглое обращеніе съ предметами, какъ всего сильнѣе выражающее пренебреженіе къ нимъ того, кто о нихъ говоритъ. *Такой характеръ представляютъ произведенія Щедрина и отчасти Некрасова.* Смѣло и рѣшительно! Боязливый читатель, съ подобающимъ духомъ смиренія, можетъ воскликнуть: не дай Богъ не понравиться почему-либо *многосмысленному* «Русскому Вѣстнику», когда онъ однимъ взмахомъ пера превращаетъ Щедрина и *отчасти* Некрасова въ мастеровъ воспроизводить «рѣчи совершенно безсмысленныя!»

М. У.

* * *

*) Если обладатель «сильнаго и зрѣлаго характера» — не титулованная особа, а тѣмъ паче — мужикъ или разночинецъ, тогда, по мнѣнію критика «Русскаго Вѣстника», нѣтъ для него мѣста въ литературѣ, потому что онъ понизитъ ея уровень, внесетъ въ нее

*) «Недѣля» 1875 г., № 14 («Русская литература въ 1874 г.» По поводу статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Реальнѣйшій поэтъ»).

мѣщанскій духъ. Чтобы убѣдиться, до какихъ крайнихъ предѣловъ развилъ въ себѣ критикъ «Русскаго Вѣстника» это воззрѣніе — рекомендую читателямъ прочесть его статью «Реальнѣйшій поэтъ» (см. «Сборн. критич. статей о Н. А. Некрасовѣ», ч. 3-я, стр. 36), въ которой онъ опрокидывается на Некрасова.

«Мы считаемъ, говоритъ критикъ «Русск. Вѣстн.» стихотворенія г. Некрасова *крайне плохими*, потому что его идеи сами по себѣ не составляютъ того, что называется поэзіей».

«Чтобы дойти до своей азбучной морали, — продолжаетъ критикъ, — г. Некрасовъ находитъ нужнымъ исковеркать дѣйствительность...»

«Въ этомъ сказывается уже не фальшивость идей, а просто *отсутствіе поэтическаго ума, художественнаго таланта;* безъ таланта же никакое беллетристическое произведеніе не имѣетъ права на существованіе». — Если тѣмъ не менѣе критикъ этого журнала посвящаетъ г. Некрасову особую статью, то это лишь потому, что онъ служитъ «выразителемъ извѣстнаго направленія въ современной литературѣ», а то «мы, конечно, прошли бы новые стихотворные опыты г. Некрасова полнымъ молчаніемъ, какъ проходимъ *Войну Ѳедосьи съ китайцами, Семинога Вакулу* и прочіе продукты рыночной литературной промышленности». Можно себѣ представить, какую «критику на Некрасова» написалъ г. А., отправляясь отъ такихъ взглядовъ на его поэзію; но никакое воображеніе не въ силахъ представить себѣ того цинизма, грубости и пошлости чувства, какія, самъ того не замѣчая, онъ проявилъ при этомъ тамъ, гдѣ ему приводилось касаться основного мотива поэзіи Некрасова —

«великаго горя народнаго...»

Кто не помнитъ величественнаго образа русской «Крестьянки», созданнаго Некрасовымъ въ его послѣдней поэмѣ?... Критикъ «Русскаго Вѣстника» находитъ здѣсь только поводъ для глумленія... Въ этомъ образѣ, предъ которымъ русскій читатель, обладающій сердцемъ, родственнымъ своему народу, готовъ преклониться съ благоговѣніемъ, г. А. видитъ только «карикатурно-изломанную, сочиненную фигуру», за которой только разъ въ одномъ мѣстѣ для его глазъ «промелькнула живая русская женщина», именно въ тотъ моментъ, когда она

Молилась въ ночь морозную
Подъ звѣзднымъ небомъ Божіимъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и положеніяхъ своей многострадальной жизни, критикъ видитъ передъ собой только сочиненную Некрасовымъ «Матрену», — «корова холмогорская тожъ». Этотъ эпитетъ, вложенный Некрасовымъ въ уста мужиковъ, очень понравился критику «Русскаго Вѣстника» въ приложеніи къ образу русской крестьянки, созданному поэтомъ, и онъ не можетъ удержаться, чтобы не вставить его, говоря о Матренѣ, хотя бы рѣчь шла о самыхъ трогательныхъ моментахъ ея жизни и деликатныхъ чувствахъ ея материнскаго сердца. Игривость критика заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что онъ не стѣсняется и приврать, бросая мимоходомъ замѣчаніе, что «корова холмогорская» — *идеалъ бабы,* по понятіямъ самого поэта. На стр. 493 безъ всякой оговорки онъ пишетъ:

«Первыя строки поэмы какъ нельзя лучше даютъ понятіе о томъ плоскомъ и грязномъ, мнимо-юмористическомъ тонѣ, въ которомъ задумано произведеніе:

Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго, —
Пощупаемъ-ка бабъ,

начинаетъ реальный поэтъ и тутъ же спѣшитъ обрисовать *свой идеалъ бабы:*

Корова холмогорская
Не баба. Доброумнѣе
И глаже бабы нѣтъ!»

Между тѣмъ въ подлинникѣ поэма начинается такимъ образомъ:

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго,
Пощупаемъ-ка бабъ, —
Рѣшили наши странники.
И стали бабъ опрашивать.
Въ селѣ Наготинѣ
Сказали, какъ отрѣзали:
«У насъ такой не водится
А есть въ селѣ Клину:
Корова холмогорская —
Не баба!...» и т. д.

Г. Некрасовъ даже ковычёкъ не забылъ поставить, въ виду того, что это говоритъ не онъ, а другіе; а г. А. не стѣснился даже знаки грамматическіе припрятать, чтобы удобнѣе было скрыть отъ читателей продѣлку своего пера.

Да не подумаетъ читатель, что у г. А., можетъ быть, свои, отличныя отъ общихъ, понятія насчетъ такихъ пріемовъ въ печати. Нисколько; переверните семь листиковъ отъ той страницы, гдѣ онъ, какъ выше показано, фальсифицировалъ некрасовскіе стихи, и вы встрѣтите слѣдующее мѣсто: «Навязывать намъ теорію, которая поставляетъ задачей искусства только виртуозность стиха и изящество слога, могутъ только, рѣшаясь на подтасовку и фальсификацію нашихъ идей. Это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаетъ петербургская журналистика въ расчетѣ, что не всякій читатель станетъ повѣрять ее съ уликой въ рукахъ. Бороться противъ такого оружія мы считаемъ ниже себя» — хотя сами и прибѣгаемъ къ нему постоянно, даже въ этой самой статьѣ, — слѣдовало бы добавить критику; но такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, то «съ уликой въ рукахъ» мы вправѣ сдѣлать это добавленіе по его уполномочію.

Далѣе, передавая содержаніе поэмы Некрасова, критикъ между прочимъ говоритъ:

«Савелій является въ разсказѣ только для того, чтобы «скормить» свиньями сына Матрены Тимоѳеевны, ненагляднаго Демушку. Необычайный (?) пассажъ этотъ придуманъ авторомъ очевидно только для того, чтобъ изобразить *совершенно невѣроятную* сцену, повѣствующую, какъ по случаю смерти Демушки наѣзжаютъ чиновники *чинить судъ* неизвѣстно надъ чѣмъ и надъ кѣмъ (такъ какъ не видно, чтобы свинья, съѣвшая ребенка, была привлечена къ отвѣту)».

Здѣсь я опять отмѣчу нѣсколько передержекъ, сдѣланныхъ г. А. въ передачѣ содержанія поэмы: во-первыхъ, въ ней нѣтъ ни слова *о судѣ,* а дѣло идетъ о слѣдствіи; во-2-хъ, — животныхъ къ суду не притягиваютъ, что г-ну А. вѣроятно хорошо извѣстно изъ дѣлъ о потравахъ. Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ его шуточкамъ, и именно по поводу того мѣста поэмы, гдѣ авторъ описываетъ чувства матери-крестьянки, у которой на глазахъ вскрываютъ тѣло ея «ненагляднаго» сына:

«Возмутительныя подробности этой сцены, пишетъ критикъ, переданы авторомъ съ реализмомъ, подобный которому можно отыскать развѣ въ учебникахъ судебной медицины, съ тою только разницей, что послѣдніе едва ли допускаютъ возможность вскрытія тѣла, уже съѣденнаго свиньями. Но, какъ мы не разъ уже видѣли, подобныя маленькія несообразности не смущаютъ поэтовъ и романистовъ реальной школы...»

Не смущается, однако, лишь критикъ «Русскаго Вѣстника», ради «краснаго словца» выдумывающій новую небылицу, въ очевидномъ расчетѣ, что выхваченное и искусно вставленное имъ словечко «скормилъ» уже успѣло ввести въ заблужденіе тѣхъ читателей, которымъ незнакома поэма г. Некрасова: если бъ г. А. нашелъ гдѣ-нибудь у несимпатичнаго ему автора выраженіе «комары заѣли» — онъ, вѣроятно, тоже прикинулся бы понимающимъ дѣло въ томъ смыслѣ, что заѣденный субъектъ безъ остатка перемѣстился въ пищеварительные органы насѣкомыхъ, и съ наивностью Иванушки дурачка сталъ бы докладывать читателямъ о «несообразности» физическаго существованія субъекта послѣ того, какъ онъ былъ заѣденъ комарами. Такой критическій пріемъ, очевидно, считается г. А. достойнымъ серьезной критики. Не говорю уже о томъ, что никакихъ судебно-медицинскихъ подробностей въ описаніи помянутой сцены, вопреки показанію г. А., не находится въ поэмѣ Некрасова: съ такимъ щекотливымъ въ эстетическомъ отношеніи сюжетомъ, какъ вскрытіе тѣла, поэтъ сумѣлъ совладать, не нарушая границъ, отдѣляющихъ судебно-медицинскую литературу отъ изящной.

Задавшись мыслью окарикатурить поэму изъ крестьянскаго быта, г. А. идетъ на проломъ, отвергая правдивость всѣхъ раздирательныхъ фактовъ, даже въ историческомъ прошломъ русской крестьянской жизни; не диво, что онъ назвалъ «необычайнымъ пассажемъ» ужасную смерть крестьянскаго ребенка, «совершенно невѣроятной» сцену пріѣзда чиновниковъ по этому случаю; по его мнѣнію, даже неправильная сдача въ солдаты крестьянина есть не болѣе, какъ продуктъ «изобрѣтательной фантазіи» г. Некрасова, а причитанья матери, которой воображеніе рисуетъ картины жестокаго обращенія съ ея мужемъ-рекрутомъ, — это «тенденціозное коверканье злополучной героини».

Ужасное положеніе крестьянки, изстрадавшейся до послѣдней степени, снова вызываетъ въ г. А. желаніе пошутить:

«Матрена соскакиваетъ съ печи, описываетъ онъ, и бросается бѣжать въ морозную зимнюю ночь, причитая на бѣгу:

Владычица! во мнѣ
Нѣтъ косточки не ломаной,
Нѣтъ жилочки не тянутой,
Кровинки нѣтъ не порченой,—
Терплю и не ропщу!...

Кто ей переломалъ косточки и повытянулъ жилочки, подсмѣивается критикъ, и какимъ образомъ можетъ бѣжать баба, приведенная въ такое состояніе, — реальный поэтъ не счелъ нужнымъ объяснить читателю...»

Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь князѣ Хвалынскомъ: этого героя «татарской крови», всю жизнь отличавшагося подвигами звѣрства, критикъ «Русскаго Вѣстника» сочувственно называетъ «изстрадавшимся». Г. А. не можетъ простить г. Некрасову даже того, что его героиня-крестьянка рождаетъ ребенка не у себя дома, а тамъ, гдѣ захватили ее хлопоты о возвращеніи неправильно-забритаго мужа, на губернаторскомъ крыльцѣ. Много глумится критикъ по поводу этого, по его мнѣнію, «балаганнаго фарса»: даже губернаторшу обзываетъ «малосмыслящей» и «несмыслящей» за то, что она приняла теплое участіе въ судьбѣ крестьянки — «вмѣсто того, чтобы отправить родильницу въ городскую больницу»; подсмѣивается и надъ губернаторомъ за то, что онъ «входитъ въ филантропическую затѣю своей несмыслящей супруги, посылаетъ «нарочнаго» произвести дознаніе о неправильной сдачѣ въ рекруты Филиппа и возвращаетъ его счастливой Матренушкѣ, коровѣ холмогорской тожъ». — «Читатель ожидаетъ, — заключаетъ г. А., — что вслѣдъ затѣмъ въ губерніи, управляемой такими благодушными супругами, всѣ бабы, въ послѣдніе дни беременности, стали приходить разрѣшаться на губернаторское крыльцо...»

Не правда ли, читатель, какого элегантнаго тона всѣ эти шутки критика, стремящагося возвысить литературу, пониженную до уровня умственнаго мѣщанства! Воображаю, какъ гогочутъ, читая эти милыя остроты, представители «культурнаго слоя» во вкусѣ г. А! Нельзя не поблагодарить г. А. за такія образчики хорошаго тона и высшаго порядка идей, какія онъ представилъ публикѣ въ своемъ критическомъ этюдѣ по поводу поэмы Некрасова. Читая ихъ, такъ и хочешь воскликнуть, вмѣстѣ съ Чегловымъ, героемъ «Горькой

Судьбины»: Чувствуешь ли ты, Сергѣй Васильевичъ, какія ты ужасныя вещи говоришь и какимъ отвратительнымъ тономъ Тараса Скотинина?!»

* * *

*) Некрасовъ составилъ себѣ въ извѣстномъ кругу репутацію по преимуществу «Народнаго поэта»; если мы должны видѣть поэта въ этомъ писателѣ, то что за надобность въ пріурочиваніи къ его титулу жреца Аполлона, эпитета «народный». Да и справедливо ли это, строго смотря за точностью выраженій, если мы за извѣстное количество картинъ природы, хотя бы и съ мотивами изъ народной жизни, будемъ придавать единственное значеніе одной части изъ цѣльнаго образа творчества, игнорируя все прочее? Намъ кажется это не вполнѣ справедливымъ, особенно припоминая силу извѣстныхъ гражданскихъ мотивовъ Некрасова, нисколько не слабѣйшихъ, если еще не болѣе сильныхъ, чѣмъ поэмы на народный складъ, въ родѣ «Коробейниковъ».

Что, въ самомъ дѣлѣ, лучшаго въ поэмѣ Коробейники? — Очерки быта? — они не идутъ дальше бѣглаго абриса. Стихъ — едва ли вездѣ поэтичный. Народность? — едва ли найдется она бьющею живымъ ключомъ и въ выработанномъ стихѣ. А сколько на одинъ выработанный стихъ приходится не выработанныхъ? Въ цѣломъ поэма не выдержана и распадается на детали, глядящія, каждая въ свою очередь, совершенно самостоятельно, — нисколько не думая уступать своего значенія въ пользу слѣдующей картины. И набросокъ, передающій смыслъ нашего рисунка, нисколько не слабѣе своихъ дружекъ, и тутъ выходитъ картина своеобразная, хоть и невысокаго полета:

«Эй Ѳедорушки, Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!»
Жены мужнія — молодушки
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвушки-лебедушки
Новины свои несутъ.
И старушки важеватыя,

*) «Всемірная Иллюстрація» 1875 г., № 333.

Глядь, туда же приплелись.
«Ситцы есть у насъ — богатые,
Есть миткаль, кумачъ и плисъ.
Есть у насъ мыла пахучія —
По двѣ гривны за кусокъ,
Есть румяны не линючія —
Молодись за пятачокъ!
Видишь камни самоцвѣтные
Въ перстенькѣ какъ жаръ горятъ,
Есть и любчики завѣтные —
Хоть кого приворожатъ!»
Началися толки рьяные,
Посреди села базаръ,
Бабы ходятъ словно пьяныя,
Другъ у дружки рвутъ товаръ».

Народности здѣсь столько же, какъ и въ другихъ твореніяхъ поэта, вѣрнаго себѣ во всемъ, начиная отъ гражданскихъ мотивовъ, до сатиры. И сила, какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ, нормальная, Некрасовская*).

1876 г.

**) Первая книжка «Отечественныхъ Записокъ» подаетъ намъ, прежде всего, поводъ сказать нѣсколько словъ о томъ — какъ нынче стоитъ вопросъ, такъ называемаго, *направленія* въ нашей журналистикѣ. Въ послѣднее время начали раздаваться голоса въ пользу того, чтобъ ежемѣсячные журналы помѣщали все, что только найдется занимательнаго для читателя, не обращая вниманія на то: къ какому лагерю принадлежитъ писатель, какія идеи проводитъ онъ въ своемъ произведеніи. Стали указывать на нѣкоторые факты большей, будто бы, терпимости, явившейся въ петербургскихъ авторитетныхъ журналахъ, между прочимъ и «Отечественныя Записки» цитировались въ доказательство такой перемѣны въ поведеніи на-

---

*) Въ этомъ году еще см. о Некрасовѣ въ «Библіотекѣ дешевой и общедоступной», № 4, стр. 1—18, этюдъ П. Григорьева.

Примѣч. В. Зелинскаго.

**) «Молва» 1876 г., № 6. («Литература и журнализмъ»).

шихъ редакцій. Мы не станемъ защищать, ни въ какомъ случаѣ, крайностей тенденціи, мы не станемъ доказывать, что только исключительными взглядами и симпатіями можетъ питаться какое бы то ни было періодическое изданіе, но есть большая разница между крайней нетерпимостью и отсутствіемъ послѣдовательности. — Пускай извѣстные журналы, строго держащіеся своего направленія, печатаютъ, время отъ времени, статьи, способствующія разъясненію какого-нибудь вопроса и *за* и *противъ,* особенно когда вопросъ этотъ поднятъ самимъ журналомъ; но мы вовсе не желали бы, чтобъ для петербургской журналистики наступилъ періодъ безпринципія, безпорядочнаго отношенія къ идеямъ и стремленіямъ, раздѣляющимъ нашу интеллигенцію на два, довольно рѣзко обособленныхъ лагеря. Мыслящему читателю вовсе непріятно будетъ, подписавшись на журналъ, ему симпатичный, видѣть на страницахъ этого журнала смѣшеніе именъ, тенденцій, идей въ одну разношерстную кучу. Въ нашемъ обществѣ литература, до сихъ поръ, едва ли не единственное руководящее мѣрило въ распознаваніи того насущнаго *добра,* безъ котораго немыслимъ никакой прогрессъ. Поэтому то и пріятно видѣть, что лучшіе органы петербургской журналистики, хотя и дѣлаютъ временныя попытки извѣстнаго рода терпимости относительно крупныхъ литературныхъ именъ, остаются, все-таки вѣрны своей основной физіономіи.

Съ такой послѣдовательностью и цѣльностью являются и «Отечественныя Записки» въ своемъ первомъ нумерѣ. Этотъ нумеръ, въ особенности, богатъ беллетристикой: даетъ почти все, что только могло быть сосредоточено въ первой книгѣ. Тутъ надо, кстати, прибавить, что, вопреки общимъ толкамъ нашей критики, литературные дѣятели, не записавшіеся въ разрядъ усталыхъ и отсутствующихъ, пишутъ вовсе не такъ мало, какъ у насъ кричатъ о томъ. Вы видите, что и г. Некрасовъ выступаетъ съ цѣлой поэмой, и г. Щедринъ съ цѣлой сатирой, и В. Крестовскій (пора бы этой даровитой писательницѣ прибавить къ своему псевдониму настоящее свое имя) — съ разсказомъ. Да и въ прошломъ году всѣ что-нибудь дали, а нѣкоторые даже по цѣлому большому роману. Вообще, количественно пишется у насъ совсѣмъ не мало, даже сравнительно съ западными литературами, гдѣ на цѣлую массу беллетристическихъ вещей, доставленныхъ прошлымъ годомъ, едва наберется два, три замѣчательныхъ произведенія.

Физіономія «Отечественныхъ Записокъ», какъ журнала съ опредѣленнымъ направленіемъ, отражается во всѣхъ трехъ беллетристическихъ вещахъ, цитированныхъ нами. Всего рѣзче — въ сатирической поэмѣ или *траги-комедіи* г. Некрасова. Это уже неподкрашенное изображеніе — живьемъ — «злобы дня», въ видѣ злокачественныхъ продуктовъ нашего денежнаго движенія. Читатель припомнитъ, что въ прошломъ году г. Некрасовъ анонимно напечаталъ начало той же траги-комедіи, въ формѣ отрывочныхъ застольныхъ сценъ, происходящихъ въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ. Онъ продолжаетъ ту же тему и сосредоточиваетъ весь интересъ на одномъ обѣдѣ, гдѣ собрались всѣ представители русской плутократіи. Тема, стало быть, чисто сатирическая, безъ всякой почти примѣси лиризма, хотя бы и съ гражданскимъ оттѣнкомъ. Г. Некрасова упрекаютъ, обыкновенно, въ томъ, что онъ слишкомъ близко держится мотивовъ нашей обличительной прессы, недостаточно возсоздаетъ образы своей сатиры, ограничивается рѣзкими очерками и фотографіями, вмѣсто крупныхъ, творчески-созданныхъ фигуръ. Упрекъ этотъ всего сильнѣе могъ бы относиться къ послѣднимъ его произведеніямъ; но, чтобы быть объективнымъ, надо хорошенько допытаться: какой цѣлью задавался поэтъ-сатирикъ. Если ему хотѣлось вызвать въ читателѣ ѣдкое чувство горечи и отвращенія, то онъ, конечно, выполнилъ свою задачу и принесъ ей въ жертву почти все то, что требуется отъ произведенія въ стихотворной формѣ, т.-е. изящество стиха, отдѣлку выраженій, завлекательность общаго колорита. Стихъ мѣстами поражаетъ даже своей рѣзкостью, непоэтичностью, своимъ сатирическимъ *намѣреніемъ* (если намъ позволено будетъ такъ выразиться). Не думаемъ, чтобъ самъ поэтъ не понималъ и не чувствовалъ этого; но его сатира, за исключеніемъ нѣсколькихъ вещей, никогда не отличалась особенными прелестями формы. Отношеніе къ дѣйствительности было у него всегда одно и то же, т.-е. проникнуто тѣмъ протестомъ противъ темныхъ сторонъ нашей ложной культуры, который и собираетъ вокругъ себя всѣхъ лучшихъ людей нашего общества. Прежде г. Некрасову удавалось задѣвать болѣе широкіе мотивы и давать при этомъ ходъ своему скорбному лиризму, въ которомъ, по нашему мнѣнію, заключается его *главнѣйшая сила;* теперь онъ выбралъ такой міръ, гдѣ всякій лирическій порывъ глохнетъ, какъ отъ общей атмосферы этого міра, такъ и отъ множества подробностей, собранныхъ на одно полотно

картины. Вся траги-комедія заключается въ рядѣ монологовъ съ комментаріями самого поэта, въ которыхъ фигуры различныхъ дѣльцовъ освѣщены подъ угломъ безпощадной сатиры. На этомъ «шабашѣ», плутократовъ роль шута-прихлебателя, говорящаго каждому правду, играетъ какой-то князь Иванъ, резонеръ этой пьесы, изъ котораго авторъ сдѣлалъ родъ древне-греческаго хора. Этотъ князь Иванъ долженъ олицетворять собой глубокое и взаимное презрѣніе, какое всѣ пирующіе должны чувствовать другъ къ другу. Въ его рѣчахъ выражается полнѣйшая нравственная безшабашность, полнѣйшій цинизмъ, съ которымъ весь этотъ міръ паразитовъ высасываетъ сокъ откуда можно; абсолютное отсутствіе какого бы то ни было принципа, идеи, правила или даже предразсудка. Самъ авторъ въ одномъ изъ своихъ, лично ему принадлежащихъ, отступленій отъ хода траги-комедіи, въ такой сатирической формѣ выражаетъ суть того, чѣмъ живутъ его герои въ настоящую минуту:

Да, постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ;
Тайна жизни — гарантія,
А субсидія — вѣнецъ!
Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! Изваяй
«*Гарантію*» и «*Субсидію*»,
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И россійскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы...

Героическую фигуру этого дѣлецкаго шабаша видимъ мы въ личности самаго крупнаго воротилы Зацѣпина. На него въ концѣ пира налетаетъ припадокъ душевной скорби. Онъ клянетъ себя, рыдаетъ и, какъ новый Іеремія плутократовъ, предрекаетъ разныя невзгоды и себѣ и другимъ хищникамъ. Авторъ отъ себя даетъ объясненіе душевной бури, поднявшейся въ утробѣ ненасытнаго дѣльца: его сынъ рѣзко разошелся съ нимъ, понявъ, кто такой его отецъ, удалился въ Москву, тамъ окончилъ курсъ, голодалъ и не бралъ отцовскихъ денегъ. И вдругъ приходитъ роковая телеграмма, что

сынъ его раненъ, а причина дуэли та, что *при немъ обозвали его отца воромъ!* Этотъ Зацѣпинъ, или «Зацѣпа», по народному прозванію, является какимъ-то Іоанномъ Грознымъ плутократическаго міра. Онъ даже кончаетъ такимъ возгласомъ — неизвѣстно надолго ли — уходя съ пиршества:

Прочь! гнушаюсь вашихъ устъ:
Проклинаю процвѣтающій,
Все — берущій, все — хватающій
Все — ворующій союзъ!

Въ одномъ мѣстѣ траги-комедіи вырывается, однако, скорбный лиризмъ поэта, въ видѣ мрачнаго контраста, освѣщающаго всю глубину той грязи и того безстыдства, какими переполненъ міръ денежныхъ паразитовъ. Всѣ эти кулаки и воротилы, понаторѣвшіе въ искусствѣ выжимать копейку изъ каждаго поденщика, вдругъ затягиваютъ пьяными голосами бурлацкую пѣсню, начинающуюся такъ:

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое,
Плохо житье!
Братцы, подъемъ,
Ухнемъ, напремъ!

Вотъ эта-то пѣсня и была толчкомъ, вызвавшимъ въ Зацѣпинѣ пароксизмъ раскаянія. Безотрадно становится на душѣ отъ чтенія такихъ траги-комедій. Не хочется даже и входить въ разборъ ихъ литературныхъ достоинствъ и недостатковъ. На лицо тотъ фактъ, что человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, съ наблюдательнымъ умомъ не могъ остановиться на другомъ мотивѣ, на чемъ-либо, кажущемъ намъ менѣе грязную перспективу. Это, конечно, односторонность; но она небезпричинна и, что еще вѣроятнѣе, непреднамѣренна. Почему-нибудь видимъ же мы, что даже молодые таланты, не успѣвшіе еще устать, нажить себѣ хандру и горькій скептицизмъ, не въ состояніи создать что-либо, ярко говорящее о новомъ, лучшемъ строѣ нашей общественной жизни. Сатирика влечетъ къ язвамъ и болячкамъ; но не онъ одинъ виноватъ въ томъ, что эти болячки и язвы въ данную минуту имѣютъ такой прозаическій, грубый, нестерпимо пошлый характеръ.

* * *

*) Передъ нами рисуется такая страшная, ужасающая картина, отъ которой кровь леденѣетъ въ жилахъ, и если бы мы жили въ средніе вѣка, то при видѣ этой картины мы невольно подумали бы о близкой кончинѣ міра. Прочтите новое произведеніе г. Некрасова «Герои времени» — траги-комедію, напечатанную въ «Отеч. Зап.» Передъ вами открывается здѣсь своего рода поэтическій апоѳеозъ героевъ нашего времени. Но... еще разъ повторяю, морозъ подираетъ по кожѣ при подобномъ апоѳеозѣ. Зато для примѣра передъ вами одинъ изъ типовъ, выставляемыхъ г. Некрасовымъ:

«Прибылъ подрядчикъ на мѣсто работъ,
Вмѣсто науки съ однимъ «глазомѣромъ»,
Ѣздитъ по селамъ съ своимъ инженеромъ,
Рядитъ рабочихъ, — никто не идетъ!
Земли кругомъ тутъ дворянскія были,
Только дворяне о нихъ позабыли.
Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый «кустарь»,
Пренебреженный окраины царь.
Жители рыбу въ озерахъ ловили,
Гнали безданно изъ пеньевъ смолу,
Брали морошку, опенки солили,
И говорили: «Нейдемъ въ кабалу!»
Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго,
Прежде всего: создавай тутъ «рабочаго».
Какъ же создать его? — Шкуринъ не спитъ:
Земли, озера, болота, графитъ —
Все откупилъ у помѣщика,
«Все до послѣдняго лещика!»
(Какъ энергически самъ говоритъ).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Какъ изъ-подъ ногъ ея почва ушла...
Мысль эта, смѣю сказать, лучезарная
Наши доходы спасла.
Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
Акціонеры найдутъ:
На сорокъ три съ половиной процента
Разомъ понизился трудъ!...
«Ходко пошла земляная работа.
Шкуринъ, трудясь до кроваваго пота,
Не раздѣвался въ ночи,
Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1876 г., № 29 (статья *Зауряднаго читателя*).

Обувь, одежду, перцовку, харчи
Самъ поставлялъ для артели громадной.
Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
Не пренебрегъ гигіеной народной:
Вмѣсто болотной, стоячей воды,
Далъ онъ рабочему квасъ превосходный!
Этимъ и наша достигнута цѣль:
Въ жаркіе дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась свободно безъ мяса.
Быстро въ артели упалъ аппетитъ
На двадцать два съ половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Краснорѣчивѣе словъ говоритъ!...»
«Ура!» прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ янки...»

Произведеніе г. Некрасова представляетъ передъ вами цѣлый рядъ подобныхъ героевъ нашего времени. Всѣ они находятся на высотѣ поэтическаго апоѳеоза, пируютъ въ обширной, залитой огнями залѣ и въ пышныхъ рѣчахъ восхваляютъ подвиги другъ друга въ родѣ вышеприведенныхъ. Но этого мало: дальше г. Некрасовъ употребилъ смѣлый художественный пріемъ, достойный великаго мастера. Представьте себѣ такого рода контрастъ, ужасающій своею трагичностью. Представьте себѣ, что въ этой залѣ, залитой огнями, среди роскоши и блеска, эти самые жирные подрядчики, концессіонеры и биржевые игроки, послѣ всей своей наглой открытой похвальбы своими грабежами, сытые, пьяные, запѣли вдругъ хоромъ бурлацкую пѣсню, которую нѣкоторые изъ нихъ пѣвали въ былое время въ иномъ положеніи, болѣе соотвѣтствующемъ:

«Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ;
Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое.
Плохо житье!
Братцы, подъемъ!
Ухнемъ! напремъ!» и пр.

И вдругъ изъ-за этого пѣнія начинаютъ раздаваться среди общаго пьянаго ликованія глухія рыданья и всхлипыванія... Это началъ каяться одинъ изъ героевъ этого пира, Зацѣпа. Вотъ что причиталъ онъ среди своихъ рыданій:

«Я — воръ! Я — рыцарь шайки той
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
Гдѣ сплошь да рядомъ — видитъ Богъ! —
Лежатъ въ основѣ состонья
Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
Убійство, кража и поджогъ!
Гдѣ позабудь покой и сонъ,
Добычу зорко карауля,
Гдѣ въ результатѣ — милліонъ
Или коническая пуля!»

Но оказывается, что не одна мрачная пѣсня каторжнаго труда и нищеты, цинически-нагло спѣтая жирными финансистами послѣ сытнаго обѣда, вызвала покаянные вопли ихъ опьянѣлаго собрата. Съ нимъ приключилась передъ тѣмъ трагедія такого рода:

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ, —
Сдѣлано слишкомъ ужъ дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
«Правда ли? правда ли?» юноша смѣло
Сыплетъ вопросы, — и нѣтъ имъ конца.
Вспыхнула ссора. Зацѣпа сбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«*Воромъ отца обозвали при немъ...*»
Черныя мысли отцомъ овладѣли,
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ — не стерпѣлъ,
И разыгралась воочію драма...»

Вы только подумайте, что за невообразимый, чудовищный хаосъ представляетъ подобнаго рода картина? Вѣдь это — краски мрачнѣе ювеналовскихъ...

* * *

*) .....Въ гораздо болѣе близкое соприкосновеніе съ современною русскою дѣятельностью (раньше шла рѣчь о Тургеневѣ) сталъ г. Некрасовъ въ своемъ новомъ, очень объемистомъ, стихотвореніи — «Герои времени» (напечатанномъ въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ»). Но тутъ другая крайность: соприкосновеніе выходитъ уже слишкомъ близкое, или, вѣрнѣе говоря, сама эта дѣйствительность не та, которая имѣетъ право на вниманіе поэта, — и притомъ, такого, какъ г. Некрасовъ, обладающаго истинно поэтическимъ чутьемъ въ высшей степени и только въ послѣднее время начавшаго обращаться къ такимъ предметамъ, которые могутъ и должны служить матеріаломъ скорѣе для «обличительнаго» стихотворенія, чѣмъ для произведенія поэтическаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. О г. Некрасовѣ тоже сложилось въ послѣднее время мнѣніе, что онъ «исписался». Это положительно несправедливо: еще въ началѣ прошлаго года изъ подъ пера его вылилось «Уныніе», — а кто способенъ написать такую вещь, о томъ невозможно сказать, что творчество его изсякло или пришло въ упадокъ. Дѣло только въ томъ, что направленіе сатиры г. Некрасова приняло въ послѣднее время болѣе частный, такъ сказать, спеціальный характеръ, т.-е. пошло по той же узкой дорогѣ, на которую вступилъ отчасти и поэтъ Гейне во второмъ періодѣ дѣятельности этого послѣдняго. Г. Некрасовъ, какъ и Гейне, по природѣ своего дарованія — сатирикъ-лирикъ, и когда вырываются у него звуки этого лиризма, тогда они сильно щемятъ за сердце, и вы понимаете не только національное, русское, но и общечеловѣческое значеніе ихъ. Благодаря этой сторонѣ своего таланта, г. Некрасовъ и занялъ такое почетное мѣсто въ русской литературѣ. Но такимъ звукамъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста, когда поэтъ становится въ ту среду, гдѣ —

..... Шумно... Въ уши
Словно бьютъ колокола,
Гомерическіе куши,
Милліонныя дѣла,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дѣлежъ,
Рельсы, шпалы, балки, вклады —
Ничего не разберешь.

*) «Пчела» 1876 г., № 4 (Русская Журналистика. «Часы» г. Тургенева и «Герои времени» г. Некрасова. Статья П. Вейнберга).

А въ этой именно средѣ и происходитъ дѣйствіе «Героевъ Времени». Прибавьте къ этому, что большинство этихъ «героевъ» — почти фотографическіе снимки съ натуры и что они, по большей части, мелкіе мошенники, только ворующіе крупные куши, — и вы, надѣюсь, согласитесь со мною, что новое произведеніе поэта въ значительной степени не удовлетворяетъ требованіямъ художественности. Я не спорю, что картина нарисована вообще удачно и мѣтко, не спорю противъ остроумія всего этого калейдоскопа, въ которомъ проходятъ передъ читателемъ: этотъ авторъ проэкта объ устройствѣ «Центральнаго дома терпимости» въ виду того, что «времена наступаютъ тревожныя, кризисъ близится; мало даютъ предпріятія желѣзно-дорожныя, банки тоже не бойко идутъ», и, слѣдовательно, надо придумать что-нибудь повыгоднѣе; — эти братающіеся еврей и грекъ, при чемъ кто-то низко клонитъ голову, кто-то на полъ льетъ вино, кто-то Утина Ермолову уподобилъ...», — этотъ содержатель ссудной кассы; — этотъ биржевикъ, убѣждающій процентщика-еврея сдѣлаться редакторомъ журнала, нужнаго этому биржевику для его коммерческихъ видовъ, и доказывающій, что «не у насъ — во всей Европѣ прессой правитъ капиталъ; былъ же Генкель, есть же Гоппе, — ты бы ярче ихъ сіялъ»; — «Этотъ изыскатель-Авраамъ», разбогатѣвшій на покупкѣ болотъ въ семьдесятъ семь десятинъ; — эти «витіи по сословной части», утверждающіе, что «вся бѣда Россіи въ недостаткѣ власти»; — этотъ профессоръ-москвичъ, бывшій когда-то «печальникомъ объ отечествѣ», не имѣвшій ничего, кромѣ каменной болѣзни, кичившійся своимъ демократизмомъ, — а потомъ сдѣлавшійся плутократомъ, который «спекуляторскія штуки ловко двигаетъ впередъ при содѣйствіи науки»; — этотъ баронъ фонъ-Руге, вывезшій изъ Россіи мильярдъ, окружившій себя за границею неслыханною роскошью и снѣдаемый отчаяніемъ вслѣдствіе того, что седанская катастрофа помѣшала ему пріобрѣсть герцогскій титулъ, который онъ совсѣмъ уже приторговалъ за милліонъ р. сер. у Наполеона; — и т. д. и т. д. и т. д. Все это, повторяю, смѣшно, остроумно, мѣтко, какъ по содержанію, такъ и по формѣ (хотя послѣдняя иногда принимаетъ водевильный характеръ, такъ и просясь на уста гг. Монаховыхъ, Никитиныхъ и т. п.), — но... слишкомъ мелко для г. Некрасова. Мы слишкомъ высоко ставимъ дарованіе этого поэта, мы отводимъ ему слишкомъ почетное мѣсто не только въ русской, но и въ европейской поэзіи,

чтобы удовлетворяться подобными вещами. Не будь это произведеніе подписано его именемъ, мы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ (о которыхъ скажемъ ниже), готовы были бы приписать этихъ «Героевъ Времени» перу какого-нибудь — правда, талантливаго — изъ тѣхъ многочисленныхъ подражателей этого поэта, которыхъ создалъ онъ самъ и которые заимствовали у него только голое списываніе дѣйствительности, не почерпнувъ ни единой капли его «поэтическаго» творчества, по той простой причинѣ, что творчество не заимствуется. Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что какое намъ дѣло до того, кѣмъ именно написана та или другая вещь, если она хороша сама по себѣ? Да, это такъ, — но, во 1-хъ, «Герои Времени» хороши только какъ обличительное стихотвореніе, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, — а 2-хъ, для чего же и существуютъ первоклассные писатели, истинные художники, какъ не для того, чтобы они удовлетворяли тѣмъ нашимъ нравственнымъ и общественнымъ идеямъ, стремленіямъ, потребностямъ, которымъ не въ состояніи удовлетворить писатели дюжинные?

Я упомянулъ выше о нѣкоторыхъ мѣстахъ въ «Герояхъ Времени», составляющихъ исключеніе. Не останавливаясь на всѣхъ ихъ, укажу на два: Богатый подрядчикъ Савва, вышедшій изъ простого народа и составившій себѣ состояніе всякими правдами и неправдами, любитъ вспоминать иногда простого «мужичка», — и теперь, на этомъ празднествѣ, описаніе котораго составляетъ содержаніе «Героевъ Времени», предлагаетъ тостъ за «братьевъ-мужиковъ» — и, въ то же время, запѣваетъ бурлацкую пѣсню, ту, что онъ пѣлъ когда-то, когда самъ тянулъ лямку на Камѣ. Къ нему присоединяются два-три подрядчика, прошедшее которыхъ было тоже не сладко для «братьевъ-мужиковъ», и, между прочими, нѣкто Шкуринъ, — тотъ самый Шкуринъ, который особенно отличался въ этомъ отношеніи (и который подробно обрисованъ въ «Герояхъ Времени»). Соединили эти почтенные дѣятели свои голоса — и понеслась пѣсня:

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужъ лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое.
Плохо житье! —

и т. д...., — пѣсня, глубоко щемящая, чисто «некрасовская», насквозь проникнутая тѣмъ сатирическимъ лиризмомъ, о которомъ я упоминалъ выше и трагическій смыслъ которой еще болѣе усиливается въ устахъ этого «разбойничьяго хора» (какъ выражается поэтъ), который «въ пѣніе душу кладетъ!» — Второе мѣсто, производящее глубокое впечатлѣніе — это эпилогъ, состоящій изъ исповѣди, самообличенія Григорія Александровича Зацѣпина (слывшаго подъ именемъ Зацѣпы), играющаго огромную роль въ коммерческомъ мірѣ и дошедшаго до нея цѣлымъ рядомъ преступленій. Самообличеніе это совершается въ пьяномъ видѣ, и есть, какъ говоритъ въ превосходномъ монологѣ пріятель Зацѣпина, Леонидъ —

Явленье — строго говоря,
Не ново съ русскими великими умами:
Съ Ивана Грознаго царя
До переписки Гоголя съ друзьями,
Самобичующій протестъ —
Россійскихъ гражданъ достоянье!... и т. д.

Исповѣдь Зацѣпина и развязка ея, состоящая въ томъ, что всѣ присутствующіе, и въ томъ числѣ самъ онъ, садятся въ «горку» — положительно поражаютъ своимъ траги-комизмомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и чистымъ трагизмомъ. Припомнимъ, напр., смерть единственнаго сына Зацѣпина...

П. В—б—ъ.

* * *

*) ...Чествуя по имени, первое мѣсто — красный уголъ нашей «Лѣтописи» — отводимъ г. Некрасову. Почему же не г. Щедрину? Чѣмъ онъ уступаетъ своему товарищу, или сопернику по сатирѣ? Или онъ менѣе сдѣлалъ въ сатирѣ прозаической, чѣмъ г. Некрасовъ въ сатирѣ ритмической? Нѣтъ, но г. Некрасова мы въ правѣ поставить выше, хотя бы потому, что онъ изъясняется языкомъ боговъ, — стихотворною рѣчью, да и кромѣ того г. Некрасовъ прежде г. Щедрина снискалъ на Руси извѣстность въ качествѣ сатирическаго поэта... Развѣ это плохіе резоны для первенства, предполагая другія достоинства равными? Впрочемъ, что сравнивать этихъ писате-

---

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1876 г., № 31 (Литературная Лѣтопись. «Герои времени», траги-комедія Н. Некрасова. Статья В. М.).

лей, зачѣмъ заставлять ихъ тягаться другъ съ другомъ! Не можетъ ли одинъ изъ нихъ, по примѣру величаваго творца «Фауста», когда между нѣмцами загорѣлись споры объ его поэтическомъ превосходствѣ надъ Шиллеромъ, и наоборотъ, воскликнуть внушительнымъ тономъ: «чѣмъ спорить о томъ, кто изъ насъ лучше, вы должны бы радоваться, что въ русской литературѣ есть два такіе молодца!» Что до насъ, мы радуемся ихъ славѣ, но только не можемъ скрыть, что лучи, исходящіе отъ этихъ литературныхъ свѣтилъ, т.-е. отъ нашихъ сатириковъ, не всегда отличаются яркостью, а порою рѣшительно померкаютъ.... Всего же чаще эти лучи блещутъ не на всемъ своемъ протяженіи; говоря проще, творенія двухъ корифеевъ нашей сатиры рѣдко бываютъ выдержаны, рѣдко хороши въ цѣломъ, и больше нравятся въ частностяхъ, отдѣльными мѣстами и эпизодами. Въ нихъ слишкомъ мало поэтическаго, слишкомъ мало художественнаго творчества. Это же замѣчаніе примѣняется и къ ихъ послѣднимъ вещамъ, при чемъ въ поэмѣ г. Некрасова найдется, пожалуй, больше удачныхъ чертъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ очеркѣ г. Щедрина.

Поэма г. Некрасова, или траги-комедія, какъ онъ называетъ ее, озаглавленная «Герои времени» является прямымъ продолженіемъ «Современниковъ», стихотворенія, напечатаннаго въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ записокъ», за прошлый годъ, и которое было направлено противъ извѣстнаго сорта юбилеевъ и торжествъ. Тогда г. Некрасовъ скрылъ свое имя, вмѣсто котораго подъ стихотвореніемъ скромно стояли три звѣздочки. Эта первая часть, исполненная пропусковъ, была слаба; и упреки за недостатки поэмы, высказанные критикою, обрушивались на неизвѣстнаго поэта, который предполагался слѣпымъ подражателемъ г. Некрасова. Теперь мы узнаемъ, что этотъ предполагаемый подражатель былъ никто иной, какъ самъ г. Некрасовъ. Правду сказать, нынѣшняя часть «Героевъ времени», или «Современниковъ» страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и первая, но только въ ней гораздо меньше пропусковъ, она цѣльнѣе,—больше удачныхъ стиховъ, и потому она производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе. Главный ея порокъ — скудость поэзіи, недостатокъ общаго и типичнаго въ фигурахъ и фактахъ, изображаемыхъ въ поэмѣ; это — частные случаи, фотографическіе портреты, выхваченные изъ обыденной общественной хроники и почти вовсе не пересозданные въ

горнилѣ искусства. Обо всемъ этомъ, съ тѣми же обстоятельствами и подробностями, мы читали и продолжаемъ читать въ газетахъ, въ газетныхъ фельетонахъ. Г. Некрасова не разъ упрекали, что онъ руководится въ выборѣ своихъ сюжетовъ указаніями текущей журналистики, что его поэзія, составляетъ нѣчто въ родѣ стихотворной хроники текущей жизни. Этотъ упрекъ отчасти справедливъ, но главная бѣда въ томъ, что его реализмъ переходитъ въ прозаичность, а его желаніе уловить животрепещущіе мотивы дня мѣшаетъ ему обобщить явленіе и придать ему ту типичность, какая неизбѣжно требуется законами поэтическаго искусства. Впрочемъ, и въ лучшіе свои годы самъ г. Некрасовъ сознавался, что въ его стихахъ мало свободной поэзіи и творящаго искусства; тѣмъ труднѣе ожидать, чтобъ это измѣнилось къ лучшему въ настоящее время... Итакъ, безъ напрасной требовательности, будемъ довольствоваться тѣмъ, что найдется хорошаго въ его новыхъ произведеніяхъ, гдѣ по временамъ — охотно признаемъ это — проглядываетъ рука мастера.

Сюжетъ нынѣшней части поэмы, также какъ и первой — бесѣда за пиршествомъ или юбилейнымъ торжествомъ, а герои поэмы — «Герои времени» — концессіонеры, желѣзнодорожные дѣятели, финансисты. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ ресторановъ. Чествуется одинъ изъ директоровъ желѣзнодорожной компаніи, купецъ Шкуринъ, съ крупными губами, одѣтый въ синюю чуйку. Изъ-за портьеры сосѣдняго маленькаго салона, авторъ — невидимый зритель — наблюдаетъ за торжествомъ. Въ залѣ кишатъ тузы — акціонеры, франты, гусары, и генералы, и банкиры, и кулаки. Савва Антихристовъ, старецъ прошедшій сквозь огонь и мѣдныя трубы, говоритъ спичъ въ честь Шкурина. Между прочимъ, онъ восхваляетъ юбиляра за то, что тотъ умѣлъ привлечь рабочихъ на желѣзнодорожную линію, за постройку которой взялась компанія въ южныхъ краяхъ Россіи. Заработная плата была высокая, потому что населеніе находило себѣ пропитаніе въ мѣстныхъ промыслахъ, пользуясь дворянскими землями, о которыхъ позабыли дворяне. Жители ловили въ озерахъ рыбу, безпошлинно гнали смолу изъ пеньевъ, собирали морошку, солили опенки и говорили: «нейдемъ въ кабалу!»

Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.

Но Шкуринъ догадался откупить у помѣщиковъ озера, болота,

земли, графитъ, все — до послѣдняго лещика, по его энергическому выраженію. Дрогнула грубая «кустарная» сила, какъ изъ-подъ ногъ ея ушла почва... Трудъ разомъ понизился на сорокъ три съ половиною процента!... Рабочіе отыскались. Героя-тріумфатора присутствующіе сравниваютъ съ находчивымъ янки. Тріумфаторъ благодаритъ за это поклонами. Вообще, о всѣхъ герояхъ поэмы нужно разумѣть, что у нихъ «русская смѣтка, американскій пріемъ»...

Въ дальнѣйшей сценѣ авторъ впадаетъ въ сильнѣйшій шаржъ, желая рельефнѣе выставить алчность своихъ героевъ къ наживѣ. Выступаетъ новый ораторъ, который предлагаетъ ни болѣе, ни мѣнѣе, какъ учредить общество центральнаго дома терпимости. Онъ увѣренъ, что въ это общество понесутъ свои сбереженія всѣ, кутящіе нынѣ вразбродъ. По его мнѣнію, невозможно желать болѣе вѣрнаго предпріятія съ точки вещественной и, равнымъ образомъ, трудно отрицать его пользу съ точки общественной. Онъ пророчествуетъ:

Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...

Дѣловыя рѣчи кончились, гости раскутились нараспашку. Воцарился цинизмъ, часто отзывавшійся чѣмъ-то страшнымъ — страшною шутливостью и мрачнымъ остроуміемъ. Два собѣседника обмѣниваются, напримѣръ, такими шутками (нѣкоторые стихи мы выписываемъ въ видѣ прозы для сбереженія мѣста): «Съ какой иконы ты скусилъ, — тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ? — Да съ той, которой помолясь, — ты Гасферу подсыпалъ яду!»

На торжествѣ участвуетъ князь Иванъ, съ которымъ читатель могъ познакомиться изъ первой части поэмы, — пустой шутъ и балагуръ, прямой наслѣдникъ придворныхъ шутовъ былого времени... Къ удивленію, этому-то шуту авторъ влагаетъ въ уста моральносатирическія сентенціи съ насмѣшливыми характеристиками присутствующихъ на пиршествѣ гостей. Или мораль не могла найти себѣ лучшаго выразителя? Между разными толками не обходится, конечно, безъ нападокъ на адвокатовъ. Какой-то голосъ кричитъ: «адвокатамъ однимъ только рай: — за лишеніе правъ состоянія и за то теперь деньги подай». Въ обрисовкѣ одного изъ героевъ, авторъ грубо грѣшитъ

противъ вкуса, находя его лицо такимъ, что удивительно, какъ-де-ошибкою не высѣкли его по лицу... Въ этой остротѣ, кажется, мало аттической соли... На сцену выводятся и многоземельные дворяне съ ихъ толками о пьянствѣ мужиковъ, о вотчинной полиціи: «Графъ Д-довъ, князь Л-новъ — въ центрѣ этого кружка — излагаютъ пользу плановъ — не удавшихся пока». По увѣренію этихъ сословныхъ витій, вся бѣда Россіи въ недостаткѣ власти... Далѣе читаемъ, что въ каждой группѣ плутократовъ русскихъ, евреевъ или нѣмцевъ — встрѣчаются ренегаты изъ семьи профессоровъ. Родоначальникъ этой фракціи дѣльцовъ — профессоръ-москвичъ: печальникъ объ отечествѣ, онъ встарь пѣлъ иныя пѣсни, былъ другомъ Искандера, у него не было ничего, кромѣ каменной болѣзни; въ оные годы, какъ демократъ, другъ народа и свободы, онъ находился подъ опалою, а теперь — превратился въ плутократа. При содѣйствіи науки, этотъ старый патріотъ ловко выдвигаетъ спекуляторскія затѣи. Слѣдуетъ характеристика еще одного профессора изъ дѣльцовъ, также изобилующая намеками. Здѣсь кстати замѣтить, что поэма г. Некрасова, какъ фотографическое отраженіе текущей жизни, вполнѣ понятна только для тѣхъ, которые близко слѣдили за всѣми лицами и событіями, занимавшими разные кружки общества въ послѣдніе годы, — для тѣхъ, кто отчасти знакомъ и съ закулисною стороною дѣлового міра, иначе намеки и уколы поэмы доставятъ читателю мало удовольствія за отсутствіемъ ключа къ ихъ разгадкѣ. Поэма требовала бы многочисленныхъ комментаріевъ, какъ требуютъ ихъ древніе авторы. По крайней мѣрѣ, въ этомъ нуждалась бы масса публики. Это уже достаточно показываетъ, до какой степени поэма построена на частныхъ явленіяхъ, не достигшихъ, въ изображеніи автора, интересной для всѣхъ типичности.

Но возвратимся къ анализу. Упомянутые выше профессора умѣютъ отлично обставить всякое спекулятивное предпріятіе. Они пріищутъ аргументъ экономическій, аргументъ патріотическій, и, наконецъ, важнѣйшій аргументъ, съ точки зрѣнія стратегической, которымъ все увѣнчается. Общій смыслъ изложенной части разсказа прекрасно резюмируется слѣдующею сатирическою строфою:

Да, постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ,
Тайна жизни — гарантія,
А субсидія — вѣнецъ!

Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! изваяй
«Гарантію» и «Субсидію»,
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идутъ на поклоненье
И ученый, и герой;
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И россійскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы...

Отдѣльныя мѣста въ этомъ родѣ (въ нашемъ изложеніи мы стараемся цитировать всѣ, наиболѣе выразительные, по нашему мнѣнію, стихи поэмы) выкупаютъ, отчасти, прозаичность цѣлаго и свидѣтельствуютъ, что въ авторѣ не угасло еще сатирическое одушевленіе...

Въ эпилогѣ поэмы разсказывается, какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ банкета, желѣзнодорожный тузъ, престарѣлый Зацѣпинъ, или, попросту, Зацѣпа, вдругъ пришелъ въ сокрушеніе и началъ предаваться публичному покаянію.

Кромѣ вина, которымъ онъ нагрузился, на него особенно повліяло полученное, утромъ, роковое извѣстіе о смерти единственнаго его сына, честнаго юноши, убитаго на дуэли, причиною которой было то, что при немъ отца его обозвали воромъ. Потрясенный горемъ, Зацѣпа внезапно провозгласилъ на банкетѣ:

«Я — воръ, Я — рыцарь шайки той
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что изповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!...
Къ религіи наклонность я питалъ,
Мечталъ носить желѣзныя вериги,
А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
Завѣдомо подчищенныя книги.

Онъ разражается рыданьями. Князь Иванъ успокоиваетъ его, замѣчая, что онъ, должно быть, начитался Шиллера или не въ мѣру хлебнулъ венгерскаго, но Зацѣпа не унимается и опять кричитъ:

Горе! Горе! Хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!

Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?
Охъ! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкаго алтына,
У дворянскаго рубля
Плутократъ, какъ караульный,
Станетъ на часахъ,
И пойдетъ грабежъ огульный
И — случится крррахъ!

И въ заключеніе гремитъ: «Прочь! Гнушаюсь вашихъ узъ!... Проклинаю процвѣтающій — всеберущій, всехватающій, всеворующій союзъ!...»

Одинъ изъ гостей, для смягченія скандала, поясняетъ, что строго говоря, это явленіе, т.-е. порывы покаянія, не ново въ русскихъ великихъ умахъ. Съ грознаго царя Ивана до переписки съ друзьями Гоголя, самобичующій протестъ всегда былъ достояніемъ россійскихъ гражданъ. Какъ ржавчина ѣстъ желѣзо, такъ Зацѣпу разъѣдаетъ сознаніе душевной немощи... «Забыта, однако, — прибавляетъ ораторъ, — истина, что рыцарская честь невозможна въ Россіи... Мы безбожно искалѣчены, и развѣ на насъ падаетъ въ этомъ вина?»

Таковъ новый плодъ сатирической музы г. Некрасова... Читатель видитъ, что идея поэмы интересна и, конечно, вполнѣ современна, сообразно ея заглавію; но мы думаемъ, что манера автора трактовать свой сюжетъ рѣзко противорѣчитъ требованіямъ поэтической сатиры, и что только отдѣльныя счастливыя мѣста, на которыя большею частью нами указано, могутъ нѣсколько примирить цѣнителя съ фальшивымъ пріемомъ исполненія...

В. М.

* * *

*) У всѣхъ современныхъ писателей теперь одна тема и другой быть не можетъ: всѣмъ тяжело и душно въ общественной атмосферѣ, всѣ видятъ одни и тѣ же признаки общественной болѣзни. Безконечная тоска и скука жизни, паденіе всякихъ нравственныхъ идеаловъ, купля и продажа всего на свѣтѣ, циничная вакханалія

*) «Русскій Міръ» 1876 г., № 81 («Современная литература». Вс. С—въ).

торжествующаго золота, — вотъ картины, рисуемыя теперь большими и малыми нашими художниками. И тутъ многимъ придется ужасаться иныхъ явленій, которыя въ значительной степени ими же самими вызваны. Возьмемъ и посмотримъ новыя книги журналовъ. Первый № «Отечественныхъ Записокъ» открывается траги-комедіей Н. А. Некрасова: «Герои времени».

Траги-комедія написана стихами, хотя въ ней очень мало поэтическаго; но дѣло тутъ не въ достоинствѣ стиховъ, а въ самомъ содержаніи. Дѣйствіе происходитъ въ извѣстномъ ресторанѣ. Авторъ въ другую комнату «заглянулъ изъ-за портьеры»:

Зала публикой кипитъ —
Все тузы-акціонеры!
На ловца и звѣрь бѣжитъ...

Тутъ собрались всѣ члены акціонерной компаніи: франты, генералы, банкиры, кулаки, жиды, — самыхъ разнородныхъ людей соединило одно общее вожделѣніе: нажива.

Теперь цинизмъ у нихъ царемъ,
И разговоръ былъ часто страшенъ:
— Съ какой иконы ты скусилъ
Тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ?
«Да съ той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпалъ яду...»
Такъ, остроумно веселясь,
Одни смѣялись до упаду,
Другіе хмурились...

Авторъ выводитъ такихъ людей, заставляетъ ихъ говорить такія рѣчи, что читателю становится гадко; напрасно ищетъ онъ хоть въ комъ-нибудь изъ нихъ признака человѣческаго чувства, — здѣсь все не люди, а хищные звѣри. Но вотъ и человѣческое чувство; въ какомъ видѣ оно выражается! Одинъ изъ главныхъ тузовъ, Зацѣпа, сильно пьетъ, и вотъ вдругъ раздается его голосъ: «я воръ!» Онъ блѣденъ, въ глазахъ его страданіе, онъ рыдаетъ... Его окружаютъ, начинаютъ уговаривать; но все тщетно — онъ рыдаетъ и отрывисто произноситъ ужасныя признанія. Что же съ нимъ такое? По какому случаю, хотя бы и въ нетрезвомъ видѣ, могъ почувствовать угрызеніе совѣсти этотъ каменный человѣкъ, для котораго погубить, обмануть ближняго и высосать изъ него всю кровь, всегда было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ? Разгадка въ томъ, что

онъ только-что получилъ телеграмму о смерти своего единственнаго сына. Онъ какъ-то совершилъ ужь черезчуръ смѣлое дѣло. Сынъ пришелъ къ нему съ вопросомъ, справедливы ли ходящіе слухи? Зацѣпа взбѣсился, а сынъ уѣхалъ въ Москву, тамъ оканчивалъ курсѣ, голодалъ, возвращая отцу письма и деньги, и, наконецъ, раненъ на дуэли.

Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«*Воромъ отца обозвали при немъ...*»
Черныя мысли отцомъ овладѣли;
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ — не стерпѣлъ
И разыгралась воочію драма...

Положимъ, вся эта «траги-комедія» только фантазія современной вальпургіевой ночи; но при внимательномъ взглядѣ вокругъ все это начинаетъ походить на дѣйствительность.

Вс. С—въ.

* * *

*) Старый обычай нашего журнальнаго міра, давать въ январскихъ книжкахъ журналовъ произведенія и статьи наиболѣе извѣстныхъ авторовъ, сохраняется и доселѣ: въ январѣ каждый журналъ старается и поисправнѣе выйти и щегольнуть чѣмъ-нибудь, пуская въ ходъ всѣ свои главныя и лучшія силы. Такъ въ январской книжкѣ «Отеч. Запис.» мы разомъ встрѣчаемся и съ г. Некрасовымъ, и съ г. Крестовскимъ (псевдонимомъ), и съ г. Щедринымъ. Всѣ они сочли за нужное купно начать годъ.

Большое стихотвореніе г. Некрасова носитъ названіе траги-комедіи и заглавляется: «Герои дня». Почему авторъ назвалъ его траги-комедіей — это трудно понять; самое вѣрное его названіе, по нашему мнѣнію, названіе сатиры. Да, это — одна изъ ѣдкихъ и мстительныхъ сатиръ на такихъ героевъ нашего времени, каковы концессіонеры, желѣзнодорожные строители, финансисты и т. п., и притомъ сатира, видимо, направленная противъ живыхъ лицъ, т.-е. противъ такихъ, какихъ сатирику-поэту дѣйствительно приходилось

---

*) «Сынъ Отечества» 1876 г., № 32 («Русская Литература»).

встрѣчать въ обществѣ. И поэтъ выбралъ для сатиры наиболѣе выдающіяся личности и воздаетъ имъ должное, выводя наружу ихъ тайны. Какъ его сатира умѣетъ хватить за живое, лучше всего могутъ показать нѣкоторые примѣры, какіе мы хотимъ взять. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ чертахъ поэтъ рисуетъ передъ нами Шкурина — производителя работъ акціонерной компаніи, который слыветъ за самородка русака... (Приводится отрывокъ изъ стихотворенія, начинающійся стихомъ: «Прибылъ подрядчикъ на мѣсто работъ...» и кончающійся стихомъ: «Краснорѣчивѣй словъ говоритъ»).

И такой спичъ, въ такихъ чертахъ обрисовывающій дѣятельность Шкурина, никого, видите ли, не удивляетъ, напротивъ

«Ура» прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ «янки».

Но не однихъ Шкуриныхъ рисуетъ и бичуетъ поэтъ, достается и разнымъ другимъ дѣльцамъ и героямъ дня:

Въ каждой группѣ плутократовъ,
Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ,
Замѣчаю ренегатовъ
Изъ семьи профессоровъ.
Ихъ исторія извѣстна:
Скромнымъ труженикомъ жилъ,
И служа наукѣ честно,
Плутократію громилъ.
Былъ профессоромъ ученымъ
Лѣтъ до тридцати,
И казалось, милліономъ
Не собьешь его съ пути...
Вдругъ конецъ исторіи —
Въ тридцать лѣтъ герой
Прыгъ съ обсерваторіи
Въ омутъ биржевой!

И указывая примѣръ подобнаго рода, поэтъ говоритъ:

Вотъ другой слыветъ за чудо:
Говорунъ и острословъ
(«Леонидъ» — ему покуда
Кличка у шутовъ).
Онъ *машиннымъ краснорѣчьемъ*
Плутократію дивитъ,
Никакимъ противорѣчьемъ

Не смущаясь, говоритъ
Въ интересахъ господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Зачудитъ: подниметъ лай,
Будетъ плакать и смѣяться,
Цыфры, факты извращать,
На Бутовскаго ссылаться,
Марксомъ тону задавать.
Предпочтя ученой славѣ
Соблазнительный металлъ,
Леонидъ сперва при Саввѣ
На посылкахъ состоялъ,
Подавалъ ему «идейки»
(И сигары иногда),
Зналъ къ редактору лазейки,
Къ представителямъ суда
Составлялъ «записки», «мнѣнья»,
Сплетни прессы отражалъ
И въ директоры правленья
Наконецъ попалъ!
Тутъ ужъ торная дорога:
Нахваталъ десятокъ мѣстъ,
Какъ за пазухой у Бога,
Онъ живетъ, по-барски ѣстъ,
На балы къ концессіонерамъ
Возитъ куколку-жену
И поетъ акціонерамъ
Вѣчно пѣсенку одну!
Смыслъ извѣстный: дивидендовъ
Нѣтъ покамѣстъ — ожидай!
И не медля шесть процентовъ
Намъ въ награду отчисляй!»
Кризисъ: дѣло не спорится, —
Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
Въ дверь правленія стучится
Съ исполнительнымъ листомъ
Приставъ: кассу запираетъ,
Мебель штемпелемъ клеймитъ.
Леонидъ не унываетъ
И цинически остритъ:
«Матъ, конечно, предпріятью,
А правленью — не бѣда!
Стулъ съ казенною печатью
Такъ же мягокъ, господа».

Въ такомъ язвительномъ родѣ поэтъ бичуетъ многихъ и многихъ, близко подходя къ дѣйствительности и указывая слабыя стороны современной жизни нашего общества. И видно, что душу поэта волнуютъ эти слабыя стороны, это ложное направленіе, давшее такой ходъ плутократіи, до самой глубины, вызывая по временамъ болѣзненные стоны:

Горе, Горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ-же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?
Охъ, горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкаго алтына,
У дворянскаго рубля
Плутократъ какъ караульный
Станетъ на часахъ,
И пойдетъ грабежъ огульный
И — случится крррахъ!

* * *

*) На берегу Волги, близъ Костромы, жилъ-былъ пятидесятилѣтній русскій мужикъ. Онъ имѣлъ паточный заводъ и постоялый дворъ, куда охотно заходилъ народъ. Своей оборотливостью и привѣтливостью хозяинъ съумѣлъ себя такъ поставить, что мужички ему ни въ чемъ не отказывали: сядетъ ли барка на мель, другая ли бѣда приключится, — стóитъ Науму моргнуть — мигомъ помогутъ. Мало-по-малу, Наумъ нажился и во все время своей полувѣковой жизни ни разу не подумалъ о женщинѣ. Вдругъ разъ къ нему пріѣзжаютъ на ночлегъ молодой парень и молодая дѣвушка. Выдаютъ себя за брата и сестру, идущихъ на богомолье. Ночуютъ. Глубокой ночью захотѣлось Науму квасу, который остался въ той же комнатѣ, гдѣ заночевали молодые постояльцы. Онъ пошелъ на цыпочкахъ, засвѣтилъ на мгновенье спичку и сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ слѣдующей сценки: «Покуримъ, Ваня, — говоритъ молодчику дѣвица. И спичка чиркнула, — горитъ... Увидѣлъ онъ ихъ лица: Красиво Ванино лицо, красивѣе у Тани! Рука, согнутая въ кольцо, лежитъ на шеѣ Вани. Нагая полная рука! У Тани

*) «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 81. («Журнальные очерки» С. С.).

грудь открыта, какъ жаръ горитъ одна щека, косой другая скрыта. Еще онъ видѣлъ на лету, какъ встрѣтились ихъ очи. И вновь на юную чету спустился пологъ ночи». Эта картина подѣйствовала на Наума какъ-то особенно. Она перевернула всѣ его общественныя и житейскія убѣжденія и правила. Онъ сдѣлался золъ, сидѣлъ одинъ угрюмо, бродилъ одиноко по цѣлымъ днямъ въ окрестностяхъ, не ѣлъ соленыхъ рыжиковъ и не пилъ чаю, забылъ настоять наливки и даже путался на счетахъ. Отчего же это: Видите ли,— передъ нимъ безсмѣнно горѣли двѣ пары «блаженныхъ глазъ...» «Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ, — онъ думаетъ уныло, — а кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?... И жизнь ему постыла».

Въ этомъ заключается «горе стараго Наума» и содержаніе новой поэмки Некрасова, занимающей десять страницъ въ мартовской книжкѣ «Отеч. Зап.» Поэмка эта лиро-эпическая. Въ ней авторъ выступаетъ, такъ же какъ и Байронъ, самолично, со своими мыслями и чувствами. У него есть и общія, — соціальныя, такъ сказать, соображенія и картины и чисто личные куплеты, относящіеся къ его собственной особѣ. Вотъ, напримѣръ, картинка Волги около Костромы, во время мелководья: «Люблю я краткой той поры случайныя тревоги, и трудъ, и пѣсни и костры. Съ береговой дороги я вижу сотни рукъ и лицъ, мелькающихъ красиво; а паруса — что крылья птицъ — колеблятся лѣниво; а мѣсяцъ медленно плыветъ, а Волга чуть лепечетъ. Чу! Свистнулъ рѣзко пароходъ! Бѣжитъ и искры мечетъ. Ущелья темныхъ береговъ согласнымъ эхомъ полны... Не все же пѣснямъ бурлаковъ внимаютъ эти волны. Я слушалъ жадно иногда и тотъ напѣвъ унылый; но гулъ довольнаго труда мнѣ слаще слышать было. Увы! Я дожилъ до сѣдинъ, но измѣнился мало. Иныхъ временъ, иныхъ картинъ провижу я начало въ случайной жизни береговъ моей рѣки любимой: освобожденный отъ оковъ, народъ неутомимый созрѣетъ, густо заселитъ прибрежныя пустыни; наука воды углубитъ; по гладкой ихъ равнинѣ суда-гиганты побѣгутъ несчетною толпою... И будетъ вѣченъ добрый трудъ надъ вѣчною рѣкою!» Про себя же авторъ говоритъ: «Былъ краткій мигъ: заря зажгла роскошно край лазури, — и буря новая пришла на смѣну старой бури. И новымъ силамъ новый бой готовился. Усталый, поникъ я буйной головой, померкли идеалы, ушло и время... Мѣста нѣтъ желанному союзу. Умру — и мой исчезнетъ слѣдъ! Надежда вся на музу...»

Вотъ и все новое произведеніе музы Некрасова. Я не стану разбирать его строго, но нельзя не сказать, что оно мелко, что въ немъ мало чувства, мало мысли, мало поэзіи... Что самое «горе» — которое онъ воспѣваетъ, является какъ-то непонятнымъ. Что это такое: раздраженная ли чувственность, надорванная ли струна идеализма, звучащая въ сердцѣ каждаго человѣка, — или еще что нибудь. Во всякомъ случаѣ, — общечеловѣческаго тутъ ничего нѣтъ... Некрасовъ «народный» поэтъ. У него русскіе сюжеты, русская природа, русскія воззрѣнія... Отчего же онъ мелокъ? Мы видѣли, что его талантъ способенъ производить грандіозныя произведенія, въ родѣ «Русскихъ женщинъ», «Медвѣжьей охоты», «Сна на Волгѣ»... Въ его нѣкоторыхъ лирическихъ произведеніяхъ бьетъ ключомъ поэзія, не смотря на ихъ краткость... Припомните, например, это восьмистишіе, вылившееся прямо изъ души:

Душно!... Безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна!...
Буря бы грянула, что ли!...
Чаша съ краями полна!...
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи!...
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!...

Или эту очаровательную «Пѣсню Любы»: «Отпусти меня, родная! Отпусти не споря! Я не травка полевая. Я выросла у моря. Не рыбачій парусъ малый, — корабли мнѣ снятся... Скучно!... Въ этой жизни вялой дни такъ долго длятся!...» и далѣе... «Если выростетъ у моря, — не спастись цвѣточку: день настанетъ, буря грянетъ, валъ сердитый встанетъ, — въ день одинъ песку нагонитъ на прибрежный цвѣтикъ и навѣки похоронитъ... Отпусти мой свѣтикъ!...» Въ обоихъ этихъ стихотвореніяхъ, отнюдь не въ ущербъ «народности» поэта, выражается общечеловѣческое чувство: порывъ широкой свободной натуры къ счастью, къ волѣ, къ простору... Чувство это вполнѣ доступно и понятно каждому и стóитъ поэтическаго образа... Національность же тутъ является оттѣнкомъ. Такъ бываетъ у всѣхъ крупныхъ поэтовъ. Вездѣ — поэзія космополитична. Но какъ скоро г. Некрасовъ, оставляя поэтическую сферу общечеловѣческихъ страстей и идей, играетъ только на стрункѣ «народности» или лучше «простонародности» — онъ дѣлается миніатю-

ренъ до смѣшного. «Вѣстн. Европы», помѣстившій поэму Байрона, и «Отеч. Записки», помѣстившія поэму Некрасова, невольно доказали это на рѣзкомъ примѣрѣ. Я лично, читая «Лару» и «Горе стараго Наума», еще разъ вспомнилъ давно уже мною сознанную и не разъ высказанную мысль, что для поднятія уровня мысли и чувства въ нашей литературѣ намъ необходимо переводить, переводить и переводить крупнѣйшихъ представителей западнаго ума и таланта... На одной «народности» далеко не уйдешь...

Изъ этого однако же отнюдь не слѣдуетъ, чтобы наша народная исторія или наши народные типы не представляли матеріала, годнаго для поэтической обработки. Все дѣло въ умѣньи выбрать и освѣтить. Все дѣло въ талантѣ поэта [1]).

С. С.

* * *

*) Въ послѣдней, только что вышедшей, мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы успѣли прочесть, привлеченные именемъ автора, стихотвореніе г. Некрасова «Горе стараго Наума», почему-то названное волжскою былью. Пьеса, помѣченная еще 1874 годомъ, какъ годомъ ея написанія, совершенно окончена, продолженія ея не обѣщано, а между тѣмъ, она представляется какимъ-то отрывкомъ, несмотря на то, что занимаетъ около 10 страницъ. Никакой въ ней *были* нѣтъ, никакой фактической фабулы, да и горе стараго Наума, очень сантиментальное горе, очерчивается очень бѣгло — только въ послѣднихъ четырехъ строфахъ. — Вотъ содержаніе этой мнимой были, разсказанной г. Некрасовымъ. Жилъ-былъ на Волгѣ мужикъ Наумъ, владѣлецъ паточнаго завода и хозяинъ постоялаго двора, торговалъ и хозяйничалъ удачно, и разбогатѣлъ. Авторъ велъ съ нимъ знакомство, пивалъ у него чай, водку и ѣдалъ янтарную стерлядку, «драгоцѣнный даръ Волги». На этихъ закускахъ, на которыхъ Наумъ, расходившись, отбивалъ иногда «смоленую головку», послѣ рябиновки и вишневки, велись заду-

---

[1]) Воззрѣнія г. С. С., выраженныя въ предыдущихъ строкахъ относительно космополитизма въ поэзіи и литературѣ, равно какъ и относящіяся къ этому предмету строки въ другихъ частяхъ фельетона, не вполнѣ совпадаютъ съ воззрѣніями редакціи «Од. В.,» почему она и оставляетъ эти взгляды на отвѣтственности автора.

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1876 г., № 86 (Литературная лѣтопись, В. М.).

шевныя бесѣды, и Наумъ любилъ хвастаться своими житейскими успѣхами. Науму было слишкомъ пятьдесятъ, а не было у него ни дѣтей, ни женки...

Наумъ былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ одни деньжонки,
Онъ говорилъ: «жениться—взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошнѣй: и время трать
И деньги на подарки».

Здѣсь авторъ вдается въ отступленіе, касающееся его личности. Мы читаемъ, что онъ не опровергалъ мнѣній Наума о женитьбѣ, но самъ думалъ объ этомъ иначе. Онъ, авторъ, тоже не хотѣлъ жениться, да по инымъ причинамъ. Эти причины онъ передаетъ въ слѣдующихъ, едва-ли не лучшихъ во всей пьесѣ, стихахъ:

«Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны;
Пускай лѣнтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,
Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ!»

Таковы были гордыя думы автора. Онъ былъ бы радъ оставить міру «племя», но жить ему пришлось въ тяжелыя времена—было не до того. Не надолго лазурь было прояснѣла, но вскорѣ опять пришлось готовиться къ бою. Усталый, онъ поникъ буйною головою, погибли идеалы, ушло и время. Погибли идеалы, но, спрашивается: какіе? Если гражданскіе, то женитьба могла состояться, и даже тѣмъ паче, если идеалы сердечные, рисующіе намъ мечтающій образъ «лучшей» женщины, съ которою мы желали бы сочетать свою участь, то... такъ бы и надо было сказать, хотя и этимъ было бы сказано нѣчто, требующее дальнѣйшаго объясненія...

Наумъ не зналъ ни гражданскихъ, ни другихъ идеаловъ, и просто не женился по «сухости сердца», увлекаясь барышами; но разъ къ нему на постоялый дворъ зашли ночевать парень и молодая красивая дѣвка, любовница парня. Наумъ случайно подсмотрѣлъ ночью, при свѣтѣ чиркнувшей спички (дѣвица вздумала покурить), какъ красавица съ открытою грудью и распущенною косою, смотрѣла въ очи своему возлюбленному, и съ тѣхъ поръ Наумъ совсѣмъ измѣнился: забылъ ѣсть соленые рыжики, пить чай,

настаивать наливки. Ему все опостылѣло, хозяйство пошло вверхъ дномъ, и онъ все думалъ уныло, что ему никто не смотрѣлъ въ очи такъ, какъ смотрѣла дѣвица въ очи своему другу... Что же дальше? Бросился ли онъ разыскивать эту дѣвицу, истомился ли онъ своими новыми чувствами, или что? Неизвѣстно, потому что ничего нѣтъ дальше. Мнимая быль закончена. «Въ чемъ же ея мораль?—не знаемъ и этого, и предоставляемъ разгадывать самому читателю. Но, можетъ быть, въ пьесѣ есть замѣчательныя поэтическія черты? можетъ быть, разсказъ отличается особенною прелестью, особеннымъ искусствомъ? Увы, мы не нашли ни этихъ подробностей, ни этой прелести, и пьеса кажется намъ не болѣе, какъ посредственною.

В. М.

* * *

*) ...Живо и мастерски обрисовываетъ Некрасовъ въ лицѣ Наума того русскаго человѣка, въ которомъ работаетъ житейскій умъ, весь направленный къ тому, чтобы сколотить копейку,—тотъ, прибавимъ, житейскій умъ, съ которымъ можно встрѣтиться, однако на Руси не рѣдко:

Науму паточный заводъ
И дворикъ постоялый
Даютъ порядочный доходъ.
Наумъ—не глупый малый.
Задаромъ снявъ клочекъ земли,
Крестьянину съ охотой
Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
А тотъ плати работой.
Такъ обращенъ нагой пустырь
Въ картофельное поле.
Вблизи — «Бабайскій» монастырь,
Село «Большія Соли».
Недалеко и Кострома.
Наумъ живетъ не тужитъ,
И Волга-матушка сама
Его карману служитъ.
Питейный домъ его стоитъ
На самомъ «перекатѣ»;
Какъ лѣто Волгу обмелитъ,

*) «Сынъ Отечества» 1876 г., № 86 («Русская Литература»).

Къ пустынной этой хатѣ
Тропа знакома бурлакамъ:
Выходитъ много «чарки» и пр.

И работая своимъ житейскимъ умомъ, Наумъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ, радуясь, какъ говорится, и веселясь:

— Ну, какъ дѣлишки? «Въ барышѣ»,
Съ улыбкой отвѣчаетъ,
Разговорившись по душѣ,
Подробно исчисляетъ,
Что дало въ годъ ему вино
И сколько отъ завода
«Накопчено, насолено,
Чай хватитъ на три года!
Все лѣто занято трудомъ,
Хлопотъ по самый воротъ.
Придетъ зима — лежу суркомъ,
Не то поѣду въ городъ:
Начальство — други — кумовья,
Стрясись бѣда — поправятъ,
Работы много — свистну я:
Сосѣди не оставятъ;
Округа вся въ горсти моей,
Казна надежнѣй цѣпи:
Ужъ нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей,
Мои остались крѣпи.»

И погруженный въ эту наживу, Наумъ оставался сухъ сердцемъ:

Онъ говорилъ: «жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошнѣй и время трать
И деньги на подарки.

Но-тутъ то поэтъ и рѣшается заглянуть въ глубину души человѣка, чтобы показать, какъ для человѣка неестественна жизнь безъ сердца. Разъ къ Науму пришли ночевать молодчикъ и дѣвица. Наумъ принялъ ихъ и уложилъ спать, на диванѣ. И самъ легъ въ своей каморкѣ спать, но вотъ проснулся ночью и захотѣлось ему кваску напиться, а

Квасокъ-то въ горницѣ стоитъ,
Гдѣ парочка осталась.

Наумъ порѣшилъ пробраться за кваскомъ тихонько:

Но только дверь пріотворилъ,
Услышалъ тихій шопотъ... (и т. д.

кончая стихомъ):

«А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?...»
И все ему постыло...

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что въ стихотвореніи г. Некрасова читаемъ цѣлую повѣсть, полную психологическаго знализа и значенія. Въ этомъ небольшомъ разсказѣ о Наумѣ, поэтъ успѣваетъ затронуть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми болѣетъ наше время: онъ хочетъ сказать, что какъ бы ни была сильна страсть къ матеріальнымъ интересамъ, человѣку не сродно жить только ими одними и при первомъ случаѣ потребность сердца даетъ знать о себѣ и жестоко отомститъ тому, кто пренебрегалъ и пренебрегаетъ ею. Таковъ смыслъ «Горя Наума», выраженный, по нашему мнѣнію, поэтомъ очень удачно и живо.

* * *

*) Хорошее стихотвореніе — очень большая рѣдкость въ нашихъ журналахъ за послѣдніе годы, а потому намъ почти и не приходится указывать читателямъ на современныхъ русскихъ поэтовъ. Стиховъ пишется и печатается много, но въ стихахъ этихъ можно найти все, что угодно, кромѣ поэзіи. Цѣлое десятилѣтіе не могло создать и выдвинуть ни одного талантливаго поэта. Умеръ Тютчевъ, умеръ гр. Алексѣй Толстой, и наличныя силы нашей поэзіи теперь находятся въ рукахъ только троихъ ея представителей — Майкова, Полонскаго и Некрасова. Самымъ плодовитымъ изъ нихъ является Некрасовъ: въ «Отечественныхъ Запискахъ» постоянно встрѣчаются болѣе или менѣе пространныя его произведенія.

Но каковы эти произведенія, достойны ли они его репутаціи, сказывается ли въ нихъ присутствіе того таланта, который далъ поэту почтенное мѣсто въ нашей литературѣ? На эти вопросы самый снисходительный критикъ долженъ отвѣтить отрицательно. Если писатель — прозаикъ, перейдя за извѣстную черту жизни, весьма часто теряетъ силу и свѣжесть своего дара, начинаетъ блѣднѣть и повторяться, то съ поэтомъ это случается еще чаще, хотя и встрѣчаются, разумѣется, блестящія исключенія. Но Н. А. Не-

*) «Русскій міръ» 1876 г., № 95. («Современная Литература. Новое стихотвореніе Н. А. Некрасова». Вс. Статья С—ва).

красовъ не принадлежитъ, къ несчастью, къ такимъ исключеніямъ. Уже не первый годъ, какъ его окончательно начинаетъ покидать вдохновеніе. Но онъ не хочетъ примириться съ этимъ обстоятельствомъ — онъ продолжаетъ писать въ стихотворной формѣ, не сознавая, что каждое его новое стихотвореніе можетъ возбудить только печаль объ выдохшемся талантѣ.

Въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена его волжская быль: «Горе стараго Наума».

Эта быль — растянутый, не особенно интересный разсказъ, мораль котораго заключается въ томъ, что человѣку слѣдуетъ непремѣнно жениться. Напиши такое стихотвореніе человѣкъ мало извѣстный — и мы видѣли бы полное основаніе пройти его молчаніемъ; но вѣдь здѣсь подписано имя Некрасова, стихи прочтутся весьма многими, они и напечатаны для того, чтобы быть всѣми прочтенными и произвести впечатлѣніе. Поэтому мы и должны на нихъ остановиться.

Науму паточный заводъ
И домикъ постоялый
Даютъ порядочный доходъ.
Наумъ не глупый малый:
  Задаромъ снявъ клочекъ земли,
  Крестьянину съ охотой
  Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
  А тотъ плати работой —
Такъ обращенъ нагой пустырь
Въ картофельное поле...
Вблизи — «Бабайскій» монастырь,
Село «Большія Соли»,
  Недалеко и Кострома.
  Наумъ живетъ — не тужитъ,
  И Волга-матушка сама
  Его карману служитъ...

Вотъ начало «были», дающее понятіе о теперешнемъ стихѣ г. Некрасова. Сразу является вопросъ: зачѣмъ все это написано *стихами,* и неужели поэту не извѣстно, что для того, чтобы стихотвореніе было поэтично, совершенно недостаточно гладкихъ строкъ и риѳмъ: *постоялый, малый, поле, Большія соли.* А что же, кромѣ этихъ риѳмъ, можно найти въ приведенныхъ куплетахъ?

Далѣе авторъ переходитъ къ картинѣ Волги, которую описываетъ такимъ образомъ:

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красиво,
А паруса, что крылья птицъ,
Колеблются лѣниво...

Но эта картина заслоняется представленіями будущаго времени, когда «*наука* воды углубитъ», а затѣмъ является воспоминаніе о годахъ, когда

Громъ непрестанно грохоталъ
И вихорь былъ ужасенъ,
И человѣкъ подъ нимъ стоялъ
Испуганъ и безгласенъ.
Былъ краткій мигъ: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смѣну старой бури.
И новымъ силамъ новый бой
Готовился... Усталый,
Поникъ я буйной головой,
Погибли идеалы...

Г. Некрасовъ давно уже злоупотребляетъ этими пустынными воспоминаніями и намеками, и до сихъ поръ не видитъ, что то время, когда были въ модѣ подобныя *туманости,* произносимыя горькимъ тономъ съ упоминаніемъ о своей особѣ и «буйной головѣ», прошло безвозвратно. Теперь все это производитъ впечатлѣніе надоѣвшаго и безпричиннаго нытья по поводу старыхъ бѣдствій, разсматриваемыхъ въ сильно увеличивающее стекло. Но можно было бы помириться даже и съ туманностью, если бы она была облечена въ дѣйствительно поэтическую форму — новѣйшіе же стихи г. Некрасова, какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ совершенно лишены всякой поэтичности. Мы тщетно ищемъ хотя сколько нибудь удачныхъ строкъ и постоянно встрѣчаемъ:

Закуску, водку, самоваръ
Вносили по порядку,
И Волги драгоцѣнный даръ
Янтарную стерлядку.
Наумъ усердно предлагалъ
Рябиновку, вишневку,
А, расходившись, обивалъ
«Смоленую головку»...

Врядъ ли кто-либо не согласится съ нами, что эти куплеты производятъ впечатлѣніе стиховъ, въ шутку написанныхъ на заданныя риѳмы. Но, быть можетъ, всѣ эти печальныя погрѣшности искупаются значеніемъ стихотворенія, мыслію, въ него вложенной?... Мы читаемъ дальше и нападаемъ на очень длинное сравненіе Наума съ паукомъ.

Его сосѣдъ, другой паукъ
Качался такъ замученъ,
А мой — отъѣлся вонъ изъ рукъ!
Доволенъ, гладокъ, тученъ.
  То мирно дремлетъ въ уголку,
  То мухою закуситъ...
  Живется словно пауку;
  Не тужитъ и не труситъ!...

Дальше... Къ Науму на постоялый дворъ пріѣзжаютъ переночевать молодчикъ и дѣвица. Они называютъ себя братомъ съ сестрой; но тѣмъ не менѣе постоянно норовятъ задѣть другъ дружку плечами, ногой, рукой, а только стоитъ отвернуться, такъ сейчасъ же начинаютъ *шалить губами*. Ночью Науму не спится и хочется ему напиться кваску, а квасокъ остался въ комнатѣ, занятой *парочкой*. Наумъ идетъ туда, думая, что *парочка* крѣпко спитъ; но только что онъ пріотворилъ дверь, какъ слышитъ шопотъ:

«Покуримъ, Ваня!» говоритъ
Молодчику дѣвица.
И спичка чиркнула — горитъ...
Увидѣлъ онъ ихъ лица:
  Красиво Ванино лицо,
  Красивѣе у Тани!
  Рука, согнутая въ кольцо,
  Лежитъ на шеѣ Вани,
Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Какъ жаръ горитъ одна щека,
Косой другая скрыта.

Увидѣвъ эту соблазнительную картину, Наумъ тихонько вышелъ; но съ той поры онъ совсѣмъ измѣнился: вѣчно золъ, сидитъ угрюмо или бродитъ весь день одинъ, не ѣстъ *соленыхъ рыжиковъ* и не пьетъ чаю. Кромѣ того, онъ сталъ дѣлать упущенія въ хозяйствѣ... Передъ нимъ постоянно горятъ двѣ пары блаженныхъ глазъ, подсмотрѣнныхъ имъ ночью.

«Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ»,
Онъ думаетъ уныло:
«А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?»...
И все ему постыло...

Этимъ заканчивается «волжская быль». Мы остановились на ней и рѣшились сдѣлать эти печальныя выписки для того, чтобы впредь уже не касаться ничего выходящаго изъ-подъ пера г. Некрасова и имѣть на это полное право. Съ мыслью, что талантливый поэтъ потерялъ даръ вдохновенія и уже не можетъ писать больше, еще можно помириться: онъ сдѣлалъ свое дѣло, сказалъ свое слово... Но если поэтъ этотъ заставляетъ насъ слушать диссонансы, извлекаемые имъ изъ совершенно разорванныхъ струнъ — это явленіе весьма печальное.

Вс. С—въ.

* * *

*) Едва ли кто-нибудь изъ русскихъ поэтовъ, за исключеніемъ Пушкина и Лермонтова, пользуется такою громадной популярностью, какъ Некрасовъ. Его произведенія извѣстны всей читающей Россіи, они у всѣхъ въ рукахъ, ихъ заучиваетъ наизусть каждый образованный человѣкъ, каждый школьникъ... Некрасовъ давно пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную симпатію русской публики и сочиненія его, ежегодно расходящіяся въ самомъ значительномъ количествѣ экземпляровъ, выдержали, въ небольшой промежутокъ времени, до семи изданій. Чѣмъ же объясняется тотъ рѣдкій, удивительный успѣхъ, который выпалъ на долю нашего даровитаго поэта? Некрасовъ первый открылъ новую, свѣжую струю въ нашей поэзіи; — въ то время когда большинство русскихъ поэтовъ, на всевозможные лады, воспѣвало «ласки милой», «шопотъ, робкое дыханье, трели соловья» и тому подобные, невинные предметы, и черпало свое вдохновеніе изъ области фантазіи, «изъ міра дѣвъ и розъ», настраивая лиру «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», — въ то время раздалось энергичное, пламенное слово Некрасова; онъ запѣлъ въ совершенно иномъ тонѣ, вопреки господствовавшему тогда, въ поэзіи, чисто эстетическому направленію. Поэтъ избралъ предметомъ своихъ пѣсно-

*) «Живописное Обозрѣніе» 1876 г., № 13 («Современные русскіе писатели». Статья П. В. Быкова).

пѣній дѣйствительную, реальную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и оттѣнкахъ. Его лира явилась не «томно настроенной», а карающей мракъ и невѣжество.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 15 октября 1822 г., въ Ярославлѣ, въ небольшой дворянской семьѣ. Его отецъ принималъ непосредственное и дѣятельное участіе въ отечественной войнѣ 1812—1814 гг., состоя въ качествѣ адъютанта при графѣ П. Х. Витгенштейнѣ, командовавшемъ 1 корпусомъ и спасавшемъ Петербургъ и Псковъ отъ нашествія непріятеля; двое же дядей поэта пали въ сраженіи подъ Бородинымъ. До семилѣтняго возраста мальчикъ пользовался полной и, можно сказать, неограниченной свободой, имъ занимались мало; когда же ему минуло шесть лѣтъ, то, благодаря настоянію и хлопотамъ матери, его начали учить грамотѣ и затѣмъ серьезно готовить для поступленія въ учебное заведеніе. На тринадцатомъ году его отдали въ ярославскую гимназію, куда онъ, хорошо подготовленный, поступилъ прямо въ четвертый классъ. Но здѣсь Некрасовъ пробылъ всего два года; несмотря на то, что онъ учился хорошо, оказывалъ большія способности и дѣлалъ видимые успѣхи, отецъ взялъ его изъ гимназіи, предназначая своему сыну военное поприще. Съ этою цѣлью онъ отправилъ шестнадцатилѣтняго юношу въ Петербургъ, для того чтобы тотъ поступилъ въ Дворянскій Полкъ, и снабдилъ сына рекомендательнымъ письмомъ къ генералу Полозову, — тогдашнему начальнику петербургскаго округа корпуса жандармовъ.

Но въ головѣ молодого человѣка созрѣлъ совсѣмъ другой планъ. Явившись къ Полозову съ названнымъ письмомъ, онъ откровенно объяснилъ ему, что рѣшительно не чувствуетъ ни охоты, ни призванія сдѣлаться военнымъ, поэтому и не хочетъ поступать въ Дворянскій Полкъ, а желаетъ избрать себѣ совершенно другую карьеру и, въ силу этого намѣревается готовиться въ университетъ. Желаніе это онъ мотивировалъ, между прочимъ, своей сильной склонностью къ литературнымъ занятіямъ, которыя плохо должны вязаться съ военной службой. Такая прямота и твердая рѣшимость въ юношѣ очень понравились генералу Полозову и онъ вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствій молодого человѣка, пожелавъ ему успѣха и возможно скорѣйшаго исполненія задуманнаго имъ плана. Съ особеннымъ рвеніемъ и усердіемъ засѣлъ Николай Алексѣевичъ за учебники и началъ готовиться ко вступительному экзамену, желая непремѣнно

черезъ годъ сдѣлаться студентомъ университета. Однако на первыхъ же порахъ явились различныя препятствія, которыя стали мѣшать осуществленію задуманнаго дѣла. Неисполненіе отцовской воли и возникшія, вслѣдствіе этого, семейныя непріятности, весьма худо отразились на дѣлахъ Никол. Алекс.; плохо или, говоря вѣрнѣе, вовсе необезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, онъ испытывалъ нужду и долженъ былъ много трудиться для добыванія себѣ куска насущнаго хлѣба. Пылкій и стойкій, съ жаждою знанія и честолюбивыми мечтами въ душѣ, онъ самъ хотѣлъ пробить себѣ дорогу, неутомимо преслѣдуя свою завѣтную цѣль; а между тѣмъ, эта цѣль повидимому отдалялась; для поступленія въ университетъ нужно было готовиться, между прочимъ, и изъ такихъ предметовъ, какъ математика и латинскій языкъ, проходить которые безъ помощи преподавателя, весьма трудно, почти немыслимо; но какъ добыть учителя, когда на это средствъ нѣтъ? Юноша, однако, не унывалъ, — неудачи и препятствія только сильнѣе раздражали его самолюбіе, заставляя его дѣйствовать еще упрямѣе и настойчивѣе, и укрѣпляя въ немъ силу воли и характера. Вскорѣ Некрасовъ нашелъ себѣ очень дешеваго учителя для занятій изъ математики и физики; латынь же преподавалъ ему хорошій знакомый, студентъ медико-хирургической академіи; но занятія послѣднимъ предметомъ шли довольно плохо, несмотря на всѣ старанія и усилія дарового наставника. Такимъ образомъ, латынь являлась тормазомъ всего дѣла; скоро однако случай помогъ энергичному юношѣ побѣдить и это затрудненіе.

Въ одномъ изъ скромныхъ трактирчиковъ Выборгской стороны, куда онъ ходилъ обѣдать и гдѣ иногда любилъ просиживать по вечерамъ, такъ какъ здѣсь представлялось широкое поле для его наблюдательности, Некрасовъ встрѣтился съ профессоромъ Духовной Академіи — Успенскимъ; изъ откровенной бесѣды съ молодымъ человѣкомъ профессоръ узналъ подробно о незавидномъ положеніи послѣдняго, о его благихъ намѣреніяхъ, пламенномъ желаніи поступить въ университетъ и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ при этомъ. Успенскій, самъ прошедшій тяжелую школу жизни, хорошо понялъ своего собесѣдника, которому и не замедлилъ предложить безвозмездно свои услуги, относительно занятій латинскимъ языкомъ, мало того, онъ пригласилъ Николая Алексѣевича поселиться на нѣкоторое время въ его квартирѣ. Некрасовъ съ ра-

достью принялъ такое радушное предложеніе и подъ руководствомъ опытнаго наставника, хорошо знавшаго теорію языка и основательно изучившаго латинскихъ классиковъ, въ теченіи шести-семи мѣсяцевъ успѣлъ вполнѣ удовлетворительно приготовиться къ университетскому экзамену. Въ августѣ 1840 года должна была рѣшиться судьба молодого человѣка; по всѣмъ предметамъ, въ томъ числѣ и по латинскому языку, изъ котораго экзаменовалъ его профессоръ Фрейтагъ, отличавшійся чрезмѣрной строгостью, Николай Алексѣевичъ получилъ удовлетворительные баллы, но, увы, физика и математика сошли неблагополучно — и Некрасовъ не попалъ въ число студентовъ университета, а принужденъ былъ поступить туда лишь на правахъ вольнослушателя.

Университетскія лекціи онъ усердно слушалъ въ теченіе 1840—1842 гг., и въ это же время выступилъ и на литературное поприще, помѣщая стихотворенія и прозаическія статейки въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ. Некрасовъ началъ писать рано; еще въ гимназіи сочиненія его, писанныя имъ на заданныя темы, невольно обращали на себя вниманіе и преподавателей, и товарищей; тогда же, втихомолку, онъ пробовалъ свои силы, въ сочиненіи стиховъ, при чемъ первые опыты были настолько удачны, что когда онъ пріѣхалъ въ 1838 г. въ Петербургъ, и когда ему едва минуло пятнадцать лѣтъ, онъ, безъ труда, напечаталъ свое первое стихотвореніе, которое называлось «Мысль» въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полевого; затѣмъ, въ слѣдующемъ (1839) году, въ 7-й книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» появилось его второе произведеніе «Жизнь». Обѣ пьески были замѣчены и имѣли нѣкоторый успѣхъ, вслѣдствіе чего юноша рѣшился окончательно посвятить себя литературѣ. Съ 1840 года онъ сталъ ревностно сотрудничать въ «Пантеонѣ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ»,— журналѣ, издававшемся книгопродавцемъ Василіемъ Поляковымъ, подъ редакціей Өедора Кони. Здѣсь Некрасовъ печаталъ очень много: коротенькія рецензіи, статейки для смѣси, біографіи артистовъ, стихотворенія («Мелодія», «Слеза разлуки», «Офелія», «Скорбь и слезы» и др.) — иногда очень недурные, шуточные куплеты подъ псевдонимомъ: Ив. Ив. Грибовникова и Өеоклиста Боба, а также небольшіе разсказы и повѣсти, частію подъ собственнымъ именемъ, частію подъ псевдонимомъ Н. А. Перепельскаго, таковы, напр.: «Макаръ Осиповичъ Случайный», «Безъ вѣсти про-

павшій піита», «Пѣвица» и пр. Въ этомъ же году имъ изданы отдѣльно: «Баба-Яга. Русская народная сказка въ восьми главахъ» и первый сборникъ его стихотвореній, подъ названіемъ: «Мечты и звуки. Стихотворенія Н. Н.». Объ этой книжкѣ, въ которой хотя и было много незрѣлыхъ, дѣтскихъ мыслей, но уже чувствовались задатки самобытнаго таланта, извѣстный нашъ поэтъ В. А. Жуковскій отнесся съ большою похвалой, равно какъ и Н. А. Полевой, который, со времени помѣщенія въ своемъ журналѣ первыхъ опытовъ шестнадцатилѣтняго поэта, принялъ въ немъ самое живѣйшее, горячее участіе. Только Бѣлинскій отозвался очень несочувственно и неблагосклонно по поводу названной книжки, написавъ, между прочимъ, слѣдующее: «Прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣчать въ нихъ все знакомыя и истертыя чувствованьица, общія мѣста, гладкіе стишки — много-много — если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души, въ кучѣ риѳмованныхъ строчекъ — воля ваша, это чтеніе, или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть о нихъ въ журналахъ извѣстіе въ родѣ: «выѣхалъ въ Ростовъ». Посредственность въ стихахъ нестерпима. Вотъ мысли, на которыя навели насъ «Мечты и звуки» г. Н. Н.».

Тѣмъ не менѣе, послѣ такого, довольно строгаго отзыва, нашъ критикъ не только познакомился съ авторомъ разобранной имъ книжки, но даже очень коротко сблизился съ нимъ. Это сближеніе не прерывалось до самой кончины Бѣлинскаго. Это знакомство съ нашимъ первымъ критикомъ явилось въ то время какъ нельзя болѣе кстати и было большимъ счастіемъ для Некрасова, молодое, неокрѣпшее дарованіе котораго нуждалось тогда въ поддержкѣ и хорошемъ вліяніи. А кто же могъ лучше и благотворнѣе влiять на начинающаго писателя, какъ не Бѣлинскій.

Въ 1841 году Некрасовъ продолжалъ дѣятельно сотрудничать въ «Пантеонѣ», съ издателемъ котораго онъ даже сдѣлалъ контрактъ, — обязавшись за 1000 руб. ассигн. въ годъ поставлять въ журналъ Полякова значительное число стихотвореній, дѣлать переводы и писать разсказы, повѣсти, театральныя рецензіи и т. п. Много и неутомимо работалъ въ это время молодой поэтъ; помимо участія въ названномъ изданіи, онъ, какъ большой любитель театра, писалъ водевили и фарсы, — подъ тѣмъ же псевдонимомъ Перепельскаго, — изъ которыхъ многіе были весьма удачны, таковы, напри-

мѣръ: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису», «Ѳеоклистъ Онуфричъ Бобъ», «Актеръ» и передѣланная съ французскаго мелодрама «Материнское благословеніе»,— послѣднія двѣ пьесы и до сихъ поръ еще держатся въ репертуарѣ, особенно на провинціальныхъ сценахъ. Съ этого же года Николай Алексѣевичъ сталъ участвовать и въ «Отеч. Записк.» Краевскаго, гдѣ помѣщалъ рецензіи новыхъ книгъ, обратившія на себя вниманія Бѣлинскаго, и небольшія повѣсти: «Опытная женщина» (1841 г., № 10), «Необыкновенный завтракъ» (1843 г.) и друг. Но все, что Некрасовъ печаталъ въ теченіе 1841—1845 гг. не выходило изъ уровня посредственности, хотя и носило на себѣ печать нѣкотораго дарованія. Впрочемъ, сказать правду, многое писалъ онъ слишкомъ на скорую руку и чисто изъ-за денегъ, тѣмъ болѣе, что литература была единственнымъ средствомъ его къ существованію. Первыя стихотворенія, въ которыхъ поэтъ становится на реальную почву и заявляетъ о своемъ несомнѣнномъ талантѣ, начали появляться съ 4-й книжки «Отеч. Зап.» 1845 г., гдѣ продолжали печататься вплоть до 1847 года, т.-е. до изданія «Современника». Всѣ эти стихотворенія: «Старушкѣ», «Современная ода», «Когда изъ мрака заблужденья», «Огородникъ», «Забытая деревня» и друг. не имѣютъ уже ничего общаго съ первыми произведеніями Николая Алексѣевича ни по выбору сюжетовъ, ни по манерѣ, ни въ отношеніи технической обработки стиха. Съ этой поры имя Некрасова становится все болѣе и болѣе извѣстнымъ и въ публикѣ, и въ литературномъ мірѣ, гдѣ Николай Алексѣевичъ пріобрѣтаетъ много знакомствъ и прочныхъ связей, посѣщая многочисленные литературные кружки того времени и зачастую дѣлаясь ихъ необходимымъ членомъ и душою нѣкоторыхъ изъ нихъ.

* * *

*) Въ то же время и матеріальное благосостояніе Некрасова сравнительно улучшается на столько, что онъ имѣетъ возможность, помимо удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей, откладывать копейку и на черный день; отъ природы обладая смѣтливымъ, практическимъ умомъ, онъ умѣлъ весьма удачно устраивать дѣла

---

*) «Живописное Обозрѣніе» 1876 г., № 14.

свои и рѣдко терялся, при неудачахъ и невзгодахъ, твердо вѣря въ свою счастливую звѣзду, въ свое «savoir vivre». Эту практичность въ немъ подмѣтилъ и прозорливый Бѣлинскій и однажды пророчески выразился, что «Некрасовъ пойдетъ далеко...» И дѣйствительно, уже и въ то время, Никол. Алекс. обнаруживалъ всѣ способности, всѣ задатки будущаго недюжиннаго журналиста. Между прочимъ, онъ занимался изданіемъ различныхъ альманаховъ и сборниковъ, бывшихъ, въ тѣ времена, въ большой модѣ, которые, — по словамъ покойнаго Панаева, — приносили Некрасову порядочную выгоду, такъ какъ всегда были, болѣе или менѣе, удачно составлены и быстро расходились въ публикѣ. Въ нихъ Никол. Алекс., главнымъ образомъ помѣщалъ свои собственныя произведенія, но у него были и другіе вкладчики, преимущественно изъ молодыхъ, талантливыхъ литераторовъ; съ 1843 по 1846 г. включительно, имъ изданы сборники: «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ» (Спб. 1843 г., 2 части), «Физіологія Петербурга» (Спб. 1845 г., 2 части), «Первое апрѣля, комическій альманахъ» (Спб. 1846 г.) — похваленный Бѣлинскимъ, и наконецъ «Петербургскій сборникъ» (Спб. 1846 г.), въ которомъ помѣщены произведенія лучшихъ литераторовъ того времени, какъ старыхъ: Кн. В. Ѳ. Одоевскаго, гр. В. А. Соллогуба, А. В. Никитенки, такъ и молодыхъ: Тургенева, Ѳедора Достоевскаго, Панаева, Аполлона Майкова, А. Кронеберга и другихъ. Самому Некрасову во всѣхъ упомянутыхъ сборникахъ принадлежатъ слѣдующія произведенія: «Говорунъ», «Новости», «Стишки, стишки», «Новый годъ», «Чиновникъ» («Физіол. Петерб.», ч. 2-я), «Въ дорогѣ» («Петерб. сборн.») и разсказъ въ прозѣ «Петербургскіе углы» («Физіол. Петерб.», ч. 1-я)». «Петербургскій сборникъ», имѣвшій такой большой успѣхъ, являлся какъ бы провозвѣстникомъ «Современника», который и началъ издаваться Панаевымъ и Некрасовымъ, въ слѣдующемъ 1847 году.

Некрасовъ много и неутомимо работалъ для своего журнала, особенно въ первые годы его существованія, помѣщая въ немъ, кромѣ стиховъ, свои повѣсти, романы, рецензіи, статьи для смѣси и разныя мелкія замѣтки, придававшія журналу интересъ и разнообразіе. Въ 1847 г. онъ напечаталъ только пять пьесъ: «Тройка», «Если мучимый страстью мятежной», «Нравственный человѣкъ», «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной» и большое стих. «Псовая охота». Произведенія эти произвели сильное впечатлѣніе и увеличили

массу поклонниковъ Некрасовскаго таланта; читателя невольно поражала замѣчательная сила и задушевность стиха, удивительная рельефность картинъ въ его поэзіи, посвященной самымъ обыденнымъ предметамъ. Но въ это время, по почину «Отеч. Зап.», почти всѣ журналы подняли гоненіе на стихи, — и это было причиною, что въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ (1848 — 1849) Некрасовъ не печаталъ въ «Соврем.» ни чужихъ, ни своихъ стиховъ, а ограничился, помимо редакціонныхъ работъ, помѣщеніемъ длиннаго, растянутаго до-нельзя, романа въ восьми частяхъ, называвшагося «Три страны свѣта» и написаннаго имъ въ сотрудничествѣ съ Н. Н. Станицкимъ (А. Я. Панаевой). Да и въ послѣдующіе 1850—1853 гг. Никол. Алекс. также помѣстилъ весьма немного стихотвореній, — всего на всего семь пьесъ: «Буря», «Ты всегда хороша несравненно» («Совр.» № 9, 1850 г.), «Мы съ тобою капризные люди», «Пускай мечтатели осмѣяны давно» (1851 г. №№ 2 и 12), «Блаженъ незлобивый поэтъ» (№ 4, 1852 г.), «Старики» и «Ахъ были счастливые годы» (изъ Гейне) «(№№ 1 и 2, 1853 г.). За исключеніемъ превосходнаго стихотворенія «Блаженъ незлобливый поэтъ», всѣ остальныя пьесы не представляли ничего замѣчательнаго и мало напоминали Некрасовскую «музу мести и печали», отличаясь эротическимъ содержаніемъ, такъ что самъ авторъ помѣстилъ многія изъ нихъ безъ подписи имени. Кромѣ стиховъ, онъ напечаталъ за это время въ «Совр.» критическую статью: «Русскіе второстепенные поэты. Ѳ. И. Тютчевъ», (февр., 1850 г.), еще одинъ длиннѣйшій романъ въ пятнадцати частяхъ съ эпилогомъ (также при сотрудничествѣ г-жи Панаевой) «Мертвое озеро» (1851 г. №№ 1—12) и «Новоизобрѣтенная привиллегированная краска Дерлинга и Комп. Неправдоподобный разсказъ» (апрѣль, 1850 г.).

Зато, послѣ продолжительнаго молчанія Некрасова,—съ 1854 года началъ появляться цѣлый рядъ лучшихъ его стихотвореній, прославившихъ имя поэта и упрочившихъ навсегда его громкую извѣстность. Съ невыразимымъ наслажденіемъ перечитывала публика такія безукоризненно-прекрасныя вещи его, какъ: «Въ деревнѣ», «Муза», «Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ» (1854 г.), «Несжатая полоса», «Памяти пріятеля», «Маша», «Извощикъ», «Русскому писателю», «Власъ», «Я сегодня такъ грустно настроенъ», «Въ больницѣ», «Свадьба» (на мотивъ изъ Крабба), «Воспоми-

наніе», «Я не люблю ироніи твоей» (1855 г.), глубоко-поэтическая поэма «Саша», «Внимая ужасамъ войны», «Замолкни муза мести и печали», «Княгиня», «Филантропъ», «Секретъ», «Застѣнчивость», «Прощай, завидую тебѣ», «Я посѣтилъ твое кладбище», «Самодовольныхъ болтуновъ» (1856 г.) и проч. и проч. Кому не извѣстны всѣ эти чудныя, полныя обаянія пьесы, — и есть ли въ Россіи хотя одинъ мало-мальски образованный человѣкъ, который бы могъ отнестись холодно, безъ сочувствія, безъ невольнаго восторга къ такой глубокой, осмысленной поэзіи, къ задушевнымъ строфамъ, которыя, — по выраженію самого поэта, «волнуютъ мягкія сердца, какъ внезапно хлынувшія слезы съ огорченнаго лица»... Независимо отъ названныхъ пьесъ, Никол. Алексѣев. печаталъ въ этотъ промежутокъ времени въ юмористическомъ отдѣлѣ «Современника» — «Ералашъ» свои остроумныя, шуточныя стихотворенія, какъ напр., «Признанія труженика» (1854 г. Ноябрь), безъ подписи имени, и помѣстилъ разсказъ: «Тонкій человѣкъ, его приключенія и наблюденія» (1855 г. Янв.); послѣ этого разсказа Некрасовъ уже болѣе ничего не печаталъ въ прозѣ, и всецѣло отдался поэзіи.

Въ 1856 году, впервые, вышла книжка его стихотвореній. — Публика съ интересомъ слѣдила за литературой, которая хотѣла идти съ ней рука объ руку. Въ тѣ дни, литературныя дрязги не вліяли на оцѣнку произведеній того или другого писателя, а потому критика наша, выражая общее настроеніе, отозвалась о названной книжкѣ, съ рѣдкимъ единодушіемъ и горячо привѣтствовала пышно разцвѣтшій, симпатичный талантъ поэта, восхищаясь его чарующимъ, мастерскимъ стихомъ, звучащимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, энергіей и силой. Книжка стихотвореній Некрасова разошлась неимовѣрно быстро и спустя годъ по выходѣ ея, продавалась вмѣсто объявленной цѣны (1 р. 50 к.) отъ 5 р. до 15 руб.

Некрасовъ работалъ исключительно для своего журнала, но въ 1856 г., по просьбѣ А. В. Дружинина, — редактировавшаго тогда «Библ. для чтен.», — съ которымъ онъ былъ весьма друженъ, онъ помѣстилъ въ октябрской книжкѣ упомянутаго изданія три стихотворенія: «Прекрасная партія», «Прости» и «Школьникъ», — занявшій потомъ мѣсто во всѣхъ хрестоматіяхъ. Въ томъ же году книгопродавцемъ А. И. Давыдовымъ началъ издаваться періодическій сборникъ «Для легкаго чтенія» (прекратившійся въ 1858 г. на 9 томѣ), — и Некрасовъ взялъ на себя его составленіе.

Въ 1857—1859 гг. Никол. Алексѣев. написалъ, сравнительно, мало и притомъ вещи не особенно капитальныя, за исключеніемъ пьесы: «О погодѣ» (Вступленіе къ Сатирамъ) и всѣмъ и каждому извѣстной «Пѣсни Еремушкѣ». Къ этому времени относится его знакомство съ другимъ талантливымъ критикомъ нашимъ — Н. А. Добролюбовымъ, съ которымъ Некрасовъ находился всегда въ самыхъ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ.

Въ 1861 году вышло второе изданіе стихотвореній Некрасова; нечего и говорить, что оно было принято публикой такъ же благосклонно и съ тѣмъ же полнымъ сочувствіемъ, какъ и первое; но отзывы критики на этотъ разъ не представляли прежняго единодушія, — она раздѣлилась на два противоположныхъ лагеря, — на горячихъ хвалителей и на порицателей музы Некрасова.

Николай Алексѣевичъ нѣсколько разъ совершалъ поѣздки за границу, былъ во Франціи, Швейцаріи и Италіи; здѣсь написалъ онъ многія изъ своихъ лучшихъ пьесъ.

Съ возобновленіемъ «Отеч. Зап.» въ 1868 г. публика снова встрѣтила его имя на страницахъ этого изданія, куда онъ перенесъ свою литературную дѣятельность, выразившуюся цѣлымъ рядомъ поэмъ, очерковъ, сатиръ и мелкихъ стихотвореній. Есть между этими стихотвореніями вещи довольно слабыя, въ отношеніи технической отдѣлки, но въ общемъ всѣ они отличаются глубиной, серьезностью мысли, задушевностью и яркостью красокъ, словомъ всѣмъ тѣмъ, что составляетъ неизмѣнную принадлежность Некрасовской поэзіи. Особенно поражаетъ своей грандіозностью, теплотой и изяществомъ стиха его поэма: «Русскія женщины», которая служитъ яснымъ доказательствомъ того, что талантъ нашего симпатичнаго поэта не только не изсякъ, не измельчалъ, но достигъ своего полнаго развитія и много еще обѣщаетъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе что въ настоящее время Некрасову всего лишь 53 года. Въ самое послѣднее время Никол. Алекс. участвовалъ трудами своими въ обоихъ литературныхъ сборникахъ: «Складчина» (1874 г.) и «Братская помощь» (1876 г.), изданныхъ съ благотворительной цѣлью, помѣстивъ три «элегіи»: 1) «Ахъ! что изгнанье, заточенье?» 2) «Бьется сердце безпокойное», 3) «Разбиты всѣ привязанности...» — въ первомъ сборникѣ и «Страшный годъ» — отрывокъ изъ поэмы, — во второмъ. Эти стихотворенія, лирическаго характера, показываютъ намъ, что даровитый поэтъ можетъ безу-

коризненно писать и въ подобномъ направленіи — и, слѣдовательно, можетъ соперничать съ лучшими нашими лириками. Стихотворенія Н. А. Некрасова были изданы, какъ мы уже сказали, шесть разъ*).

П. В. Быковъ.

1877 г.

Разбирая романъ А. Потѣхина: «Между денегъ», г. Скабичевскій между прочимъ говоритъ:

*) Прежде, чѣмъ я приступлю къ главному предмету моего письма, я намѣренъ представить двѣ параллели: одну въ видѣ контраста, относительно произведенія г. Потѣхина, другую же, наоборотъ, въ видѣ подобія ему. Это именно — двѣ поэмы г. Некрасова «Русскія женщины» и повѣсти г. Григоровича изъ народнаго быта. Выборъ этихъ произведеній сдѣланъ мной не случайно, несмотря на то, что они относятся, повидимому, къ разнымъ эпохамъ и не имѣютъ ничего общаго между собою, по своему содержанію. Поэмы г. Некрасова я избираю на томъ основаніи, что я никакъ не могу припомнить ни одного художественнаго произведенія, вышедшаго въ послѣднія десять лѣтъ въ нашей печати, которое произвело бы на публику такое сильное и цѣльное впечатлѣніе и которое вмѣстѣ съ тѣмъ было бы такъ систематически односторонне, какъ именно эти самыя поэмы г. Некрасова. Что же касается до г. Григоровича, я не знаю писателя болѣе подобнаго г. А. Потѣхину, какъ именно этотъ беллетристъ 40-хъ годовъ.

Начинаю съ поэмъ г. Некрасова. Я уже сказалъ выше, что я не могу припомнить никакого другого произведенія изъ появившихся въ послѣднія десять лѣтъ, которое равнялось бы этимъ поэмамъ по силѣ и цѣльности производимаго ими впечатлѣнія. Изъ самыхъ произведеній г. Некрасова, написанныхъ до и послѣ этихъ поэмъ, вы не найдете подобныхъ имъ по классически-строгой, если

---

*) Еще въ 1876 году см. о Некрасовѣ «Кругозоръ» №№ 1 и 8 («Огородникъ» и «Морозъ — красный носъ». Рисунки съ пояснительными къ нимъ замѣтками).

Примѣч. В. Зелинскаго.

*) «Отечественныя Записки» 1877 г., № 3 («Бесѣды о русской словесности». Статья А. Скабичевскаго).

можно такъ выразиться, художественности. Это превосходство поэмъ г. Некрасова произошло, по моему мнѣнію, не изъ чего иного, какъ изъ того, что предметъ ихъ оказался столь близкимъ и дорогимъ душѣ художника, что всецѣло завладѣлъ имъ, возбудилъ его творчество до высшаго напряженія и заставилъ его забыть все остальное побочное, все, чѣмъ осложнялся въ свое время этотъ предметъ. Когда вы прочтете эти поэмы, несомнѣнно онѣ произведутъ на васъ впечатлѣніе реальной правдивости, въ васъ не закрадется и тѣни сомнѣнія, что авторъ измѣнилъ дѣйствительность, одни ея стороны совсѣмъ опустилъ, другія же выдвинулъ впередъ и представилъ въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. А между тѣмъ, при всей реальной правдивости поэмъ, авторъ все это продѣлалъ: не то, чтобы самъ онъ все это искусственно, преднамѣренно продѣлалъ, но какъ-то это само все совершилось силою его творческаго паѳоса. Цѣль поэмъ г. Некрасова заключается въ томъ, чтобы выставить въ наиболѣе яркомъ цвѣтѣ героизмъ тѣхъ нашихъ доблестныхъ соотечественницъ 20-хъ годовъ, которыя, покидая весь комфортъ роскошной жизни, всѣ прелести и приманки большаго свѣта, отправлялись за своими мужьями раздѣлять ихъ суровую каторжную, казематную жизнь въ далекихъ и глубокихъ снѣгахъ Сибири. И поэмы съ такою исключительностью направлены къ этой цѣли, что не найдете вы въ нихъ ни одной черты, ни одного стиха, которые были бы лишни, побочны, были бы сами по себѣ и отвлекали бы отъ главной цѣли поэмъ куда-нибудь совсѣмъ въ сторону. Каждая сцена, каждая деталь въ нихъ словно нарочно подобраны въ такомъ родѣ и духѣ, чтобы наиболѣе достигнуть цѣли выставленія героинь поэмъ въ наиболѣе обольстительномъ цвѣтѣ и величавомъ видѣ. Таковы контрасты золотыхъ сновъ и воспоминаній о прежней роскошной и веселой жизни, о молодости, балахъ, путешествіяхъ съ милымъ по южнымъ странамъ — съ печальною дѣйствительностью безконечнаго пути по унылымъ сибирскимъ сугробамъ, картина сибирской вьюги, и ночлега въ хатѣ лѣсника изнѣженной львицы, въ углу на мерзлой и жесткой цыновкѣ, разсказъ о всей трудности семейной борьбы, выдержанной несчастной женщиной, сцена прощанья съ сыномъ, проводовъ, сцена уговариванья со стороны губернатора и самоотверженной готовности продолжать путь пѣшкомъ, съ колодниками по этапу, и проч., и проч. Переберите вы всѣ эти сцены подъ рядъ, и вы убѣдитесь, что единственная и главная сторона, которая выступаетъ

въ нихъ на первомъ планѣ, это — доблесть и сила самоотверженія выводимыхъ передъ вами героинь. Но развѣ одною этою стороною вполнѣ исчерпываются онѣ? Вы подумайте только: сколько другихъ сторонъ долженъ былъ бы г. Некрасовъ освѣтить и очертить передъ нами, если бы онъ вздумалъ гнаться за всестороннею вѣрностью дѣйствительности. Обратите вниманіе хотя бы на то, что героини его мыслятъ, говорятъ и дѣйствуютъ совершенно подобно тому, какъ бы стали мыслить, говорить и дѣйствовать лучшія и образованнѣйшія женщины того же круга въ наше время. А между тѣмъ, въ поэмахъ представляется прошлое, отстоящее отъ нашего времени на цѣлое полстолѣтіе. Въ это время общій колоритъ нравовъ, складъ и умственныхъ и нравственныхъ качествъ людей, захваченныхъ струей цивилизаціи, успѣли значительно видоизмѣниться. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, что 50 лѣтъ тому назадъ, въ высшихъ слояхъ общества, которые въ то время представлялись и образованнѣйшими слоями, были въ большой модѣ приторный сентиментализмъ и напускная экзальтація. Правда, что мужчины начинали въ значительной степени уже освобождаться отъ этихъ свойствъ вѣка и проникаться байроновскимъ романтизмомъ, но великосвѣтскія женщины, которыя въ то время, по своему умственному развитію, стояли далеко позади своихъ великосвѣтскихъ мужей, все еще были преисполнены и сентиментальности, и экзальтаціи. Качества эти, въ то время, не только не считались чѣмъ-либо позорнымъ и смѣшнымъ, но напротивъ того, выставлялись напоказъ и преувеличивались, потому что ими гордились, какъ признаками высшаго развитія и избранной натуры. Но тѣмъ не менѣе, въ нашихъ глазахъ они неизбѣжно придаютъ смѣшной колоритъ женщинамъ начала нынѣшняго столѣтія не только въ мелочахъ ихъ обыденной жизни, въ родѣ проливанія горькихъ слезъ надъ раздавленной божьей коровкой, но и въ болѣе крупныхъ, роковыхъ и высокихъ эпизодахъ жизни ихъ, гдѣ вышепомянутые признаки вѣка проявлялись, конечно, еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ. Такъ нѣтъ сомнѣнія, что и стремленіе къ мужьямъ въ ссылку въ Сибирь, изъ какихъ бы высокихъ и святыхъ побужденій оно ни проистекало и какимъ бы ореоломъ героизма ни было окружено, тѣмъ не менѣе и оно, по всей вѣроятности, сопровождалось не малою дозою взрывовъ сентиментальности и экзальтаціи. Или вотъ вамъ и другая еще черта вѣка: извѣстно, что великосвѣтскіе люди начала ны-

нѣшняго столѣтія отличались безумнымъ мотовствомъ, доходившимъ иногда до послѣднихъ предѣловъ вѣроятія. Женщины же того времени превосходили, конечно, въ этомъ отношеніи мужчинъ, потому что мужчины мотали только изъ одной барской прихоти и самодурства, женщины же, сверхъ того, слѣпо бросали деньги, потому что были по своему воспитанію безусловно лишены какого бы то ни было знанія практической жизни, существовавшихъ въ то время отношеній, цѣнъ на разные продукты, чѣмъ, конечно, пользовались со всѣхъ сторонъ и надували барынь самымъ чудовищнымъ образомъ, беря съ нихъ сотни и тысячи рублей тамъ, гдѣ слѣдовало бы платить копейками. Отъ такого недостатка, конечно, не были изъяты и героини наши, и надо полагать, что долгое и трудное путешествіе ихъ въ Сибирь не обошлось безъ цѣлаго ряда сценъ и комическихъ, и жалкихъ въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, вотъ что мы читаемъ по поводу женъ декабристовъ въ запискахъ г. Черепанова (см. «Древняя и Новая Россія», № 7, 1876 года): «Дамы, какъ называютъ здѣсь женъ декабристовъ, разсыпали по здѣшней мѣстности кучи денегъ, съ такою щедростью, что я самъ однажды получилъ отъ княгини Трубецкой пять рублей за очинку ей пера (тогда не было еще стальныхъ перьевъ). Это обстоятельство выдвинуло смѣтливыхъ людей изъ ничего на степень богачей. Такъ разжился мясникъ Ефремовъ, ссыльно-каторжникъ» и т. д. Хотя, конечно, сибирскій казакъ Черепановъ — не ахти какой авторитетъ относительно достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, и въ той же «Древней и Новой Россіи», номера за 2 за 3, былъ уличенъ въ сообщеніи невѣрныхъ свѣдѣній, именно относительно декабристовъ. Но если допустить даже, что онъ все это выдумалъ, что онъ совсѣмъ съ декабристами не былъ знакомъ и не видалъ даже ни ихъ самихъ, ни ихъ женъ и никакихъ пяти рублей за очинку пера отъ княгини Трубецкой не получалъ,—во всякомъ случаѣ, если даже все это и выдумано г. Черепановымъ, то выдумано довольно правдоподобно, не въ частностяхъ, такъ въ общемъ. По крайней мѣрѣ, я вполнѣ готовъ вѣрить, что различнымъ сибирскимъ плутамъ, въ родѣ хотя бы мясника Ефремова, выставляемаго г. Черепановымъ, пріѣздъ женъ декабристовъ былъ очень съ руки.

Представьте же вы теперь, что г. Некрасовъ, изъ желанія воспроизвести личности изображенныхъ женщинъ, какъ можно всестороннѣе и ближе къ дѣйствительности, не упустилъ бы придать имъ

значительный оттѣнокъ сентиментальной экзальтаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ ребяческой непрактичности, заставлявшей ихъ сорить деньгами безъ всякаго разсчету и мѣры, да ужъ кстати, прибавилъ бы нѣсколько дозъ великосвѣтской щепетильной гордости, отъ которой онѣ, по старой привычкѣ, никакъ не могли сразу отрѣшиться въ своемъ новомъ положеніи, и которая, принося имъ милліонъ мелкихъ терзаній и уколовъ, омрачала и безъ того нерадостную жизнь ихъ. Относительно полноты и всесторонней вѣрности дѣйствительности, произведеніе, конечно, выиграло бы, но выиграло бы оно въ достиженіи существенной своей цѣли: увлеченія читателя картиною нравственной доблести героинь поэмы? Въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ именно, въ самомъ-то главномъ, оно и проиграло бы. Теперь читатель выноситъ изъ него одно цѣльное, ничѣмъ ненарушаемое впечатлѣніе, въ видѣ чувства восторга и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой жалости къ судьбѣ героинь, а тогда эта цѣльность нарушилась бы: читатель вынесъ бы неопредѣленное чувство изъ нѣсколькихъ смѣшанныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ одно парализовало бы другое: хотя съ одной стороны героини и заслуживали бы поклоненія за свой подвигъ, но съ другой — были бы нѣсколько и смѣшны своею сентиментальностью, а съ третьей, возбудили бы и отвращеніе антипатичными чертами своей великосвѣтскости — въ родѣ надутой, щепетильной гордости, непрактичности, мотовства и проч. Такимъ образомъ, и здѣсь, въ поэмахъ г. Некрасова, мы видимъ тотъ же законъ обратно пропорціональнаго отношенія, всесторонней вѣрности дѣйствительности къ силѣ впечатлѣнія, возбуждаемаго произведеніемъ. Не трудно при этомъ доказать, что если бы, въ другомъ случаѣ, тотъ же г. Некрасовъ вздумалъ бы представить намъ весь комизмъ сентиментальной экзальтаціи, всю нелѣпость безумнаго мотовства нашихъ отцовъ и дѣдовъ или всю несообразность и дикость того ребяческаго незнанія жизни, которымъ наши бабушки гордились, то опять-таки и въ такомъ случаѣ бо̀льшаго успѣха онъ достигъ бы въ своемъ произведеніи только тогда, когда все вниманіе читателей исключительно обратилъ бы на эти выставляемые недостатки. Конечно, при этомъ было бы совершенно излишне заставлять героевъ или героинь сверхъ всего совершать какіе бы то ни было подвиги самоотверженія, и было бы величайшею художественною ошибкою и чистѣйшимъ абсурдомъ въ видѣ сентиментально-экзальтированныхъ, безумно-расточительныхъ и дѣтски

непрактичныхъ барынь изобразить вдругъ доблестныхъ женъ декабристовъ.

Но можно предположить, что г. Некрасовъ въ поэмахъ своихъ представилъ дѣйствительность не только крайне односторонне, но и преувеличенно. Я убѣжденъ, по крайней мѣрѣ, что всѣ эти яркія, патетическія, потрясающія васъ сцены, каковы, напримѣръ, сцены свиданія съ мужемъ въ темницѣ, губернаторскаго уговариванья, появленіи въ рудникахъ — въ дѣйствительности далеко не были столь ярки и потрясающи и носили тотъ колоритъ сѣренькой заурядности, какой носитъ наша русская жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, начиная отъ самыхъ низкихъ и комическихъ и до преисполненныхъ высокаго трагизма. Такъ, напримѣръ, возьмите вы хотя бы сцену свиданія въ темницѣ. Женщина, ищущая такого свиданія, является у насъ обыкновенно не иначе, какъ въ видѣ хлопотливой просительницы въ пріемныхъ людей, власть имущихъ, а затѣмъ слѣдуютъ и самыя свиданія, мало чѣмъ отличающіяся отъ заурядныхъ будничныхъ посѣщеній страждущихъ родныхъ въ больницахъ, при чемъ, я не спорю, бываютъ и слезы, и патетическія сцены, но преобладаютъ, конечно, самые будничные хлопоты о снабженіи заключеннаго деньгами и разными необходимыми продуктами. И опять-таки я спрашиваю у васъ: неужели поэмы г. Некрасова выиграли бы, если бы онъ вздумалъ педантически соблюдать буквальную вѣрность дѣйствительности и наполнилъ бы сцену свиданія разговорами княгини съ мужемъ о томъ, хорошо ли его кормятъ и не нуждается ли онъ въ сигарахъ или чистомъ бѣльѣ, и т. п.?

Вы сдѣлаете мнѣ, быть можетъ, такое возраженіе, что, положимъ, г. Некрасовъ имѣлъ свою спеціально-одностороннюю цѣль изобразить своихъ героинь только въ моменты совершенія ими ихъ высокаго подвига; но развѣ иной художникъ не могъ бы задаться попыткою объективнаго всесторонняго воспроизведенія данной дѣйствительности ни съ какою иною цѣлію, какъ лишь съ тою, чтобы воспроизвести передъ нами ту или другую эпоху во всѣхъ ея хорошихъ и дурныхъ чертахъ, воскресить ее передъ нами во всѣхъ ея краскахъ? Неужели же я отрицаю историческій романъ, да и вообще всякій романъ, какъ эпопею современной или прошлой жизни? Нѣтъ, я все это допускаю, но я отрицаю только объективно-безстрастное отношеніе художника къ изображаемой имъ дѣй-

ствительности, то объективное безстрастное отношеніе, при условіи котораго только и возможно вполнѣ вѣрное и всестороннее изображеніе дѣйствительности. Такого рода отношеніе художника къ изображаемымъ явленіямъ совершенно, по моему мнѣнію, выходитъ изъ области искусства въ его истинномъ смыслѣ. Это вовсе не художественное творчество, а техника, ремесло. Изображенія подобнаго рода могутъ блистать своего рода совершенствами, но совершенства эти будутъ именно *своего рода,* не имѣющія ничего общаго съ совершенствами истинно-художественныхъ произведеній...»

А. Скабичевскій.

* * *

Послѣднія пѣсни. Стихотворенія Н. Некрасова. Спб. 1877 г., стр. 169, ц. 2 р.

*) Въ дополненіе къ шести частямъ полнаго собранія стихотвореній Н. А. Некрасова, которое доведено было до 1874 года, появился особый сборникъ за послѣдніе три года (1874—1877 г.). Въ его первый отдѣлъ вошли лирическія стихотворенія; второй — занятъ сатирою «Современники»; третій — отрывками изъ поэмы: «Мать» и пѣсенью «Баюшки-баю». Многія изъ этихъ послѣднихъ стихотвореній напоминаютъ своею неподдѣльною красотою и высокимъ лиризмомъ лучшія изъ стихотвореній поэта, несмотря на то, что они писаны, или, вѣрнѣе сказать, продиктованы имъ въ минуты тяжкаго недуга. Отрывки изъ поэмы «Мать» могутъ служить поэтическою автобіографіею — въ нихъ заключены воспоминанія изъ собственной молодости поэта.

* * *

**) Ходившіе давно уже въ городѣ слухи объ опасной болѣзни г. Некрасова получаютъ въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» печальное потвержденіе: поэтъ напечаталъ свои «Послѣднія пѣсни» и прощается съ друзьями. Эти пѣсни похожи на тонъ, вымученный страданіями изъ груди больного...

---

*) «Вѣстникъ Европы» 1877 г., № 5.

**) «Русскій Міръ» 1877 г., № 35. (Литературное Обозрѣніе. «Послѣднія пѣсни» Н. А. Некрасова. Статья W.)

Итакъ, еще одна литературная жизнь подводитъ итоги... Желательно надѣяться, что для недуга, съ которымъ борется поэтъ, еще возможенъ болѣе благопріятный исходъ; но эти скорбныя «послѣднія» пѣсни невольно заставляютъ оглянуться на поэтическое поприще, не безъ славы пройденное г. Некрасовымъ, и съ особенною опредѣленностью вызываютъ въ мысли и въ памяти сильныя и слабыя стороны его дарованія. Мы не принадлежали къ тѣмъ жаркимъ и безусловнымъ поклонникамъ поэта, какихъ у него, мы надѣемся, очень много; но невозможно отрицать, что г. Некрасовъ займетъ въ нашей литературѣ весьма замѣтное мѣсто, и отголоски его поэзіи долго еще будутъ звучать и напоминать о немъ. Но г. Некрасовъ принадлежитъ къ тѣмъ поэтамъ, вся сила которыхъ заключается во вдохновеніи; онъ не обладаетъ ни богатой фантазіей, ни виртуозностью стиха, не обладаетъ даже чувствомъ формы, т.-е. ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, благодаря которымъ другіе поэты могутъ даже безъ сильнаго подъема вдохновенія дѣлать очень хорошія стихотворенія. Оттого, изъ всего написаннаго г. Некрасовымъ, дѣйствительно хорошо только то, что вылилось въ минуты непосредственнаго вдохновенія. Когда онъ начинаетъ «дѣлать» стихи, изъ этого ровно ничего не выходитъ. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы г. Некрасовъ напечаталъ довольно много, а вдохновеніе посѣщало его очень рѣдко; оттого изъ-подъ пера его выходили такія холодныя, дѣланныя и непоэтическія вещи, какъ поэмы «Русскія женщины» или «Кому на Руси жить хорошо». Эта стихотворная проза, снабженная журнальными мотивами и тенденціями, взамѣнъ недостающаго ей вдохновенія, значительно содѣйствовала тому, что люди глубоко и искренно понимающіе поэзію въ послѣднее время очень охладѣли къ г. Некрасову. Въ охлажденіи ихъ много участвовало и то, что г. Некрасовъ, не будучи вовсе народнымъ поэтомъ, т.-е. не сочувствуя вовсе народному міросозерцанію и не нося въ себѣ ни одного изъ народныхъ идеаловъ, повидимому, во что бы то ни стало хотѣлъ быть народнымъ поэтомъ и не замѣчалъ фальшивой ноты, пронзительно звучавшей въ его стихѣ.

Къ большому нашему удовольствію, въ «Послѣднихъ пѣсняхъ» мы нашли кое-что, напомнившее намъ г. Некрасова. Вспышки вдохновенія посѣтили его на одрѣ болѣзни и исторгли звуки, полные искренняго жара и угрюмой силы. Нельзя, напримѣръ, не остано-

виться на прекрасномъ, хотя не новомъ по мысли, стихотвореніи «Сѣятелямъ», которое приводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь безплодную,
Худы ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? Слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ добрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами —
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!...»

Странная вещь: этотъ «русскій народъ», какъ извѣстно, постоянно фигурируетъ во всѣхъ стихотвореніяхъ г. Некрасова, между тѣмъ самъ поэтъ, оглядываясь на одрѣ болѣзни на свое поэтическое поприще, приходитъ къ сознанію, которое, конечно не безъ скорби и боли, срывается съ устъ его:

«Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ...»

И дѣйствительно, народъ не знаетъ поэта, посвятившаго ему такъ много пѣсней и такъ много сочувствія, и вѣроятно никогда его не узнаетъ — и на это онъ имѣетъ причину. Мы отчасти уже указали ее: она заключается въ томъ, что народность поэзіи г. Некрасова мнимая, что, скорбя о народѣ и даже неподдѣльно любя народъ, поэтъ не живетъ народными идеалами, и народная жизнь открывается ему только одною матеріальною стороною своей. При этомъ условіи духовное сближеніе, разумѣется, невозможно. Вотъ почему мы думаемъ также, что втунѣ обращается поэтъ къ своимъ «друзьямъ» съ напутственнымъ пожеланіемъ:

«Вамъ же — не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути.»

Очень это трудно, и для друзей г. Некрасова едва ли достижимо! Пожелаемъ лучше, чтобы самъ поэтъ вышелъ побѣдителемъ

изъ борьбы съ недугомъ, наславшимъ на него это угрюмое вдохновеніе, и чтобы его «Послѣднія пѣсни» не были въ самомъ дѣлѣ послѣдними.

W.

* * *

*) На дняхъ вышелъ новый томъ стихотвореній Н. А. Некрасова, подъ заглавіемъ «Послѣднія пѣсни». Книга раздѣляется на три отдѣла. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лирическія стихотворенія 1876—1877 годовъ; во второмъ помѣщены двѣ части извѣстной траги-комедіи «Современники»; третій содержитъ отрывки изъ поэмы «Мать» и пьесу «Баюшки-баю»—вещи еще неизвѣстныя публикѣ и являющіяся въ первый разъ. Весь сборникъ производитъ глубокое впечатлѣніе: эти «послѣднія пѣсни», безъ сомнѣнія, самые выстраданные и самые скорбные вопли души нашего поэта. Ихъ искренній лиризмъ, полный безнадежнаго страданія, полный тяжелыхъ предчувствій звучитъ надрывающей сердце тоскою и въ то же время великимъ нравственнымъ мужествомъ, которое, пересиливая терзанія жестокаго недуга, даетъ поэту силу и утѣшеніе во вдохновеніяхъ его музы. Мощная и стойкая въ борьбѣ натура отзывается въ этихъ гимнахъ страданія, не смотря на ихъ болѣзненный тонъ, ихъ скорбные мотивы. Въ поэтическомъ отношеніи хороши почти всѣ безъ исключенія чисто лирическія пьесы настоящаго тома; но если нужно называть перлы между ними, мы указали бы на отрывки изъ поэмы «Мать» и на стихотвореніе «Баюшки-баю». Помянутые отрывки, кромѣ ихъ высокаго поэтическаго достоинства, имѣютъ еще и автобіографическій интересъ: глубокопрочувствованными, вылившимися изъ любящаго, благодарнаго сердца стихами, поэтъ воспѣваетъ свою мать, которой онъ былъ обязанъ первоначальнымъ развитіемъ, которая заронила въ немъ первую любовь къ прекрасному и поэзіи, которая «спасла въ немъ живую душу» въ тяжелые годы жестокой жизненной борьбы. Такіе стихи, какъ, напримѣръ, нижеслѣдующіе, дѣйствительно, «рыдающіе звуки», по выраженію самого поэта:

---

*) «Новое Время» 1877 г., № 394. (Изъ литературы и жизни. «Послѣднія пѣсни» Н. А. Некрасова).

И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Пьеса «Баюшки-баю», представляющая какъ-бы поэтическій эпилогъ къ «послѣднимъ пѣснямъ», такъ хороша, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ее вполнѣ для нашихъ читателей... (Далѣе слѣдуетъ самая пьеса).

* * *

*) Страданій чаша передо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ.

Жуковскій («Камоэнсъ»).

Изданная недавно книжка стихотвореній любимаго нашего поэта, мы не теряемъ надежды, не останется на самомъ дѣлѣ сборникомъ его *послѣднихъ пѣсенъ*. Поэтъ не напрасно взывалъ къ своей музѣ:

Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, лишенья
Зажги огонь въ моей груди!

Муза дѣйствительно откликнулась на его зовъ, раздавшійся съ одра болѣзни, и зажгла въ немъ такой огонь, который совсѣмъ не походитъ на огонь догорающій. Это настоящій огонь его лучшей поры, огонь не только негодованія и мученья, но и *любви*. Но потому-то поэтъ и неправъ, говоря, будто бы онъ и былъ и остался «чуждымъ народу». Съ народомъ его окончательно сблизила эта полнота любви въ средѣ самыхъ страданій. Его теплыя пѣсни на одрѣ болѣзни невольно напоминаютъ любвеобильныя думы больной крестьянки въ «Живыхъ мощахъ» Тургенева.

---

*) «Свѣтъ» 1877 г., № 5 («Послѣднія пѣсни Некрасова». Ст. Ор. Миллера).

Многое въ книгѣ относится еще къ порѣ, предшествовавшей болѣзни, — напримѣръ, отдѣлъ сатирическій, заключающій въ себѣ «юбиляровъ и тріумфаторовъ» и «героевъ времени», невольно наводящихъ и читателя, вслѣдъ за поэтомъ, на выводъ:

Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй.

Тутъ звучитъ та струна негодующей музы Некрасова, которая сближаетъ его съ Щедринымъ, и если сатирикъ нашъ сводитъ современные идеалы къ куску, къ усовершенствованной способности *ждать,* то поэтъ нашъ иронически взываетъ къ художнику:

Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! изваяй
Гарантію и *Субсидію*,
Идеаламъ форму дай!

Поэтъ рисуетъ намъ съ разныхъ сторонъ оргію культа этихъ самоновѣйшихъ боговъ, оказывающихся въ сущности очень старыми. Оргію эту на время нарушили было событія прошлаго лѣта. Но, поспѣшивъ схоронить ихъ, мы стали опять такъ любовно возвращаться къ нарушенному священнодѣйствію передъ дорогими намъ идолами, — какъ вдругъ возстаютъ изъ гроба тѣ же событія, раздается опять запросъ не на однѣ юбилейныя жертвы, не на одни кармано-набивательные проекты или подарки madame Жюдикъ. Не готовыми къ историческому призыву оказываются недаромъ «раздосадованные имъ герои» и «тріумфаторы» времени, а готовыми тѣ, что поютъ:

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ...

Послѣдніе оказываются готовыми потому, что въ пѣснѣ ихъ слышится не одна «истома» съ «терпѣніемъ», но также и то, что заставило поэта воскликнуть:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!

Напрасно у «героевъ» и «тріумфаторовъ» является вдругъ такая сердобольная жалость къ раскошеливающемуся народу. Тотъ трудовой грошъ, которымъ онъ всегда такъ охотно дѣлится съ «несчастными» всякаго рода, — его собственный, кровный грошъ, а никто не въ правѣ не только быть щедрымъ, но и быть скупымъ на чужое добро! Потрясающее дѣйствіе производитъ у нашего поэта бурлацкая пѣсня о народномъ бездольѣ, исполняемая послѣ тоста за «братьевъ-мужиковъ», и исполняемая съ какимъ-то особеннымъ упоеніемъ «разбойничьимъ» хоромъ ихъ разорителей — жрецовъ гарантіи и субсидіи. Не менѣе поживаетъ у него и «покаянный паѳосъ» одного изъ этихъ жрецовъ, дающій поэту поводъ замѣтить, что это явленіе

Не ново съ русскими великими умами:
Съ Ивана Грознаго царя
До переписки Гоголя съ друзьями,
Самобичующій протестъ —
Россійскихъ гражданъ достоянье!

Да, насъ вообще подобно Зацѣпину,

...Какъ ржа желѣзо ѣстъ
Душевной немощи сознанье...

Оно съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ было пущено у насъ въ ходъ еще такъ недавно, да и будетъ служить и теперь откровенною отговоркою отъ какого-либо подвига. Эта грязная исповѣдь вслухъ — совсѣмъ не задатокъ нравственнаго возрожденія, а признакъ малодушнаго отлыниванья отъ тѣхъ высшихъ задачъ, съ которыми, по выраженію Шиллера, невольно растетъ усмотрѣвшій ихъ человѣкъ.

Фальшь — въ сочувствіи народному горю, фальшь — въ самобичеваніи раскрываетъ намъ, вмѣстѣ со многимъ другимъ, сатира нашего поэта, эта безпощадная сатира на вѣкъ, которымъ, по его словамъ, «банкиръ посаженъ на тронъ земли». Настоящее сочувствіе съ народомъ въ его горѣ и въ томъ, что даетъ ему утѣшенье и силу, настоящее, вполнѣ искреннее сознанье своей душевной немощи — вотъ что сказывается въ лирикѣ этихъ, какъ ихъ называлъ поэтъ, *послѣднихъ* пѣсенъ, служащихъ живымъ, отголоскомъ его самыхъ лучшихъ, всѣми нами давно перечувствованныхъ мотивовъ.

Въ предшедствующіе годы не только придирчивой, но и добро-

совѣстной критикѣ приходилось указывать на немногія, не совсѣмъ вѣрно взятыя ноты въ нѣкоторыхъ произведеньяхъ нашего поэта. Ихъ объясняли тѣмъ, что, при измѣнившейся жизненной обстановкѣ, темы его какъ бы по привычкѣ остались тѣ же, но исполненіе уже не могло отличаться прежнею непосредственною свѣжестью. Теперь она снова всецѣло сказалась на одрѣ болѣзни. Поэтъ нашелъ на немъ *самъ себя*.

А это все, что нужно для поэта. Муза предстала ему опять въ томъ же строгомъ, безукоризненно чистомъ видѣ, въ какомъ она напутствовала его въ ту многотрудную пору, о которой онъ такъ тепло теперь воспоминаетъ:

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ
(За славой я въ столицу торопился).
Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ
И между тѣмъ урывками учился.
Лѣтъ двадцати, съ усталой головой,
Ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ подолгу),
Но горделивъ — пріѣхалъ я домой...

Поэтъ воспоминаетъ объ этой порѣ тепло и грустно; — въ немъ не стало той «горделивости» юныхъ лѣтъ, онъ недоволенъ тѣмъ, какъ разыгралась его дальнѣйшая жизнь, онъ говоритъ:

...«Оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ достойныхъ человѣка...
Увы! ихъ нѣтъ! однѣхъ ошибокъ рядъ!»

Но если не гордость, то и не «смиреніе паче гордости» слышится и въ его словахъ о славѣ:

...Ей долгимъ яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

Между тѣмъ онъ неоднократно обращается къ «поэту», возлагая на него какъ бы единственную надежду въ такую пору, когда

Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины,

Подобно Пушкину, онъ называетъ *толпою* тѣхъ, кто не признаетъ поэзіи, но онъ не видитъ въ поэтѣ аскета.

Толпа гласитъ: «пѣвцы не нужны вѣку»!
И нѣтъ пѣвцовъ... замолкло божество...
О, кто жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?

И вотъ онъ зоветъ назадъ удалившееся божество; онъ страстно вызываетъ его борьбу...

Казни корысть, убійство, святотатство!
Сорви вѣнцы предательскихъ головъ...

Но тяжкій выпадаетъ жребій тому, кого божество избираетъ своимъ сосудомъ... Все труднѣе и труднѣе дѣлается борьба:

Дни идутъ... все также воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ — на роковомъ пути...
Человѣкъ до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти!
Но... молчи во гнѣвѣ справедливомъ!
Ни людей, ни вѣка не кляни:
Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни...

Однако же такое воздержаніе отъ борьбы, такая готовность, ради самосохраненія, опустить свое знамя передъ силами тьмы, которыхъ не одолѣешь, такое малодушное настроеніе — только краткосрочный припадокъ. Существуетъ надежный изъ него выходъ:

Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ...

Только поэтъ нашъ увѣряетъ себя, что онъ никогда не владѣлъ этою способностью, и потому-то портреты преждевременно сгибшихъ друзей и теперь, не смотря на испытанье тяжелымъ недугомъ, всетаки укоризненно смотрятъ на него со стѣнъ. Поэтъ нашъ увѣренъ, что не только они, но и другой судья — гражданинъ-читатель хорошо знаютъ, что въ немъ нѣтъ силъ героя:

Тотъ не герой, кто лавромъ не увитъ
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя...

Такое самосознаніе и съ тою же самою искренностью и простотой, съ тѣмъ же отсутствіемъ всякаго щегольства въ раскаяніи, сказывалось у него нерѣдко и прежде. И стихи, въ которыхъ оно у него нерѣдко сказывалось, всегда принадлежали къ лучшимъ, самымъ задушевнымъ его стихамъ. И всегда, когда они нами читались, мы вкладывали въ нихъ нашу собственную, нашу общую исповѣдь; читая: *я*, мы внутренно понимали: *мы*. Самоосужденье поэта, всегда говорили мы, *наше*, только въ немъ оно глубже, живѣе, потому что поэтическая душа одарена большею чуткостью и что высокое призваніе поэта побуждаетъ его къ большей требовательности отъ самого себя. И въ прежнее время, почти всякій разъ, когда поэтъ нашъ выражалъ глубокое недовольство самимъ собою, предъ нимъ носился образъ существа, благословлявшаго его на иную, высшую долю. Этому свѣтлому существу посвящена имъ теперь поэма, остававшаяся съ давнихъ поръ за нимъ... Онъ говоритъ:

...Мечусь въ безпамятствѣ, въ бреду!
Хаосъ! Едва мерцаетъ умъ поэта,
Но юности священнаго обѣта
Не совершивъ, въ могилу не сойду!
Поймутъ, иль нѣтъ, но будетъ пѣсня спѣта.

Поэтъ не увѣренъ въ томъ, поймутъ ли его, потому что:

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
Великое, святое слово: мать
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.

Но онъ — не боится «насмѣшливости модной» и, посвящая стихи своей «родимой», опять сливается въ чувствѣ, въ предметѣ любви, уваженья — съ народомъ. И стихи эти должны быть отнесены къ лучшимъ, когда-либо имъ написаннымъ. Сложивъ ихъ, пересиливая болѣзнь, въ честь той, которая, по словамъ его, «спасла въ немъ живую душу», онъ влагаетъ ей въ уста колыбельную пѣсню, которая должна убаюкать его на одрѣ болѣзни.

Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободный, гордый и счастливый
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Вмѣстѣ съ образомъ матери и въ прежнее время возникалъ передъ нашимъ поэтомъ другой — образъ «родины-матери», какъ онъ ее называетъ. И прежде нерѣдко винился онъ одновременно предъ обѣими. Теперь покойная мать, въ той же загробной колыбельной пѣсни, успокоительно обращается къ нему отъ имени живой, не умирающей матери родины:

Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...

Получивъ такое прощенье, можно умереть спокойно... Но вѣдь можно также жить, одолѣвъ недугъ... Отпраздновавъ и тѣлесное и душевное возрожденіе, можно еще послужить, и какъ послужить той же родинѣ!... Да благословитъ же на это мать своего выздоравливающаго сына!

О. Миллеръ.

* * *

Въ видѣ предисловія къ предыдущей статьѣ О. Миллера, въ журналѣ «Свѣтъ» помѣщена отъ редакціи журнала слѣдующая замѣтка:

*) «По мѣрѣ развитія общества, передовые кружки его болѣе и болѣе отходятъ отъ элементарныхъ, неразвитыхъ массъ. Но эти массы составляютъ тотъ корень и стебель, которыми держатся конечныя вѣтви. Приближаясь къ «общечеловѣческому» чуждому племенныхъ различій — это верхніе слои — начинаютъ смутно понимать, что почва уходитъ изъ подъ ихъ ногъ, что они отрываются отъ корней. Темныя, несознанныя симпатіи влекутъ ихъ къ этому элементарному міру, изъ котораго развились они сами или вышли нѣкогда ихъ отдаленные незнаемые родичи. Они скорѣе чувствуютъ, чѣмъ понимаютъ, что въ ихъ міросозерцаніи — огромные пробѣлы, что имъ только кажется, что эти пробѣлы наполнены чѣмъ-то неясно опредѣленнымъ, которое однако органически и логически вяжется съ общимъ строемъ этого односторонняго міросозерцанія. У массъ эти пробѣлы отданы тому широкому чувству, тѣмъ цѣль-

*) «Свѣтъ» 1877 г., № 5. («Послѣднія пѣсни» Некрасова) *Ред.*

нымъ твердымъ инстинктамъ, безъ которыхъ жизнь становится односторонней и невозможной. Вслѣдъ за этими инстинктами онѣ идутъ покорно, съ непоколебимой вѣрой въ ихъ правильность и непреложность. И этого твердаго пути недостаетъ интеллигентному, анализующему человѣку. Онъ яснѣе и яснѣе начинаетъ сознавать всю солидарность съ той почвой, на которой выросла его жизнь.

Прежде другихъ это сознаніе является въ сердцѣ поэта. Онъ передовой, онъ «запѣвало» въ строѣ общественнаго хора. Въ его душѣ звучатъ скорби и радости общества, его чувства и стремленія — цѣльныя и рѣзко выраженныя симпатіи и антипатіи общества, какъ огромное зажигательное стекло, онъ собираетъ въ своемъ психическомъ центрѣ все, что неясно расплывается въ колеблющихся чувствахъ современнаго общества, и это общество, отзывчивое на страстныя ноты своего руководителя, съ полной вѣрой и горячими симпатіями откликается на его страстныя, скорбныя пѣсни, отвѣчающія строю общества; оно слышитъ въ этихъ пѣсняхъ симпатіи къ массамъ, оно сочувствуетъ въ нихъ одному великому стремленію, всепоглощающему, всезахватывающему и всеоправдывающему. Это стремленіе идетъ впереди всего, какъ свѣтъ руководящій, и люди на своемъ условномъ, измѣнчивомъ, переходномъ языкѣ зовутъ этотъ свѣтъ: «*человѣчностью*».

Ред.

* * *

*) Нашъ знаменитѣйшій современный поэтъ, Некрасовъ, издалъ недавно новую книгу своихъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ три послѣдніе года до настоящаго 1877 г. включительно, въ томъ числѣ отрывки изъ лирической поэмы: «Мать» и сатирическую поэму «Современники» (въ двухъ частяхъ), въ которой бичуются новѣйшіе герои биржи и концессій. Входящія въ книгу, въ небольшомъ количествѣ, лирическія пьесы частью написаны имъ во время тяжкой болѣзни, какъ слышно, до сихъ поръ не покидающей поэта, къ огорченію его многочисленныхъ почитателей. Эти вдохновенія своей музы Некрасовъ назвалъ «Послѣдними пѣснями»... Желаемъ, чтобъ заглавіе книги не оправдалось на дѣлѣ, чтобъ энергическій,

---

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1877 г., № 145 («Литературная Лѣтопись». «Послѣднія пѣсни», стихотворенія Н. Некрасова. Статья В. М.).

благородный голосъ пѣвца продолжалъ слышаться между нами. Во всякомъ случаѣ, эта небольшая книжка какъ бы увѣнчиваетъ всю дѣятельность Некрасова, какъ бы налагаетъ на нее печать окончательной полноты и зрѣлости... Сдѣланъ, такъ сказать, новый, завершительный ударъ кисти, и нравственно-поэтическая физіономія пѣвца опредѣлилась еще тверже, еще яснѣе, еще выразительнѣе.

Эта книжка, въ библіографическомъ смыслѣ, служитъ дополненіемъ шести предшествующихъ частей сочиненій Некрасова, выходившихъ въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ годовъ. Поэтическая производительность — не скудная даже и по внѣшнимъ своимъ размѣрамъ!

Въ нашей, по необходимости сжатой, рецензіи мы не будемъ пытаться опредѣлять систематически значенія или общаго характера поэзіи Некрасова, и кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ замѣчаній объ его «Послѣднихъ пѣсняхъ», обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя, всего болѣе выдающіяся стороны его дѣятельности.

Самая рельефная черта некрасовской поэзіи обнаружится, если мы приведемъ себѣ на память то отношеніе, въ какомъ находились къ поэту разныя литературные партіи и лагери въ теченіе его долгой и популярной карьеры. Какъ только выяснился характеръ его поэзіи, какъ только онъ достигъ широкой и громкой извѣстности, столь широкой, что съ его популярностью, даже издалека, не могъ соперничать ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій, — тотчасъ же обозначились чрезвычайно несходные, даже прямо противуположные взгляды въ оцѣнкѣ его поэтической дѣятельности, въ признаніи размѣра и вѣскости его поэтическихъ заслугъ. Съ самаго же начала онъ выступилъ поэтомъ общественнымъ, былъ и стремился быть «поэтомъ-гражданиномъ», и въ этомъ отличіи его поэзіи таилось то яблоко раздора, которое, по отношенію къ нему, круто разъединило литературныя партіи.

«Муза мести и печали», какъ самъ поэтъ назвалъ свою поэзію, вызвала самое упорное разномысліе. Жаркіе его поклонники признавали въ немъ могучаго поэта, пѣвца протестующихъ чувствъ, истиннаго выразителя и пророка своего времени, съ его скорбными думами, съ его тревожнымъ озлобленіемъ и уныніемъ; другіе напротивъ, во имя высшихъ законовъ искусства и поэтическаго творчества, а еще чаще подъ вліяніемъ мелочнаго раздраженія и устарѣлыхъ идей, почти вовсе не хотѣли признавать въ немъ поэта и видѣли въ немъ только искателя популярности, который стремится

угождать извращенному вкусу, служа моднымъ направленіямъ и преходящимъ интересамъ минуты... Чтобъ показать, съ какою явною несправедливостью, съ какимъ предубѣжденіемъ, доходящимъ до чрезмѣрнаго озлобленія, судили противники Некрасова объ его поэзіи, мы приведемъ отзывъ одного изъ критиковъ «охранительнаго направленія» объ этой поэзіи, а именно отзывъ критика «Русскаго Вѣстника», г. А., высказанный четыре года тому назадъ. Изъ чувства справедливости, мы должны прибавить, что это мнѣніе было высказано въ то время, когда еще въ воздухѣ гудѣли отголоски жестокой борьбы, происходившей между «разрушителями эстетики» и поклонниками искусства для искусства, когда друзья «гражданскихъ идей» и гражданскихъ тенденцій въ литературѣ и поэзіи низвергали въ прахъ всѣхъ русскихъ поэтовъ, за изъятіемъ, кажется, одного Некрасова, который пользовался постоянною ихъ благосклонностью. Эта борьба еще не стихала тогда, еще копья усердно ломались соперниками, и къ ихъ спорамъ примѣшивалась струя обоюднаго презрѣнія и досады. Съ тѣхъ поръ до настоящей минуты миновало четыре года, въ которые утекло довольно-таки воды; господствующіе литературные взгляды ощутительно измѣнились. Объ отрицателяхъ поэзіи, видѣвшихъ въ ней пустую погремушку, стало совсѣмъ не слышно, теоріи ихъ какъ-то вдругъ обратились въ преданія прошлаго, и теперь, мы не сомнѣваемся, критикъ «Русскаго Вѣстника» иначе отозвался бы о поэзіи Некрасова, иначе, по крайней мѣрѣ, по манерѣ, по тону сужденій... Но тогда, — и пусть это будетъ матеріаломъ для литературной исторіи недавняго времени, — но тогда онъ не задумался напечатать гнѣвную, исполненную придирчивыхъ нападокъ статью. Въ этой статьѣ, характеристически озаглавленной: «Поэзія журнальныхъ мотивовъ», предубѣжденный цѣнитель утверждаетъ, что поэзія Некрасова постоянно искала сближенія съ господствующимъ журнальнымъ направленіемъ, черпая изъ него свои силы и вдохновенія, и изсякла какъ разъ въ то время, когда изсякло движеніе въ петербургской журналистикѣ, растерявшей своихъ наиболѣе бойкихъ представителей и замкнувшейся въ узкій кругъ законченнаго отрицанія. По его словамъ, поэтическая дѣятельность Некрасова двигалась постоянно рядомъ съ движеніемъ нашихъ журнальныхъ идей (а если бы и такъ, то развѣ это всегда должно было вредить его почти исключительно общественной поэзіи?) и наконецъ, вмѣстѣ съ ними, вступила въ періодъ неизлѣчимаго

безплодія. Некрасовъ, какъ думаетъ критикъ, принималъ впечатлѣнія жизни изъ вторыхъ рукъ, и по скольку они отражались въ потокѣ журнальныхъ идей, будто бы служившихъ для него единственною духовной пищею. Поэзія Некрасова, на взглядъ г. А., вырабатывалась въ редакціяхъ и постоянно служила какъ бы иллюстраціею направленій, попеременно смѣнявшихся въ извѣстной части журналистики. О колоритѣ «народности», присутствующемъ въ поэзіи Некрасова, критикъ отзывался, что это ряженая русская жизнь, что это поддѣльная народность, выражавшаяся только во внѣшнихъ примѣтахъ народности — сначала въ кумачевой рубашкѣ и въ плисовыхъ шароварахъ, въ ухорствѣ и бахвальствѣ, а затѣмъ, вмѣсто трактирной пѣсни, выставлявшая рубища и стоны бурлаковъ, тянущихъ лямку. Не менѣе суровъ, не менѣе безпощаденъ и приговоръ его о сатирѣ Некрасова. Онъ говорилъ, что въ этой сатирѣ отразился всецѣло, и пропиталъ ее своимъ крѣпкимъ запахомъ — петербургской букетъ, сложившійся изъ скуки чиновничьяго существованія и водевильныхъ развлеченій уличной трактирной жизни... Что остроуміе александринской сцены и развязная иронія, не чуждая разгильдяйства театральныхъ буфетовъ, окропила обильною струею эту часть петербургской сатиры. Въ видѣ поясненія, онъ прибавляетъ, что нерѣдко содержаніе Некрасовой сатиры замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ благонамѣренными отмѣтками уличныхъ листковъ, обличительное усердіе которыхъ такъ высоко цѣнится столичными дворниками и лавочниками. Поэтъ — читаемъ мы тамъ же — не брезгуетъ говорить своимъ «неуклюжимъ стихомъ» о неудобствѣ петербургскихъ мостовыхъ, о цвѣлой водѣ въ канавахъ и о дурномъ воздухѣ, какимъ дышатъ лѣтомъ столичные обыватели. Критикъ заключаетъ, что поэзія въ лицѣ Некрасова падаетъ окончательно и претерпѣваетъ величайшее униженіе, становясь подспорьемъ и случайнымъ орудіемъ «крохотныхъ журнальныхъ идеекъ». — «Вмѣсто Пушкина, восклицаетъ онъ, наше время даетъ намъ Некрасова»!...

Повторяемъ, въ этомъ отзывѣ сразу слышны пронзительныя ноты той безцеремонной и жесткой борьбы мнѣній, какая велась въ ту пору между защитниками гражданскихъ тенденцій въ искусствѣ и поклонниками чистой поэзіи. Но все-таки — вотъ яркій образчикъ непріязненныхъ некрасовской поэзіи взглядовъ.

Иначе относились къ поэзіи Некрасова люди, умѣвшіе сохранить спокойствіе и безпристрастіе даже въ самомъ разгарѣ борьбы, что

не мѣшало имъ отъ всей души, отъ всего сердца отстаивать знамя поэзіи и искусства. Къ такимъ людямъ принадлежитъ даровитый, весь отдавшійся литературнымъ интересамъ, критикъ Ап. Григорьевъ, статья котораго о Некрасовѣ появилась въ болѣе ранній періодъ (см. «Сборн. крит. ст. о Некрасовѣ», ч. 1-я, стр. 100). Онъ не оставался слѣпымъ къ недостаткамъ и слабымъ сторонамъ поэзіи Некрасова, но проникнутъ былъ глубокою симпатіею къ этой поэзіи и угадывалъ ея крупное общественное значеніе, хотя Некрасовъ едва перешелъ тогда за половину своей поэтической карьеры. Отмѣчая недостатки некрасовской поэзіи, онъ говорилъ, что въ ней, съ одной стороны есть желчныя пятна лихорадки, а съ другой (и это повторилъ за нимъ черезъ одиннадцать лѣтъ московскій критикъ) — водевильно-александринскія пошлости, оскорбляющія ея «возвышенный» строй. Онъ указывалъ на ея болѣзненные капризы, на то, какъ склонна она брать угрюмо-раздражительный тонъ, говорилъ, что одной поэзіи желчи, скорби, негодованія, за которою только и гнались черезчуръ рьяные поклонники некрасовской музы, слишкомъ мало для души человѣческой. Онъ осуждалъ въ этой музѣ неряшливость ея формы и высказывалъ, что Некрасовъ — пѣвецъ съ огромными средствами голоса, но съ попорченною манерою пѣнія, что вообще, эта «муза мести и печали» — великая, но попорченная народная сила. Но онъ же признавалъ въ поэтѣ громадныя достоинства, въ силу которыхъ пѣсни его дѣйствовали какъ событія на молодое читающее поколѣніе, и такъ же, какъ событія, «дразнили до пѣны у рта поколѣніе устарѣлое». Оцѣнивая его съ точки зрѣнія народности, Ап. Григорьевъ, какъ защитникъ почвы и духа народности, говорилъ, что Некрасовъ — человѣкъ съ народнымъ сердцемъ, человѣкъ закала Кольцова. Сопоставляя его, по значенію, съ Островскимъ и Кольцовымъ, проповѣдникъ «органической критики» замѣчалъ, что это — поэтическія натуры, вышедшія прямо и непосредственно изъ народа, сохранившія очевидныя примѣты кровной связи съ народомъ въ языкѣ и чувствахъ. Говоря объ отрицательно-сатирической струѣ его поэзіи, онъ напоминалъ, что поэты истинные служили и служатъ одному — идеалу, разнясь только въ формахъ своего служенія. Онъ думалъ, что поэты съ положительнымъ или отрицательнымъ направленіемъ своей поэзіи одинаково нужны человѣчеству, поясняя эту мысль сравненіемъ, — что путеводный идеалъ, какъ Іегова израильтянамъ, является днемъ въ столбѣ облачномъ, а ночью въ столбѣ огненномъ.

Однако, критикъ, въ своей статьѣ о Некрасовѣ, все-таки не зналъ, какъ помирить, въ отношеніи къ поэту, принципъ требованія художественности съ принципомъ служенія общественнымъ пользамъ и интересамъ времени, и признавался, что онъ не мечтаетъ найти всесторонній принципъ, примиряющій эти требованія.

Мы тоже не будемъ искать этого принципа, такъ какъ, думается, намъ его и нельзя найти, но вопросъ, поставленный Ап. Григорьевымъ, долженъ же имѣть какое-нибудь рѣшеніе, даваемое, если не теоріею, то практикою, — вопросъ, представляющійся вполнѣ неизбѣжнымъ, вполнѣ существеннымъ въ оцѣнкѣ поэзіи Некрасова.

Можно сказать, что въ этомъ здѣсь заключается весь нервъ дѣла, вся его суть. Вотъ собственно съ этой-то стороны мы и хотимъ бросить взглядъ на поэтическое творчество Некрасова.

Въ самомъ дѣлѣ, хорошо или дурно для поэзіи Некрасова, что въ ней такъ сильно и рѣзко отразились всѣ интересы и треволненія современности? уменьшаетъ ли это внутреннюю ея цѣнность, или, напротивъ, увеличиваетъ? Можно ли упрекнуть поэта за то, что онъ сочувствовалъ страдающимъ, что страданія и недуги, подмѣченные имъ въ окружающей дѣйствительности, были постоянною темою его пѣснопѣній? Что онъ стремился заклеймить все дурное и презрѣнное, оскорбляющее правду и совѣсть? Что онъ отдалъ весь свой талантъ на служеніе тѣмъ нуждамъ и пользамъ, о которыхъ всего громче вопіяла современная ему жизнь? за то, что въ немъ жило постоянное чувство протеста, желаніе лучшаго, «святое безпокойство?» Упрекать ли его за все это? Онъ самъ отвѣчаетъ на эти вопросы такими словами:

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая «страданія народа»,
И что поэзія забыть ее должна, —
Не вѣрьте, юноши! не старѣетъ она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвѣлъ бы божій міръ!... Увы! пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по скошеннымъ лугамъ,
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ прочнѣй, прекраснѣе союза!...
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра —
Чему достойнѣе служить могла бы лира?...

Я лиру посвятилъ народу своему.
Быть можетъ, я умру невѣдомый ему,
Но я ему служилъ и сердцемъ я спокоенъ...
Пускай наноситъ вредъ врагу не каждый воинъ,
Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...
Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленіи...
«Довольно ликовать въ наивномъ увлеченіи»,
Шепнула муза мнѣ: «пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?...»

Въ послѣдней книжкѣ своихъ стиховъ, онъ о томъ же предметѣ, говоритъ:

«Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ, — плохой я гражданинъ,
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?... На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ чего дождемся мы?...»

Неужели поэтъ долженъ проигрывать отъ того, что онъ посвящаетъ свою лиру самому возвышенному, самому прекрасному, чему только могутъ быть посвящены звуки лиры? Поэтъ сомнѣвается, чтобъ могла устарѣть тема о народныхъ страданіяхъ, выражая при этомъ желаніе, къ которому, разумѣется, примкнетъ всякій, чтобъ она скорѣе состарилась... Конечно, и мы не ожидаемъ скораго наступленія золотого вѣка Астреи, но дѣло въ томъ, что народныя страданія, воспѣваемыя поэтомъ, имѣли, такъ сказать, спеціальную, преходящую историческую форму — форму крѣпостного права, вмѣстѣ съ тягостями переходнаго состоянія наступившими за упраздненіемъ этого права. Это наложило также исключительный, спеціальный отпечатокъ на поэзію Некрасова, на сколько она касается быта народной массы. Въ большинствѣ своихъ стихотвореній, написанныхъ въ народномъ тонѣ, онъ прямо или косвенно задѣваетъ эту тему. Мы встрѣчаемся съ нею какъ въ первыхъ его пьесахъ народнаго пошиба: «Тройка», «Огородникъ», такъ и въ позднѣйшихъ: «Забытая деревня» и проч.... Наконецъ, въ его большой крестьянской поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо», гдѣ тоже преобладаютъ мотивы, вращающіеся возлѣ крѣпостного права, хотя

дѣйствіе поэмы происходитъ въ эпоху реформенную. Понятно, что съ устраненіемъ, изъ общественнаго строя, коренныхъ причинъ, возбуждавшихъ подобное настроеніе въ поэтѣ, неизбѣжно тускнѣютъ, теряютъ свою свѣжесть и тотъ колоритъ и тѣ формы, въ которыхъ его поэзія отражала отжившее историческое явленіе.

Это нимало не говоритъ противъ законности чувствъ поэта, въ которомъ здѣсь такъ очевидны искренность и одушевленіе, но не можетъ не причинять ущерба долговѣчности его поэзіи, продолжительности ея животрепещущаго интереса для общества. Человѣчный, свободный духъ, руководившій поэтомъ, не умретъ, но формы, но реальное содержаніе поэзіи быстро ветшаютъ. Впрочемъ, многое въ дѣлѣ долговѣчности поэзіи зависитъ отъ художественности формъ, но эта художественность много страдаетъ у Некрасова. У него рѣдко можно найти строго художественныя вещи, да и самъ поэтъ мало претендуетъ на эту художественность. Въ этомъ отношеніи онъ даже строже судитъ о себѣ, чѣмъ можетъ согласиться съ нимъ безпристрастный критикъ. Свой всюду выразительный, энергическій стихъ онъ называетъ «суровымъ и неуклюжимъ, тягучимъ» стихомъ; онъ говоритъ, что элегіи его не новы, поэмы безтолковы, что сатиры его чужды красоты, что вообще нѣтъ въ немъ свободной поэзіи, творящаго искусства. Къ сожалѣнію, со многимъ здѣсь нельзя не согласиться; но самъ поэтъ, какъ замѣчено, желалъ быть не поэтомъ художникомъ, а поэтомъ гражданиномъ, какъ онъ и высказалъ это въ своемъ мужественномъ и прекрасномъ стихотвореніи, гдѣ передается бесѣда между поэтомъ и гражданиномъ... Онъ хочетъ, чтобъ и судилъ его не критикъ-эстетикъ, а читатель-гражданинъ. Онъ говоритъ:

Но мой судья — читатель-гражданинъ,
Лишь въ судъ его храню слѣпую вѣру.
Суди же ты, кѣмъ взысканъ я не въ мѣру!

Въ названномъ сейчасъ стихотвореніи онъ непосредственно возражаетъ на знаменитое стихотвореніе Пушкина «Чернь», въ которомъ нашъ геніальный поэтъ тридцатыхъ годовъ, негодуя на порочность бездушной толпы, высказываетъ, что поэзія не должна служить интересамъ дня, требованіямъ практической морали и пользы, что поэты рождены для вдохновенія, мира и сладкихъ звуковъ. Некрасовъ же такъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію:

А ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ,
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди;
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль ихъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви...

Кто же правѣе: Пушкинъ или поэтъ, вдохновляемый музою скорби? Или это только субъективные взгляды, не имѣющіе принципіальнаго значенія? Нѣтъ, здѣсь выражаются мысли, неизбѣжно представляющіяся поэту въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности. Безъ сомнѣнія, Пушкину можно повѣрить, когда онъ опредѣляетъ намъ натуру поэта, — онъ зналъ это лучше всякаго другого, — и вотъ онъ свидѣтельствуетъ, что поэты рождены для провозглашенія вѣчныхъ, высокихъ истинъ, для сладкихъ звуковъ, умиляющихъ душу и приводящихъ ее къ гармоніи, — тѣмъ болѣе можно ему повѣрить, что вѣдь и всѣ люди рождены для мира, для свѣтлыхъ, добрыхъ чувствъ, а не для злобы, вражды или мести...

Но пока между людьми много зла, пока оно могущественно въ мірѣ, пока оно отравляетъ сердце людей и не позволяетъ жить въ мирѣ и ощущать сладость и наслажденіе бытія, до тѣхъ поръ, развѣ не такъ же законны, какъ и пѣсни мирнаго вдохновенія чувства благороднаго гнѣва, бурнаго, кипящаго негодованія противъ зла, всѣ чувства, порождаемыя борьбою противъ бѣдствій, угнетающихъ и искажающихъ человѣка?

Останется ли поэтъ нечувствительнымъ ко всему этому? Особенно можетъ ли онъ остаться равнодушнымъ въ тревожныя эпохи народной жизни, эпохи перелома, переворотовъ, когда въ обществѣ пробуждается неодолимая потребность лучшаго, когда съ необычайною живостью сознаются болѣзни и темныя стороны настоящаго, когда зло становится нестерпимѣе, и иное, лучшее тѣмъ желаннѣе, — какова и была та эпоха преобразовательныхъ стремленій и самихъ преобразованій, въ которую довелось жить Некрасову, и къ которой относится содержаніе его творчества? Впечатлительная душа

поэта всего болѣе доступна этимъ треволненіямъ и вѣяніямъ времени... Водоворотъ событій, идей, интересовъ, направленій захватываетъ его въ себя, все потрясаетъ его, волнуетъ, требуетъ отзыва и отголоска. Ему некогда, да и нельзя разбирать, что въ этихъ шумящихъ вокругъ интересахъ дѣйствительно важно, что нѣтъ, гдѣ и въ чемъ преходящіе, или даже минутные интересы, гдѣ, съ другой стороны, болѣе прочные, болѣе жизненные задатки...

Иногда незначительное увлекаетъ его наравнѣ съ значительнымъ, событія бываютъ поняты имъ односторонне, онъ увлекается въ исключительныя тенденціи, задается чисто утилитарными, а не поэтическими цѣлями, но современники ждутъ и требуютъ, чтобъ онъ жилъ современными ему интересами, и онъ выполняетъ эти требованія, часто въ ущербъ своей поэзіи. Онъ служитъ времени и является вполнѣ сыномъ времени. Поэзія его страдаетъ, но гражданскій духъ, духъ освобожденія и протеста ярко въ ней выступаетъ. Таковъ и Некрасовъ. Въ поэзіи его встрѣчаются неровности, шероховатости, грѣхи противъ художественной формы и законовъ искусства: нѣтъ высшей художественной чеканки, многое высказывается какъ будто второпяхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: нужно спѣшить, нужно не запоздать отголоскомъ на то, или другое явленіе, которымъ заняты современники, нужно, чтобъ «кипѣла живая кровь», хотя бъ страдало искусство. Поэтъ прежде всего хочетъ быть борцомъ, стремится ратовать противъ того, что представляется ему темнымъ, гнетущимъ, злымъ, и борьба его дѣйствительно неутомима, сильна...

Горячее слово его находитъ отвѣтъ въ сердцахъ, современники ему рукоплещутъ... Его превозносятъ — и справедливо — какъ глашатая и выразителя думъ и стремленій эпохи... Но эпоха измѣняется, исторія принимаетъ другой оборотъ, измѣняется настроеніе общества, и дѣятельность поэта представляется уже въ иномъ свѣтѣ. Многое въ ней оказывается отжившимъ свое время, поблекшимъ; всѣ художественные грѣхи рѣзче выступаютъ наружу, и поэзія, которая еще такъ недавно безусловно плѣняла общество, жившее подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій, направлявшихъ эту поэзію, видимо обнаруживаетъ свои границы... Но виноватъ ли въ этомъ поэтъ? Онъ честно и горячо служилъ своему времени и помогалъ, насколько было въ его силахъ, подниматься обществу на слѣдующую, высшую ступень гражданственности. Какъ поэтъ, онъ дѣлается от-

части жертвою времени, увлекшись его борьбами. Повидимому, самъ Некрасовъ, очень часто цѣнящій себя съ необыкновенною строгостью и съ большою критическою чуткостью, сознаетъ это. Уже давно онъ высказался о своихъ стихахъ, что не льстится надеждою на сохраненіе ихъ въ народной памяти... Въ «послѣднихъ пѣсняхъ» онъ прямо высказываетъ, что «борьба мѣшала ему быть поэтомъ», выражая это слѣдующими стихами:

Ты еще на жизнь имѣешь право,
Быстро я иду къ закату дней.
Я умру — моя померкнетъ слава,
Не дивись — и не тужи о ней!
Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Въ тѣхъ же пѣсняхъ, предрекая себѣ скорую смерть, онъ говоритъ:

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ:
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Мы не будемъ разбирать насколько правъ поэтъ, печалясь о томъ, что стихи его чужды народу. Поэтому поводу мы припомнимъ только еще одно замѣчаніе покойнаго Ап. Григорьева — что если принимать народность поэта въ смыслѣ доступности его твореній пониманію народной массы, то въ этомъ случаѣ никто изъ нашихъ художественныхъ поэтовъ, за исключеніемъ, и то условнымъ, одного Кольцова, не можетъ назваться народнымъ, потому что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Гоголь не интересуютъ народа и остаются ему чужды. Мы обращаемъ въ приведенныхъ стихахъ вниманіе только на то самое сознаніе поэта, что «борьба мѣшала ему быть и поэтомъ». Да, это сознаніе не обманчиво, и едва ли результатъ пережитой имъ борьбы могъ быть инымъ, потому что невозможно представить себѣ, чтобъ органически слились разнородные элементы — чтобъ элементы чистой поэзіи и общественные запросы современности, со всѣми ея задачами, колебаніями и односторонностями, могли вполнѣ дружно ужиться вмѣстѣ. Поэзія едва ли можетъ выходить безнаказанною изъ такого испытанія.

И однако Некрасовъ — истинный поэтъ, обладающій неподдѣльнымъ поэтическимъ даромъ. Мы не будемъ выдѣлять и указывать въ его поэзіи все, что уже утратило интересъ современности, не сохранивъ за собою интереса художественнаго. Что многія изъ его произведеній сдѣлались только литературно-историческимъ фактомъ — это и безъ особенныхъ критическихъ указаній болѣе или менѣе чувствуется читателемъ. Но мы знаемъ также, что въ массѣ его произведеній есть истинно поэтическія, истинно прекрасныя вещи, которыя долго будутъ памятны и на которыхъ лежитъ печать сильнаго, вполнѣ оригинальнаго, самобытнаго таланта. Назовемъ наудачу прекрасныя пьесы: «Школьникъ», «Дядя Власъ», «Въ больницѣ»... Есть превосходныя мѣста въ его первыхъ петербургскихъ сатирахъ «О погодѣ», въ лирической комедіи «Медвѣжья охота», гдѣ встрѣчается замѣчательный юмористическій образъ либерала сороковыхъ годовъ, который послужилъ для г. Достоевскаго схемою при созданіи одного изъ удачнѣйшихъ характеровъ (Степана Трофимовича Верховенскаго) въ его романѣ «Бѣсы». Сюда же относятся: цитированное нами стихотвореніе: «Поэтъ и Гражданинъ», важное и замѣчательное по своей идеѣ, и еще нѣсколько другихъ, лирическихъ и повѣствовательныхъ.

«Послѣднія пѣсни», къ которымъ мы теперь переходимъ, можно сказать, обогатили поэтическій вѣнокъ Некрасова свѣжимъ и новымъ лавромъ. Быть можетъ, здѣсь онъ обнаружилъ болѣе поэтической тонкости, болѣе поэтическаго полета, чѣмъ во всѣхъ своихъ предшествующихъ трудахъ. Мы однако же исключаемъ отсюда двѣ сатирическія поэмы, которыя написаны въ обычной сатирической манерѣ Некрасова, т.-е. съ избыткомъ частныхъ фактовъ, случайныхъ чертъ чисто временнаго характера, не возведенныхъ въ общее, такъ что эти поэмы, не чуждыя счастливыхъ мѣстъ, неудовлетворительны въ художественномъ отношеніи. Но лирическія стихотворенія, вообще очень скудныя по количеству, и нѣкоторыя строфы изъ поэмы «Мать», о которой, впрочемъ, трудно судить, при ея настоящей отрывочности, написаны съ горячимъ, порывистымъ чувствомъ и порою въ очень изящныхъ, привлекательныхъ формахъ. Лучшія страницы этихъ «Послѣднихъ пѣсенъ» отмѣчены поэтическимъ отблескомъ, который вообще рѣдокъ въ Некрасовѣ. Какъ граціозны, какой поэтической грусти исполнены, напр., его «Три элегіи», въ которыхъ онъ вспоминаетъ о своей прошлой любви, о своей, судя по

этимъ стихамъ, роковой, единственной въ жизни, глубокой сердечной привязанности. Но онъ былъ покинутъ; та, которая любила его, ушла въ «дальніе края», и онъ горько оплакиваетъ свое одиночество, припоминая, какъ нанесла ему «смертельный ударъ» та рука, которая ласкала его. Онъ чувствуетъ однако, что ушедшая не можетъ вовсе забыть его, такъ же какъ и онъ не въ состояніи изгнать ее изъ своего сердца. Ихъ связываетъ хотя горькое, но неистребимое воспоминаніе о прежнемъ ихъ чувствѣ...

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили,
Что было лучшаго у насъ —
Мы на одинъ алтарь сложили,
И этотъ пламень не угасъ!

Но вотъ съ неодолимою силою пахнуло на него памятью прошлаго:

Бьется сердце безпокойное,
Отуманились глаза,
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло какъ гроза.

Въ тоскѣ, въ томленіи онъ зоветъ къ себѣ свою дальнюю, желанную страницу, но это только томительный страстный порывъ, отъ котораго еще усиливается душевная пустота... Но нельзя подавить и заглушить въ себѣ этихъ сердечныхъ влеченій. Жизнь прожита, впереди могила, а сердце не унимается и ищетъ любви, которой нѣтъ конца... Въ чемъ же здѣсь тайна? Неужели потери, разбитыя упованія не могли очерствить, окаменить сердце? Съ увлекающею задушевностью поэтъ говоритъ:

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣетъ голова.
Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она не далека...
Зачѣмъ же ты, о, сердце, не миришься
Съ своей судьбой?.. О чемъ твоя тоска?..
Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день – сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима
Мечта любви, незнающей конца?..
Усни... Умри!..

Но эта мечта не умретъ, потому что она нераздѣльна съ безсмертною природою... Приведемъ еще слѣдующія, проникнутыя горячимъ чувствомъ, строки изъ поэмы «Мать»:

И если я стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды;
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви, глубокія черты —
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Торжественнымъ чувствомъ, напоминающимъ похоронный реквіемъ, звучитъ также его пѣснь «Баюшки баю», и гдѣ, вопреки своимъ прежнимъ предсказаніямъ, поэтъ надѣется, что пѣсни его пройдутъ въ народъ и прозвучатъ надъ Волгою, надъ Окою и Камою.

Въ заключеніе, не касаясь вопроса о народности Некрасова, скажемъ, что, по нашему убѣжденію, поэзія его получитъ значительное, видное мѣсто въ исторіи нашего литературнаго развитія. Если никто не назоветъ его великимъ поэтомъ, то всякій признаетъ, что это безспорно высокодаровитый поэтъ. Значеніе его въ томъ, что онъ поддерживалъ своимъ талантомъ стремленія къ обновленію и духъ обновленія, когда начались преобразованія въ русской жизни... Онъ, какъ поэтъ, помогалъ движенію общества, и нужно признать, что онъ, дѣйствительно, заслуживаетъ названіе «поэта-гражданина». Тенденціозность вредила его поэзіи, какъ вредили ей мрачная настроенность и тѣ желчныя пятна лихорадки, на которыя указывали прежніе критики... Но эта горечь была вынесена имъ изъ горькихъ впечатлѣній дѣйствительности, тѣхъ впечатлѣній, которыя заставили поэта сказать, что для него молодость не была праздникомъ жизни. Въ историческомъ движеніи нашей поэзіи, значеніе его выразится тѣмъ, что отнынѣ духъ свободы, достоинства свободной личности, приведшій насъ къ преобразовательному періоду и нашедшій себѣ самое сильное поэтическое выраженіе въ Некрасовѣ, сдѣлается всегдашнимъ достояніемъ нашей поэзіи и войдетъ, какъ непремѣнная стихія, въ дѣятельность всѣхъ послѣдующихъ поэтовъ, будутъ ли они поэтами субъективными или

объективными, будутъ ли посвящать свои таланты общественнымъ явленіямъ или внутреннему, психическому міру человѣка. Это сдѣлается ихъ естественною, природною принадлежностью. Въ указанномъ смыслѣ, наша поэзія, благодаря Некрасову, сдѣлала шагъ впередъ, и шагъ твердый, безповоротный, а это большая заслуга, достойная всякой благодарности.

В. М.

* * *

*) Запоздавшая мартовская книжка «Отечественныхъ Записокъ» содержитъ въ себѣ два стихотворенія г. Некрасова, изъ которыхъ послѣднее — «Мать», хотя состоитъ изъ отрывковъ, мало между собою связанныхъ, имѣетъ довольно значительный объемъ. Еще раньше, чѣмъ появиться въ журналѣ, оно вышло въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи «Послѣднихъ пѣсенъ», составляющемъ дополнительный томъ къ полному собранію стихотвореній поэта. Читатели знаютъ изъ газетъ, что здоровье г. Некрасова поправляется, и что этимъ «Послѣднимъ Пѣснямъ», по всей вѣроятности, не суждено оправдать своего заглавія. Тѣмъ не менѣе тяжелый недугъ, перенесенный поэтомъ, видимо отразился на его талантѣ, сообщивъ ему печать искренности, которой ему всегда недоставало. Мы, конечно, разумѣемъ искренность настоящую, а не напускную, искренность выстраданной скорби, прорывающуюся глубокими грудными звуками. Такія звуки слышатся въ стихотвореніи: «Баюшки-баю»:

Непобѣдимое страданье
Неутолимая тоска...
Влечетъ, какъ жертву на закланье,
Недуга черная рука.

Поэтъ призываетъ свою музу: «Гдѣ ты, о муза? Пой какъ прежде!» Но муза приходитъ къ нему на костыляхъ сказать: «умремъ!» У нея «нѣтъ больше пѣсенъ, мракъ въ очахъ»...

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучитъ... смолкаетъ... и затихъ...
И нѣтъ ея, моей всесильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.

---

*) „Русскій Міръ“ 1877 г., № 108. (Литературное Обозрѣніе. Еще „Послѣднія пѣсни“ г. Некрасова. Статья W.)

Только голосъ матери слышится поэту передъ этой «ночью непробудной». Онъ внимаетъ ея тихому «Баюшки-баю»:

«Пора съ полуденнаго зноя!
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Пріими трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужъ ты не рабъ — ты царь вѣнчанный;
Ничто не властно надъ тобой!
Не страшенъ гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома;
Не бойся цѣпи и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.
Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою.
Баю-баю-баю-баю!»

Значительными поэтическими достоинствами отличаются также отрывки изъ поэмы «Мать». Къ сожалѣнію, отрывочность напечатаннаго вредитъ впечатлѣнію — тѣмъ болѣе, что въ содержаніи этой поэмы есть кое-что странное, не выясняющееся съ перваго раза. Насколько въ это произведеніе вошелъ элементъ субъективный и автобіографическій, мы судить не можемъ, и потому должны разсматривать его, какъ обыкновенный продуктъ поэтическаго творчества. Мысль произведенія — признательность памяти матери, укрощавшей своимъ вліяніемъ грубый и жестокій нравъ отца и воспитавшей въ ребенкѣ «живую душу»:

Твой властелинъ — наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ —
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

Покамѣстъ читатель еще не находитъ тутъ ничего «страннаго» кромѣ того, что лицо, отъ котораго написана поэма, подвергаетъ довольно рѣзкому публичному суду своего родного отца. Но вотъ

что странно. «Мать» была полька, вышедшая замужъ за русскаго, вопреки волѣ родителей. По смерти ея, въ ея бумагахъ сохранилось письмо матери, дышащее ненавистью и презрѣніемъ къ Россіи. Въ этомъ письмѣ говорится, что ея «косы не станетъ на полгода», потому что девизъ русскихъ — «любить и бить»; въ этомъ письмѣ выражается сомнѣніе, умѣетъ ли русскій офицеръ подписать свое имя; въ этомъ письмѣ русская жизнь изображается слѣдующими строками:

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди-дикари,
А жены ихъ безграмотныя дуры...
Сегодня пиръ... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самаго разгара
Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
Валится рабъ... засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

Предсказаніе сбывается — участь польки въ русской семьѣ оказывается еще ужаснѣе, чѣмъ изображаютъ ее эти строки. Бѣдная «мать» томится двадцать лѣтъ въ когтяхъ русскаго дикаря, и единственнымъ утѣшеніемъ ей служитъ слѣдующая мысль:

«Несчастна я, терзаемая другомъ,
Но предъ тобой — о женщина — раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба — завидная судьба!»

Не правда ли, очень странно? Мы нисколько не желаемъ оспаривать, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ русская жизнь отличалась грубостью; что крѣпостное право, псари, палки играли въ ней большую роль; но развѣ польское общество было когда-нибудь впереди насъ со стороны человѣчнаго отношенія къ народу, къ крестьянству? Развѣ не русская власть надѣлила польскихъ крестьянъ землею? Развѣ не въ польскихъ губерніяхъ крѣпостное право вело къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ? Развѣ не у поляковъ народъ называется «быдломъ»? Да и помимо крестьянскаго вопроса, провинціальные и деревенскіе нравы въ Польшѣ въ двадцатыхъ годахъ едва ли въ какомъ-нибудь отношеніи были культурнѣе нашихъ: тѣ же псари, тѣ же плети, то же пьянство и развратъ — и, разумѣется, какъ тамъ, такъ и здѣсь, много свѣтлыхъ исключеній изъ общаго порядка. Культурное первенство Польши

окончилось вмѣстѣ съ XVIII вѣкомъ, и съ тѣхъ поръ въ культурныхъ вопросахъ поляки постоянно отстаютъ отъ насъ, не смотря на то, что до 1831 года они пользовались благопріятными условіями для внутренняго національнаго развитія. Поэтому скорбь о рабѣ, согнувшемся надъ плугомъ, совсѣмъ не польская скорбь.

W.

* * *

*) Лучше или хуже Некрасову? Скоро ли встанетъ онъ съ возобновленными силами? Вотъ что хочетъ знать вся грамотная, вся серьезная, вся мыслящая Россія. Даже чиновничій Петербургъ — и тотъ справляется о здоровьи поэта, соболѣзнуетъ его томительнымъ, нестерпимымъ страданьямъ, которыя тянутся почти цѣлый годъ!... Вѣсть о его тяжкой болѣзни проникла всюду — и вездѣ, прежде всего, молодежь шлетъ ему самыя горячія симпатіи и пожеланія. Передъ нами безхитростное стихотворное посланіе харьковскихъ студентовъ. Они призываютъ поэта къ жизни и творчеству, и не хотятъ, чтобы онъ считалъ себя чуждымъ «народу», какъ онъ это горько выразилъ въ одной изъ своихъ «послѣднихъ пѣсенъ», написанныхъ въ рѣдкіе роздыхи неумолимаго недуга:

Скоро стану добычею тлѣнья,
Тяжело умирать, хорошо умереть,
Ничьего не прошу сожалѣнья,
Да и некому будетъ жалѣть.
Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ;
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Приговоръ безпощадный, и суровость его бросилась всѣмъ въ глаза, въ особенности съ заключительнымъ, еще болѣе надсаднымъ аккордомъ, раздавшимся въ стихотвореніи: «Друзьямъ».

Я примирился съ судьбой неизбѣжною,
Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
Невыносимую муку кромѣшную!

---

*) «Нашъ Вѣкъ» 1877 г., № 13 (Поэтъ народной скорби).

Жадно желаю скорѣй умереть.
Вамъ же — не праздно, друзья благородные,
Жить и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути...

Тутъ, поэтъ опять дѣлаетъ косвенный упрекъ самому себѣ. — «Пишите и работайте (хочетъ онъ сказать друзьямъ) — не такъ, какъ я, постарайтесь о томъ, чтобы «лапти народные» проторили тропу къ вашей могилѣ, чтобы тѣ, кто ихъ носитъ, знали васъ еще при жизни вашей». И молодежь это болѣзненно тронуло. Она шлетъ больному поэту посланіе, прямо говорящее ему: *какъ* онъ ошибается!

Напрасно мнишь, что ты и жилъ
И умираешь — не любимъ
Никѣмъ, что рокъ тебѣ судилъ
Народу быть всегда чужимъ.
Пѣвецъ народныхъ золъ и бѣдъ,
Пѣвецъ крестьянскаго труда,
Ты былъ намъ дорогъ съ дѣтскихъ лѣтъ —
И будешь дорогимъ всегда.
И наша «сѣрая» толпа
Тебя когда-нибудь прочтетъ,
Отъ «лаптя» бѣднаго тропа
Къ тебѣ, повѣрь, не зарастетъ.
На пѣсни скорбныя твои
Мы шлемъ сердечный нашъ отвѣтъ:
На пользу родины живи,
Живи, любимый нашъ поэтъ!

Сколько мы помнимъ, въ нашей общественной жизни не была еще проявлена такъ ярко связь между писателемъ и публикой. Тутъ почувствовалась нота давнишняго сердечнаго пониманія. Оно-то и сказалось въ безъискусственномъ стихотвореніи.

«Не смущайся, говоритъ выразитель симпатій молодежи, не смущайся тѣмъ, что *теперь* тебя не знаетъ и не читаетъ сѣрый людъ. Настанетъ время, когда вся трудовая народная масса будетъ повторять твое имя».

Въ этомъ отвѣтѣ — настоящая правда. И никакому поэту, проникнутому любовью къ народу, не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что онъ не сдѣлался пѣвцомъ «народнымъ» въ тѣсномъ смыслѣ. Довольно и того, что онъ, чувствуя конецъ своего поприща, можетъ

глядя въ будущее, призывать своихъ собратовъ къ долгому труду духовнаго посѣва на нивѣ народной, если онъ такъ горячо и твердо взываетъ къ нимъ:

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты что-ли находишь безплодную,
Худы ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? Слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!...

Это такъ ясно, просто, цѣльно, что никакія горкія самообличенія поэта не смутятъ тѣхъ, кто вѣритъ его внутреннему чувству. И самая послѣдняя изъ всѣхъ напечатанныхъ пѣсенъ, стихотвореніе «Приговоръ», написанный въ ночь съ 7 на 8 января, выдаетъ завѣтную думу поэта, его отпоръ всѣмъ тѣмъ, кто не признаетъ за русскими дѣятелями мысли и слова — ни заслуги, ни связи съ народомъ, ни какого-либо вліянія и высокой цѣли.

«...Вы въ своей землѣ благословенной
Паріи, — не знаетъ васъ народъ,
Свѣтскій кругъ, бездушный и надменный,
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.
И звучитъ безцѣльно ваша лира,
Вы — пѣвцами темной стороны,
На любовь, на уваженье міра,
Не стяжавши права, рождены!...»
Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь западъ говоритъ,
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ... Но родина молчитъ...

Опять горькая заключительная нота. Поэтъ возмутился тѣмъ именно, что въ одной изъ «послѣднихъ пѣсенъ» самъ выразилъ въ видѣ приговора цѣлой пережитой жизни — и тутъ же кончилъ возгласомъ: «родина молчитъ!» Тяжелъ такой разладъ. Съ нимъ

нестерпимо доживать. Но этотъ разладъ — только кажущійся. Если что подкрѣпляетъ поэта, то, конечно, сознаніе цѣльности, силы и народности его дѣла... Вотъ это-то «дѣло» и пришла пора освѣтить заново.

Фигура Некрасова, среди русской дѣйствительности послѣдняго тридцатилѣтія, стоитъ особнякомъ, ярко, своеобразно, съ рѣзкими контурами, и на фонѣ, присущемъ только ей одной. Но она — окрашиваетъ цѣлую эпоху и находится въ кровной связи съ лучшими упованіями нѣсколькихъ поколѣній... Даже отрицательныя стороны творчества поэта — и тѣ сдѣлались достояніемъ этихъ генерацій, вошли въ плоть и кровь ихъ, вызвали въ нихъ разныя полосы умственныхъ настроеній.

Въ Некрасовѣ сатирикъ не переставалъ бороться съ истиннымъ лирическимъ поэтомъ и очень часто вытѣснялъ поэта. Этому многіе были даже рады. Публика съ конца пятидесятыхъ годовъ сдѣлалась падка на обличенье. И удивляться такому пристрастію нечего. Да и въ самомъ поэтѣ слишкомъ накипѣла жолчь гражданина, слишкомъ долго долженъ онъ былъ молчать на извѣстныя темы, чтобы не дать волю своему гражданскому негодованію и не облекать въ форму сатирическихъ обличеній свое внутреннее чувство, свой даръ поэтическихъ образовъ. Но онъ, съ первыхъ шаговъ своихъ, зналъ, что онъ поэтъ, а не другое что, даже и въ тотъ моментъ, какъ восклицалъ:

«Умолкни, муза мести и печали!»

Общія эстетическія опредѣленія будутъ всегда ошибочны или безсодержательны, если не взглянуть на то, какъ человѣкъ прожилъ свой вѣкъ. Личная судьба Некрасова — вся въ его пѣсняхъ и сатирахъ, болѣе чѣмъ у кого-либо изъ его сверстниковъ. Не виноватъ онъ въ томъ, что случаю угодно было произвести его на свѣтъ въ средѣ деревенскаго барства. Много горя принесъ ему тотъ міръ крѣпостничества и распущенной грубости, гдѣ прошло его дѣтство и отрочество; но спрашивается: могъ ли бы онъ, родившись въ другой средѣ, сыномъ крестьянина, мѣщанина или купца — такъ скоро осмыслить разладъ между окружающимъ и своими идеалами? Да и самые идеалы могли ли бы такъ рано зародиться въ душѣ даровитаго отрока и юноши? Врядъ ли. Какъ ни талантливъ былъ Кольцовъ, какъ ни чисты были его поэтиче-

скіе помыслы, онъ не былъ въ силахъ до самой смерти освободить себя вполнѣ отъ всѣхъ путей пошлой, подавляющей среды; онъ не съумѣлъ и не смогъ уйти изъ нея; а Некрасовъ сдѣлалъ это, и потому именно, что контрасты правды и безправія были слишкомъ ярки въ томъ, что его окружало и онъ самъ могъ ранѣе развиться, чѣмъ любой мальчикъ въ крестьянской или разночинской семьѣ. Да и вообще наивно предполагать, что только человѣкъ «изъ народа» можетъ знать и чувствовать всю скорбную суть народной жизни, одушевляться настоящими симпатіями и сохранить поэтическую связь съ природой. Въ каждой европейской литературѣ вы найдете поэтовъ, романистовъ, моралистовъ, положившихъ всѣ свои душевныя силы на дѣло народной правды, хотя и не выходили прямо изъ темной массы.

Сохранить цѣльность натуры — дѣйствительно трудно во всякой не чисто-народной средѣ; но безъ нравственнаго разлада нѣтъ и глубины сознанія, и ѣдкой горечи, и лирической силы, и озлобленія, необходимыхъ для глубокаго и продолжительнаго протеста, на который обрекъ себя поэтъ-гражданинъ!... Онъ разорвалъ связь съ той рабовладѣльческой тиной, куда другой бы на его мѣстѣ окунулся, и началъ одинокій и дѣйствительно горькій путь умственнаго пролетарія въ Петербургѣ. Въ сердцѣ его накипѣла уже ненависть въ ту пору, когда другіе молодые люди празднуютъ весну жизни; иначе бы онъ не воскликнулъ съ такой полнотой чувства:

«То сердце не научится любить,
«Которое устало ненавидѣть!»

Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ типъ литературнаго пролетарія народился; но въ годы юности Некрасова — только тѣ шли добровольно въ чернорабочіе умственнаго труда изъ дворянской среды, кто сознавалъ въ себѣ настоящую силу, и хранилъ свой идеалъ правды и независимости. Знаетъ ли читатель что Некрасову (такъ разсказываютъ люди той эпохи) приходилось писать все: куплеты, фельетоны, повѣсти, статьи — за *еженедѣльную плату* въ пять, въ десять рублей... Вотъ на какой сладкій путь попалъ онъ, не успѣвъ осуществить свою завѣтную мечту: пройти университетское ученье... Петербургъ сразу, безъ всякаго смягченія, сурово и бездушно схватилъ его въ свои когти и заставилъ отдавать за кусокъ хлѣба — юношескій пылъ знанія, любви, велико-

душныхъ порывовъ, поэтическаго творчества. Онъ потянулъ лямку, и рьяная и стойкая натура чувствовала, что она пробьется, что черной работѣ будетъ конецъ. Такъ оно и случилось. Печать петербургской борьбы и стяжанья осталась навсегда, но она же заставила поэта задѣть сразу такія ноты, которыхъ ждали всѣ: и добрый баринъ, и чиновникъ, и разночинецъ, и всякій городской голякъ, и забитая русская женщина.

Настоящій лиризмъ прорвался уже тогда, когда можно было сколько-нибудь пошире вздохнуть. А передъ тѣмъ слишкомъ назойлива была потребность, хоть въ искусственной, жесткой, или полузабавной, куплетной формѣ, да высказать долго накипавшій протестъ. Побужденіе было слишкомъ законно, а матеріалъ слишкомъ тяжелый, горькій, тусклый и надсадный, чтобъ поэзія, въ тѣсномъ смыслѣ, не пострадала... Съ годами должна была явиться привычка къ сатирическимъ мотивамъ, которымъ безсознательно жертвовались другіе образы, другое настроеніе, думы и упованія... Въ психологіи творчества — какъ и въ самой обыденной дѣятельности — привычка ведетъ къ цѣлому ряду умственныхъ движеній *по готовымъ русламъ*... И случалось, что, въ послѣдніе годы, публика и критика подмѣчали какъ-бы нѣкоторую преднамѣренность, дѣланность, писаніе на темы... Если оно и такъ было, то тутъ Петербургъ главный виновникъ. Но кто бы другой сохранилъ въ себѣ настолько душевныхъ силъ, чтобы развить свое народное чувство, не переставать питать и просвѣтлять его гуманными взглядами и симпатіями, углублять поэтическую почву народной жизни. Такой поступательный ходъ мы видимъ въ карьерѣ Некрасова, по крайней мѣрѣ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, съ половины сороковыхъ до семидесятыхъ годовъ. Начавъ съ небольшихъ вещей, съ разрозненныхъ картинокъ, онъ дошелъ до настоящихъ поэмъ, гдѣ и нужды сѣрой массы, и ея радости, и удаль, и органическая связь съ природой — все перевилось въ рядѣ образовъ, лирическихъ звуковъ, діалоговъ и драматическихъ сценъ. Откиньте тенденцію изъ большинства такихъ произведеній, если она вамъ не нравится — и все-таки останется богатое, разнообразное и поэтическое содержаніе, облеченное въ своеобразную, одному Некрасову принадлежащую, форму. Выражаясь такъ, мы употребляемъ только общедоступные термины; но давно пора-бы оставить этотъ избитый критическій дуализмъ, это дѣленіе на *содержаніе* и *форму*. Форма и есть содержаніе и на-

оборотъ. А объ Некрасовѣ это слѣдуетъ говорить болѣе, чѣмъ о комъ-либо. Его форма не въ однихъ ритмическихъ особенностяхъ, не въ предпочтеніи тѣхъ или иныхъ размѣровъ стиха; а въ соотвѣтствіи съ характеромъ его думъ, симпатій, народной рѣчи и народнаго чувства. Все это — психически неизбѣжно, разумѣется, тогда, когда мы имѣемъ дѣло не съ стихотворцемъ, лишеннымъ оригинальности, а съ настоящимъ поэтомъ. И посмотрите: какъ жизненно и послѣдовательно захватывала муза Некрасова міръ своихъ образовъ и мотивовъ. Болѣе десяти лѣтъ она подготовляла почву, возбуждая сочувствіе ко всему, что кряхтитъ и ноетъ, что борется съ жизненной неправдой, и давала чувствовать, въ то же время, какъ много истинно-поэтическаго въ пониманіи дѣйствительности, какъ оно есть, во всемъ, что дышитъ, любитъ или ненавидитъ,— будетъ ли это мужикъ, мастеровой, спившійся приказный или публичная женщина, будетъ ли это глухая русская деревня или большой, болотный, смрадный городъ...

И въ этихъ-то горячихъ, выстраданныхъ звукахъ и краскахъ Некрасовъ былъ и остался поэтомъ, лирикомъ, а не узкообличительнымъ сатирическимъ стихотворцемъ. Въ этомъ его главная сила и обаяніе. Онъ и не измѣнялъ бы своему лиризму, если бъ публика и критика не сбивала его съ пути. Сатиръ требовали, а не лиризма, хотя бы и одушевленнаго искреннимъ гражданскимъ чувствомъ. Сатиры и являлись, иногда очень сильныя, ядовитыя, проникнутыя чисто-некрасовскою горечью, иногда, и довольно часто, точно вымученныя или жесткія, незначительныя по мотивамъ... Въ это время сатира въ прозѣ ушла очень далеко, перебрала множество сторонъ русской жизни и въ особенности всего петербургскаго, лжекультурнаго, весь міръ эксплуатаціи, разврата, безпробудной пошлости самодовольныхъ буржуа, дѣльцовъ и чиновныхъ паразитовъ. Тягаться съ ней было трудно, да и не слѣдовало совсѣмъ. А стихотворныя обличенія разлились цѣлымъ потокомъ мелкихъ куплетныхъ пьесъ, переполнившихъ газетные листки, сдѣлались достояніемъ дешевыхъ остроумцевъ, а то такъ и просто пасквилянтовъ.

Тѣмъ, кто всего больше дорожилъ поэтическимъ даромъ Некрасова, непріятно было видѣть, какъ онъ отдаетъ слишкомъ усердно, дань недоразумѣнію, насилуетъ себя даже во имя сатирической «службы». Имъ такъ хотѣлось бы крикнуть ему: «будьте сыномъ своей родины, плачьте, негодуйте, любите, ненавидьте; но только

оставайтесь могучимъ, своеобразнымъ лирикомъ, не размѣнивайте себя на мелкую монету сатирическихъ изображеній, не занимайтесь всѣми этими пошляками, которые и въ прозѣ набили намъ оскомину!» И они, эти истинные друзья поэта, не ошиблись; даже теперь, на ложѣ ужасныхъ страданій, онъ остался пѣвцомъ любви ко всему, что обездолено на Руси, и чуткимъ поэтическимъ глашатаемъ грядущаго свѣта и добра. Только творческій талантъ и помогаетъ ему жить. Только онъ и манитъ его въ міръ звуковъ, образовъ и чувствъ, которымъ онъ пребылъ и пребудетъ вѣренъ до могилы. И самая горечь его приговоровъ своей яко бы безплодной дѣятельности есть не что иное, какъ чувство лирика, подъ которымъ должно жить убѣжденіе поэта-гражданина, исполнявшаго свой долгъ...

Когда вы обозрите мысленно все, что вошло въ творчество Некрасова, вамъ ясна будетъ общность національныхъ симпатій, возбуждаемыхъ имъ и сказавшихся теперь по поводу его тяжкаго недуга. Всѣ его читатели, кто «мыслилъ и страдалъ», всѣмъ онъ откликнулся на какую-нибудь боль или задушевную думу, каждаго онъ очистилъ отъ какой-нибудь спеси, гордыни, нравственной слѣпоты, самодовольства, отъ равнодушнаго прозябанія. Всѣхъ незлыхъ и черствыхъ русскихъ культурныхъ людей объединилъ онъ въ пониманіи того, чѣмъ всѣ они обязаны народу, его выдержкѣ, его труду, его тихой подвижнической доблести, въ чувствѣ того, что слѣдуетъ сдѣлать для этой сѣрой массы, чего желать ей и для нея въ ближайшемъ будущемъ... Нужды нѣтъ, что грамотные и безграмотные простолюдины не повторяютъ имени Некрасова. Они еще никого не знаютъ поименно: ни Пушкина, ни Гоголя, ни Островскаго, ни Гончарова, ни Тургенева. Но когда они начнутъ читать дешевыя книжки, куда попадутъ лучшія вещи Некрасова, они поймутъ его навѣрно и скорѣе всѣхъ другихъ полюбятъ его и передадутъ его имя изъ рода въ родъ... На этомъ сознаніи поэтъ нашъ можетъ отдохнуть душой...

Но и мы — пишущіе люди — не должны забывать, что даровитѣйшій и вполнѣ народный поэтъ нашъ послужилъ также усердно и русской мысли, литературѣ и журнализму. Извѣстно, какъ умѣлъ онъ всегда собирать вокругъ себя самыхъ талантливыхъ, свѣжихъ, истинно-передовыхъ сверстниковъ. Когда Некрасовъ лишился въ 1866 году журнала — онъ не сложилъ руки, не успокоился,

не превратился въ диллетанта, доживающаго на покоѣ свой вѣкъ и пописывающаго стихи. Онъ опять взялся за руководительство журнала — и, конечно, не для одного себя, не изъ тщеславной привычки печататься. Въ послѣдніе годы въ немъ только и жила настоящая любовь къ журнальному дѣлу изъ всѣхъ литературныхъ предпринимателей. Каждый, каковъ бы ни былъ его взглядъ на человѣка — видѣлъ въ Некрасовѣ настоящаго литературнаго дѣятеля, обязаннаго всѣмъ своему таланту и труду, а не случайнаго дѣльца, который сегодня промышляетъ подрядами или играетъ на биржѣ, а завтра дѣлается журналистомъ. И мы не сомнѣваемся въ томъ, что съ своимъ именемъ онъ свяжетъ что-нибудь великодушное, какое-нибудь доброе дѣло, обращенное, прежде всего, къ міру умственнаго труда — когда настанетъ его чередъ проститься съ жизнью. Никто лучше его не знаетъ: что такое литературный пролетаріатъ; какъ ужасно проходить черезъ рядъ униженій изъ-за куска хлѣба, когда у человѣка нѣтъ ничего, кромѣ его таланта и знаній, когда онъ посвятилъ себя той убійственной дорогѣ, гдѣ нѣтъ никакой гарантіи и обезпеченности... Но добрыя дѣла дѣлаются и при жизни, и русскому поэту-гражданину судьба, сжалившись, можетъ послать еще долгій и славный вѣкъ!...

* * *

*) Въ послѣднее время не только Петербургъ, но и вся Россія были встревожены извѣстіемъ о плохомъ состояніи здоровья нашего любимаго современнаго поэта — Н. А. Некрасова. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія знаменитаго вѣнскаго хирурга Бильрота, и когда узнали, что операція, сдѣланная имъ, предвѣщаетъ благополучный исходъ, вздохнули свободнѣе.

Эти обстоятельства заставляютъ насъ считать настоящій моментъ самымъ удобнымъ какъ для помѣщенія портрета писателя, пользующагося такою любовью общества, такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для опредѣленія его значенія.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22 ноября 1821 г. въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ мѣстечкѣ, гдѣ квартировалъ отецъ его, служившій въ военной службѣ. Въ 1832 году мы ви-

*) «Всемірная Иллюстрація» 1877 г., № 435 (Н. А. Некрасовъ).

димъ будущаго поэта въ ярославской гимназіи, такъ какъ отецъ его вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Грешнево, находящемся въ Ярославской губерніи. Гимназическій курсъ Николай Алексѣевичъ прошелъ до 5-го класса, но потомъ, отчасти по волѣ отца, отчасти по собственному желанію, онъ вознамѣрился поступить въ военную службу и отправился въ Петербургъ съ рекомендаціей къ жандармскому генералу Полозову, который представилъ его всемогущему въ то время Якову Ивановичу Ростовцеву, съ цѣлью опредѣлить въ дворянскій полкъ. Случайная встрѣча Некрасова въ Петербургѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, который познакомилъ его съ профессоромъ духовной академіи Д. И. Успенскимъ, измѣнила намѣреніе юноши, и онъ пожелалъ поступить въ университетъ. Полозовъ одобрилъ его рѣшеніе, но отецъ Николая Алексѣевича былъ до крайности раздраженъ его неповиновеніемъ и прекратилъ высылку ему пособій на содержаніе.

Несмотря на то, энергическій юноша не упалъ духомъ и сталъ готовиться, подъ руководствомъ Успенскаго, къ экзамену въ университетъ, но, къ несчастію, не выдержалъ экзамена изъ одного предмета и потому не былъ принятъ. Тѣмъ не менѣе, ректоръ университета, извѣстный Плетневъ, уговорилъ его посѣщать лекціи въ качествѣ вольнаго слушателя. Это было самое тяжелое время въ жизни Некрасова: онъ принужденъ былъ искать средствъ къ существованію въ занятіяхъ уроками, корректурою и литературою.

Первыя его произведенія были напечатаны въ «Литературной Газетѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1839 году, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ издалъ сборникъ стиховъ подъ названіемъ «Мечты и Звуки», вызвавшій строгое осужденіе со стороны Бѣлинскаго, но встрѣтившій одобрительный отзывъ въ «Библіотекѣ для чтенія». Къ этому же періоду относятся водевили Некрасова: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дѣвушки подъ замкомъ не удержишь» и нѣкоторые другіе, писанные подъ псевдонимомъ Н. А. Перепельскаго. Во всѣхъ произведеніяхъ Некрасова, хотя многія изъ нихъ были не выдержаны, обнаружились задатки недюжиннаго таланта, что позволило Николаю Алексѣевичу предаться исключительно литературѣ, прекративъ посѣщеніе лекцій въ 1841 году. Втеченіе непродолжительнаго времени судьба Некрасова измѣнилась къ лучшему. Въ 1847 году онъ, вмѣстѣ съ Панаевымъ, пріобрѣлъ «*Современникъ*», положившій начало его извѣстности, чему много

способствовало то, что въ этомъ журналѣ сгруппировались всѣ лучшія литературныя силы того періода.

Апогея слава Николая Алексѣевича достигла въ 1856 году, когда вышло собраніе его стихотвореній. Тогда были подняты вопросы о послѣдовавшихъ потомъ реформахъ, преимущественно объ освобожденіи крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общество занималось толками о злоупотребленіяхъ, обнаруженныхъ крымскою кампаніею, и о причинахъ нашего пораженія. Направленіе литературы сдѣлалось преимущественно обличительнымъ. Появленіе въ этотъ моментъ звучныхъ, полныхъ негодованія и желчи стиховъ Некрасова, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало общественному настроенію и было встрѣчено публикою съ восторгомъ. Поэтъ первый нашелъ въ себѣ смѣлость выразить въ опредѣленной формѣ смутныя желанія, волновавшія ее, и она сразу поставила его на пьедесталъ, не соотвѣтствовавшій силѣ его таланта. Публицистическій характеръ его стихотвореній былъ для насъ новостью, и потому такое увлеченіе простительно. Тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за поэтомъ явилась цѣлая школа подражателей, болѣе или менѣе подходившая къ своему образцу, но ни одинъ изъ нихъ не достигъ высоты и страстности первообраза, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не безъ таланта. Во всякомъ случаѣ, это направленіе было серьезнѣе и полезнѣе господствовавшаго до того времени воспѣванія луны, дѣвы и торжественныхъ праздниковъ.

Такимъ образомъ, главная заслуга Некрасова состоитъ въ пробужденіи общественнаго сознанія; самъ же онъ въ художественномъ отношеніи не только не пошелъ далѣе, но даже нѣсколько опустился, начавъ писать большія поэмы. Поэмы эти не выдержаны, страшно растянуты и въ нихъ попадается порядочное количество неотдѣланныхъ стиховъ, хотя недостатки эти выкупаются превосходными, какъ по языку, такъ и по чувству, отдѣльными мѣстами. Причина такого явленія заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Некрасовъ, обладая даромъ поэта, не обладаетъ даромъ критика и потому не въ состояніи усмотрѣть слабой стороны своихъ произведеній. Повинуясь вдохновляющему его чувству, онъ высказываетъ его въ первой подходящей формѣ, но не даетъ себѣ труда исправить эту форму и придать ей то изящество, которымъ отличаются, не говоря уже о стихахъ Пушкина и Лермонтова — даже произведенія второстепенныхъ поэтовъ пушкинскаго періода. Этимъ объясняется,

какъ намъ кажется, та неровность, которая замѣчается во многихъ стихотвореніяхъ Некрасова, гдѣ, рядомъ съ превосходными мѣстами, встрѣчаются мѣста невыдержанныя. Приписать такое явленіе упадку таланта мы не можемъ, потому что послѣднія небольшія произведенія Николая Алексѣевича въ большей части ознаменованы прежней теплотой и силой чувства и той неподдѣльной скорбью и негодованіемъ противъ общественныхъ золъ, которыя пріобрѣли ему расположеніе публики.

Пожелаемъ же, чтобы знаменитый нашъ поэтъ еще долго подвизался на избранномъ имъ поприщѣ, возбуждая юныя силы къ служенію тѣмъ высокимъ идеаламъ, которымъ поэзія его никогда не измѣняла. Недостатки его забудутся, но толчокъ, данный имъ нашему общественному развитію, не изгладится изъ памяти никогда и поставитъ его имя на ряду съ величайшими именами русской поэзіи.

* * *

*) Появившійся на дняхъ въ свѣтъ седьмой томъ «Русской Библіотеки» заключаетъ въ себѣ произведенія Николая Алексѣевича Некрасова. Въ этой изящной замѣчательной своею дешевизной книгѣ читатель найдетъ отрывки поэмъ: «Кому на Руси жить хорошо», «Русскія женщины», «Морозъ — красный носъ», большія стихотворенія въ родѣ «Поэтъ и гражданинъ», «Филантропъ» и до 30 мелкихъ стихотвореній. Къ сожалѣнію, выборъ вошедшихъ въ книгу произведеній не совсѣмъ удачный. Въ нее не вошли, напр., такія произведенія Николая Алексѣевича, какъ «Коробейники», «Огородникъ», «Власъ», т. е. характерныя стихотворенія. Къ книгѣ присоединена біографія поэта... (Далѣе идутъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ біографіи Некрасова).

* * *

**) На дняхъ вышелъ въ свѣтъ седьмой томъ «Русской Библіотеки», посвященный на этотъ разъ стихотвореніямъ нашего любимаго народнаго поэта *Н. А. Некрасова*. Въ составъ сборника вошли

---

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1877 г., № 99.

**) «Нашъ Вѣкъ» 1877 г., № 62.

лучшія произведенія поэта... (слѣдуетъ перечисленіе произведеній). Къ книгѣ приложена біографія и недурно литографированный портретъ поэта, снятый съ него въ 1872 году.

Говоря о Некрасовѣ, мы считаемъ долгомъ сообщить нашимъ читателямъ, что, къ крайнему прискорбію многочисленныхъ почитателей симпатичнаго поэта, серьезная болѣзнь, вотъ уже годъ приковывающая его къ кровати и нѣсколько облегченная послѣ недавней операціи, стала въ послѣднее время вновь внушать тяжелыя опасенія, въ виду того, что силы больного замѣтно слабѣютъ съ каждымъ днемъ.

Некрологи и посмертныя статьи.

*) Пали съ плечъ подвижника вериги
И подвижникъ мертвымъ палъ...

Русская литература понесла видную потерю: во вторникъ, 27-го декабря, въ 8 часовъ 50 минутъ вечера, скончался *Николай Алексѣевичъ Некрасовъ*. Смерть эта, правда, не была неожиданностью. Послѣ операціи, сдѣланной въ мартѣ нынѣшняго года, вызваннымъ изъ Вѣны знаменитымъ хирургомъ Бильротомъ, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ былъ неустанно прикованъ къ болѣзненному одру. Только нѣсколько разъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, по совѣту врачей его, такъ сказать, вывозили на воздухъ. Самъ онъ физически совершенно изнемогъ, хотя душевныя силы не измѣняли ему почти до послѣдняго момента. Съ ранняго утра, въ понедѣльникъ, 26-го декабря, онъ потерялъ сознаніе, и переходъ его въ вѣчность совершился тихо и безмятежно. Онъ скончался на рукахъ пользовавшаго его врача, доктора Н. Л. Бѣлоголоваго. Изъ близкихъ родственниковъ покойнаго поэта въ послѣднія минуты окружали его жена, братъ и сестра. Другой братъ, живущій въ Ярославлѣ, извѣщенъ о катастрофѣ по телеграфу, и его ждутъ завтра. Несмотря на роковую вѣсть, сообщенную г. Бѣлоголовымъ, домочадцы поэта, подъ вліяніемъ понятнаго чувства, въ первый моментъ, желали какъ бы подтвержденія ужасной вѣсти и когда стало ясно, что Николай Алексѣевичъ Некрасовъ окончилъ свою страдальческую

---

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1877 г., № 358 («Памяти Н. А. Некрасова»).

жизнь, тотчасъ была снята съ лица покойника полная маска для бюста. Съ сегодняшняго утра, въ квартиру, которую занималъ Н. А. Некрасовъ, въ домѣ Краевскаго, на углу Литейной и Бассейной, приходили не одни друзья и знакомые, но и многіе почитатели таланта поэта, поклониться его тѣлу. Между прочимъ, художникъ Микѣшинъ явился и поспѣшилъ удержать на бумагѣ черты дорогого русскаго поэта. На первой панихидѣ, происходившей сегодня, 28-го декабря, въ 8 часовъ вечера, присутствовалъ довольно значительный кружокъ лицъ, въ которомъ литературный элементъ имѣлъ не мало представителей. Такъ, между прочимъ, можно было видѣть гг. Салтыкова (Щедрина), Гончарова, А. Потѣхина, Суворина, Плещеева и другихъ. Собственно вопросъ, отъ какой именно болѣзни скончался Н. А. Некрасовъ, долженъ разрѣшить профессоръ Груберъ, который приглашенъ родственниками для производства вскрытія. Завтра, въ четвергъ, 29-го декабря, будутъ отслужены панихиды, въ вышеупомянутой квартирѣ въ 1 часъ пополудни и въ 8 часовъ вечера, а выносъ въ Новодѣвичій монастырь, послѣдуетъ *въ пятницу, 30-го декабря, въ 9 часовъ утра.* Не подлежитъ сомнѣнію, что, при отданіи этой послѣдней христіанской услуги въ лицѣ безвременно угасшаго для литературы дѣятеля, будетъ почтенъ народный поэтъ, который самъ вѣрно очертилъ значеніе своей музы:

Чрезъ бездны тёмныя насилія и зла
Труда и голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила...

* * *

*) Сегодня, во вторникъ, 27-го декабря, въ исходѣ 9-го часа вечера скончался *Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.* Годами нажитая болѣзнь въ послѣдніе три года окончательно измучила несчастнаго страдальца и свела его въ могилу. Смерть не была для него неожиданною: на дняхъ еще онъ признавался одному изъ друзей своихъ, что рѣшился, въ концѣ марта, на операцію, единственно тая въ душѣ сладкую надежду, что подъ ножомъ хирурга

---

*) «Голосъ» 1877 г., № 318 (Некрологъ).

прекратятся невыносимыя, сверхчеловѣческія мученія. Онъ желалъ смерти, какъ избавленія отъ мучительной жизни.

Нѣтъ, не поможетъ мнѣ аптека,
Ни мудрость опытныхъ врачей:
Зачѣмъ же мучить человѣка?
О, небо, смерть пошли скорѣй!

Это не поэтическая вольность — это стонъ, вызванный изъ груди страдальца страшными мученіями. Онъ любилъ жизнь и нѣкогда пользовался ею въ полной мѣрѣ; мысль о смерти явилась лишь послѣ трехлѣтней болѣзни. Съ конца марта, когда вѣнскій хирургъ Бильротъ сдѣлалъ ему операцію, онъ не вставалъ уже съ постели, которую справедливо называлъ «не ложемъ — иглами». Онъ умеръ тихо, спокойно, въ полузабытьи...

Жизнь поэта — въ его стихотвореніяхъ; жизнь Некрасова всѣмъ извѣстна, и его біографію многіе знаютъ наизусть. У теплаго еще трупа, изъ полуоткрытыхъ еще устъ его, какъ бы слышится его поученье «Сѣятелямъ знанья на ниву народную», такъ вѣрно и точно характеризующее его сердечное желаніе, секретъ силы его поэзіи:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

* * *

*) Съ глубокою грустью сообщаемъ мы печальное извѣстіе о великой утратѣ, понесенной русской литературой: сегодня 27-го декабря, въ 8 часовъ вечера, послѣ долгой и мучительной агоніи, продолжавшейся почти пятнадцать часовъ, скончался Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Вѣсть о кончинѣ этого поэта отзовется по всей Россіи, которая знала наизусть его энергическія и прочувствованныя пѣсни — задушевные отголоски и горя и мощи русскаго народа. Николай Алексѣевичъ родился 22-го ноября 1821 года, стало быть, прожилъ всего 56 лѣтъ. Въ теченіе неутомимаго, долгаго служенія русской поэзіи, покойный сдѣлалъ такъ много, что, безъ сомнѣнія, этого слишкомъ довольно для сохраненія за нимъ славы

*) «Новое Время» 1877 г., № 658.

крупнаго поэта, достойнаго стать рядомъ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Кромѣ поэтическихъ заслугъ Некрасовъ имѣлъ продолжительное и большое вліяніе въ русской журналистикѣ, въ которой онъ былъ самымъ опытнымъ и энергическимъ дѣятелемъ. И все-таки, несмотря на долгіе и плодотворные труды покойнаго, невольно сжимается сердце при мысли о томъ, что роковой недугъ, преслѣдовавшій его въ послѣдній годъ его жизни, слишкомъ рано отнялъ этого человѣка у его родины. Некрасовъ, судя по его предсмертнымъ стихотвореніямъ, не утратилъ своего энергическаго таланта и вѣроятно могъ бы еще пропѣть такія пѣсни, которыя отозвались бы во всѣхъ сердцахъ и прибавили бы новые лавры къ сумрачному терновому вѣнцу музы мести и печали. Но судьба судила иначе: смерть отняла у русскаго народа его лучшаго поэта преждевременно.

* * *

*) Во вторникъ, 27-го декабря, въ $8^{1}/_{2}$ часовъ вечера, окончились для Некрасова его тяжкія, невыносимыя муки. Онъ умеръ послѣ тяжелой агоніи, продолжавшейся болѣе полусутокъ.

Россія потеряла въ немъ поэта, который первый сумѣлъ заглянуть въ сердце простого русскаго человѣка и въ сильныхъ, невольно запечатлѣвающихся въ памяти каждаго стихахъ высказать подавляющую его скорбь и его убогія упованія. Молодое поколѣніе прежде всего запоминало стихи Некрасова и по нимъ училось сочувствовать народному горю и сознавать свои гражданскія къ народу обязанности. Скорбное извѣстіе о смерти Некрасова проникнетъ въ самые отдаленные углы нашего отечества и вызоветъ искреннее соболѣзнованіе о немъ, какъ о могучемъ общественномъ дѣятелѣ. Выступая на поприще своего гражданскаго служенія, поэтъ, оглядываясь вокругъ себя, имѣлъ полное право сказать глубоко выстраданныя слова:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Мысли чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

Это-то зерно человѣческой мысли и насаждалъ Некрасовъ всею своею литературною дѣятельностью.

---

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1877 г., № 334 (Некрологъ).

Некрасовъ умеръ 56 лѣтъ отъ роду. Два года тому назадъ это былъ еще человѣкъ бодрый, крѣпкій, обладавшій такимъ здоровьемъ, что никому не приходила въ голову мысль объ его близкой кончинѣ. Болѣзнь быстро сокрушила его крѣпкій организмъ. Но даже и подъ гнетомъ тяжелыхъ страданій Некрасовъ не прекращалъ своего общественнаго служенія и какъ бы ловилъ всякую минуту облегченія отъ боли, чтобы выражать то, что ему казалось еще невысказаннымъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ завѣщалъ друзьямъ своимъ:

Вамъ же не праздно, друзья благородные,
Жить и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути.

Ударъ, постигшій Некрасова въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, ускорилъ его кончину. Онъ умеръ отъ задушенія.

Выносъ тѣла покойнаго назначенъ въ пятницу. По его желанію, онъ будетъ похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

* * *

*) 27-го декабря, въ 8 часовъ 50 минутъ вечера, скончался Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Почти два года продолжалась мучительная болѣзнь, сведшая поэта въ могилу. Она до такой степени истощила его, что этотъ дорогой всѣмъ намъ образъ неузнаваемъ... Отпечатокъ глубокаго страданія лежитъ на немъ... Въ послѣдніе дни недуга Н. А. уже не принималъ никакой пищи. Одинъ изъ пользовавшихъ его врачей говорилъ, что ему никогда не случалось видѣть больного, до такой степени исхудавшаго.

Хотя эта скорбная вѣсть не является для нашего общества неожиданностью, но тѣмъ не менѣе она не можетъ не произвести глубоко потрясающаго впечатлѣнія на всѣхъ, кому дороги судьбы русской литературы, теряющей въ покойномъ поэтѣ одного изъ великихъ своихъ представителей, — не говоря уже о людяхъ, имѣвшихъ счастіе знать его лично, находиться съ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Для тѣхъ, кто посвятилъ себя поэтической дѣятельности, утрата эта особенно чувствительна, скажемъ болѣе — незамѣнима... Поэты, приносившіе къ нему свои произведенія, всегда могли раз-

---

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1877 г., № 334 («Николай Алексѣевичъ Некрасовъ». Статья А. Плещеева).

считывать на его сочувственное, ободряющее слово, на полезный и добрый совѣтъ. Часто случается, что даровитые писатели бываютъ плохими цѣнителями чужихъ произведеній, но къ покойному Н. А. никакъ нельзя было примѣнить этого; напротивъ, онъ обладалъ необыкновенной критической способностью, и отзывы его всегда были въ высшей степени вѣрны... Вообще это былъ человѣкъ сильнаго, выдающагося ума, и та же самая вѣрность и ширина взгляда замѣчалась у него при оцѣнкѣ людей и фактовъ.

Заслуги Некрасова, какъ журналиста, точно такъ же огромны. Онъ умѣлъ сгруппировать около себя въ «Современникѣ» самыя крупныя литературныя силы той эпохи, — и кому не извѣстно вліяніе, которое имѣлъ на тогдашнее общество этотъ журналъ? Трудно, почти невозможно быть долгіе годы журналистомъ и не нажить себѣ враговъ, и у Некрасова было ихъ много... распускавшихъ о немъ часто самые нелѣпые, лишенные всякаго основанія слухи.

Къ нимъ, разумѣется, принадлежали всѣ тѣ, чье самолюбіе было задѣто выраженнымъ въ журналѣ мнѣніемъ объ ихъ дѣятельности. Но люди, постоянно работавшіе въ журналѣ и близко стоявшіе къ редакціи, засвидѣтельствуютъ, насколько было правды въ отзывахъ этихъ доброжелателей, часто даже заподозрѣвавшихъ искренность его поэтическаго настроенія, его сочувствія ко всему страждущему и угнетенному и той горячей любви къ народу, которою проникнуты лучшія созданія угасшаго поэта...

И не только добрымъ совѣтомъ и сочувственнымъ словомъ готовъ былъ всегда помочь Некрасовъ пишущей братіи, приносившей къ нему на судъ свои произведенія. Имѣя вполнѣ обезпеченныя средства къ жизни, но пройдя въ юности школу нужды, онъ никогда не оставался глухъ къ нуждамъ своихъ сотоварищей по профессіи, умѣлъ войти въ положеніе писателя и не только оказать ему помощь, но оказать ее такъ, что она не оскорбляла самолюбія одолженнаго. Еще много голосовъ, безъ сомнѣнія, раздастся въ подтвержденіе моихъ словъ.

Спи мирно, нашъ дорогой, горячо любимый поэтъ... «Народная тропа не зарастетъ къ тебѣ»... И пока на Руси будетъ биться хоть одно сердце, желающее блага своей родинѣ и въ которомъ не изсякла любовь къ поэзіи, — твое имя, твои выстраданныя пѣсни не умрутъ...

А. Плещеевъ.

* * *

*) Первая панихида по кончинѣ Некрасова совершалась въ среду, 28-го декабря, въ 7 часовъ вечера. Грустная вѣсть о смерти любимаго поэта быстро разнеслась по городу и собрала на эту панихиду большое количество публики изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Прахъ усопшаго поэта лежалъ на столѣ въ средней комнатѣ (между кабинетомъ и пріемною, въ которой при жизни Некрасова собирались обыкновенно сотрудники «Отечеств. Записокъ»). Въ этой же комнатѣ, гдѣ стоитъ теперь гробъ, лежалъ больной поэтъ въ періодъ своихъ послѣднихъ страданій и здѣсь же онъ написалъ свои послѣднія предсмертныя пѣсни. Украшенный живыми цвѣтами поэтъ, нѣкогда полный жизни и здоровья, — увы!... лежитъ теперь усопшій съ выраженіемъ страшныхъ страданій, запечатлѣвшихся на его выразительномъ, всѣмъ намъ знакомомъ лицѣ. Скромна обстановка комнаты, въ которой лежитъ теперь Некрасовъ. Въ головѣ покойнаго, на кругломъ столикѣ — небольшой образъ Спасителя... четыре большихъ подсвѣчника окружаютъ прахъ поэта... обыкновенный, церковный свѣтленькій покровъ... сильно измѣнившійся, страдальческій обликъ... монотонное чтеніе псалмовъ — все производитъ тяжелое, подавляющее впечатлѣніе, и только со вкусомъ уложенные живые цвѣты до нѣкоторой степени смягчаютъ мрачный колоритъ картины.

Вчера, 29-го декабря, Некрасовъ былъ положенъ въ гробъ. Его дубовый гробъ, обтянутый желто-золоченымъ позументомъ, такъ же простъ, какъ и вся остальная обстановка комнаты. На вчерашней панихидѣ собралось множество публики. Кромѣ всѣхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», на первой и на второй панихидѣ мы встрѣтили издателей и сотрудниковъ: «Новаго Времени», «Недѣли», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Голоса», «Вѣстника Европы», «Слова», «Дѣла», «Новостей» и многихъ другихъ ежедневныхъ и повременныхъ изданій. Третьяго дня въ числѣ посѣтителей были нѣкоторые извѣстные адвокаты, художники, цензора, нѣкоторые изъ членовъ управленія по дѣламъ печати. Вчера утромъ собралась на панихиду почти вся литература. Художникъ Микѣшинъ срисовалъ портретъ съ покойнаго Некрасова, другой художникъ предлагалъ снять маску. Посѣтителямъ нѣтъ конца. Самая пестрая, разнообразная публика является къ гробу покойнаго. Въ особенности

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1877 г., № 335.

много дамъ, молодыхъ и старыхъ, — всѣ въ слезахъ; молодежь съ утра до ночи прибываетъ и окружаетъ гробъ покойнаго.

Вчера, послѣ панихиды, изъ массы собравшейся публики выдѣлился господинъ среднихъ лѣтъ и, произнеся надъ гробомъ четверостишіе Лермонтова (изъ его стихотворенія на смерть Пушкина):

«Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять...
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать,

прибавилъ: «Мы должны помнить: передъ нами лежитъ прахъ великаго человѣка, который училъ насъ быть добрыми!» — «Да онъ научилъ меня быть доброй!» воскликнула въ отвѣтъ одна изъ присутствовавшихъ дамъ и, кинувшись цѣловать покойнаго поэта, упала въ обморокъ около самаго гроба.

Какъ это ни кажется страннымъ, но въ безконечномъ числѣ прибывающей публики мы не встрѣтили ни одного артиста, за исключеніемъ г. Сазонова, между тѣмъ какъ артисты не должны собственно забывать того, что въ дни юности покойный Некрасовъ былъ друженъ со многими представителями русской сцены.

Въ ночь съ 28-го на 29-е число врачи, пользовавшіе Некрасова, произвели вскрытіе тѣла съ цѣлью опредѣленія его загадочной болѣзни. Результатъ пока неизвѣстенъ, но найденная изъязвленная опухоль, причинявшая столь большія страданія и вызвавшая подъ конецъ смерть, взята для мискроскопическаго изслѣдованія. Сегодня, 30-го декабря, въ 9 часовъ утра назначенъ выносъ тѣла на кладбище Новодѣвичьяго монастыря.

Вчера съ покойнаго снята гипсовая маска.

* * *

*) На панихидѣ, происходившей сегодня, въ четвергъ, 29-го декабря, въ часъ пополудни, въ квартирѣ Н. А. Некрасова, собралась масса посѣтителей, желавшихъ почтить память усопшаго поэта. Въ числѣ ихъ было не мало литераторовъ. Покойный былъ уже положенъ въ гробъ. Черты лица измѣнились до того, что нѣтъ возможности уловить хотя какое-либо сходство съ прежнимъ, живымъ

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1877 г., № 359 (Хроника).

Некрасовымъ. Результатъ вчерашняго вскрытія, произведеннаго профессоромъ Груберомъ, въ присутствіи ассистента и доктора Бѣлоголоваго, еще съ достовѣрностью констатированъ быть не можетъ, такъ какъ микроскопическое изслѣдованіе извлеченныхъ внутренностей еще не окончено. Тѣмъ не менѣе, вскрытіе это привело къ обнаруженію неожиданнаго факта, именно, оказалось, будто бы, одна изъ кишекъ приросла къ позвоночному столбу. Кромѣ того, въ желудкѣ усмотрѣна опухоль. Въ виду такихъ открытій не трудно понять, какія ужасныя страданія долженъ былъ выносить Некрасовъ въ послѣднія минуты своей жизни. Полное разслабленіе организма наступило, впрочемъ, лишь въ прошлый четвергъ, 22-го декабря, послѣ бывшаго съ нимъ удара. Хотя эта катастрофа прошла относительно благополучно, но непосредственнымъ ея послѣдствіемъ, кромѣ указаннаго упадка силъ, было то, что Н. А. Некрасовъ лишился способности владѣть лѣвою рукою. Собственно съ этого момента началась медленная агонія, несмотря на то, что сознаніе не покидало поэта. Въ понедѣльникъ, 26-го декабря, онъ впалъ въ безсознательное состояніе въ 5 часовъ утра, разрѣшившееся, 16 часовъ спустя, смертью.

* * *

*) Некрасовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которые выработкою своего таланта, своимъ развитіемъ обязаны исключительно самимъ себѣ, своимъ собственнымъ усиліямъ. Дѣтство свое Некрасовъ провелъ, по его собственнымъ словамъ, въ обстановкѣ очень печальной. «Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой, я росъ — говоритъ онъ — средь буйныхъ дикарей и мнѣ дала судьба, по милости великой, въ руководители псарей». Шестнадцати лѣтъ, Некрасовъ, прибылъ въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ знаній, безъ образованія и вступилъ прямо на литературное поприще. Онъ пробовалъ свои силы въ разныхъ родахъ: писалъ стихи, разсказы, наконецъ, принялся за рецензіи, чтобъ пристроиться къ журналистикѣ. Съ какою египетскою работою было соединено для него сначала писаніе рецензій, можно судить по слѣдующему разсказу, слышанному нами отъ него самого:

---

*) «Голосъ» 1877 г., № 320 (Некрологъ).

«Я прочитывалъ — говорилъ онъ — книгу, на которую хотѣлъ писать рецензію; затѣмъ шелъ съ нею въ публичную библіотеку, обкладывалъ здѣсь себя всѣми имѣвшимися на русскомъ языкѣ реториками, внимательно перечитывалъ въ нихъ разныя правила, какъ должно писать сочиненія, повѣрялъ, насколько и какъ прилагаются эти правила на разныхъ журнальныхъ рецензіяхъ, потомъ снова перечитывалъ книгу, на которую хотѣлъ писать рецензію, и тогда уже только принимался за собственную работу». Мало-помалу, Некрасовъ пріучался такимъ образомъ писать рецензіи и писалъ ихъ очень много въ «Литературной Газетѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» до 1846 года, потомъ въ первые годы «Современника». Тотъ невѣроятно тяжелый путь, который проходилъ Некрасовъ, чтобъ добиться искусства писать, несомнѣнно, имѣлъ громадное вліяніе на развитіе его логической мысли, на пріученіе ея къ строгому анализу, которымъ покойный владѣлъ въ замѣчательной степени. Благодаря этой внутренней работѣ надъ собою и вліянію Бѣлинскаго, Некрасовъ сталъ на настоящую дорогу какъ въ отношеніи оцѣнки литературныхъ явленій и значенія литературы вообще, такъ и относительно собственнаго своего развитія.

Некрасовъ рано понялъ, что, «хотя онъ не Пушкинъ, но покуда не видно солнца ни откуда, съ его талантомъ стыдно спать; еще стыднѣй въ годину горя, красу долинъ, небесъ и моря, и ласку милой воспѣвать», и посвятилъ свою музу на служеніе благу мѐньшей братіи. Повидимому, это нѐмного. Но въ дѣйствительности это несомнѣнный признакъ таланта очень крупнаго, если вспомнимъ, что нѣкоторые изъ его талантливыхъ литературныхъ сверстниковъ остановились на тѣхъ самыхъ идеяхъ, на которыхъ стояли до освобожденія крестьянъ, встрѣтивъ даже враждебно дѣйствіе новыхъ идей въ жизни; Некрасовъ же постоянно шелъ впередъ. Онъ чутко прислушивался къ движенію новой жизни, быстро примѣчалъ каждое, едва только нарождающееся здѣсь вѣяніе и немедленно спѣшилъ проложить или облегчить ему путь своею вдохновенною пѣснью. Въ такомъ же направленіи шла его дѣятельность и въ качествѣ редактора-издателя журналовъ. Всякая свѣжая, живая мысль ко благу мѐньшей братіи, всякое горячее слово участія къ нимъ принималось имъ съ распростертыми объятіями. Одному изъ своихъ отсталыхъ талантливыхъ сверстниковъ Некрасовъ говорилъ, что если журналистика не ставитъ своею главною задачею помогать униженнымъ,

забитымъ и угнетеннымъ и заботиться о ихъ благосостояніи, то нѣтъ смысла въ ея существованіи.

Многіе называли и называютъ Некрасова народнымъ поэтомъ. И онъ заслужилъ это названіе по всей справедливости. Правда, народъ нашъ пока безграмотенъ; онъ не читаетъ Некрасова, онъ не знаетъ его, не слыхалъ даже объ имени поэта; но когда народъ просвѣтится и познакомится съ нашею литературою доэмансипаціоннаго и даже послѣэмансипаціоннаго послѣднихъ двухъ десятилѣтій, онъ оцѣнитъ Некрасова и самъ увѣнчаетъ его именемъ народнаго поэта за тѣ горячія и глубокія симпатіи къ народу, которыми запечатлѣны его стихотворенія, за тѣ полные силы и искренности протесты, которыми онъ гремѣлъ противъ притѣснителей народа противъ всѣхъ тѣхъ домовъ, хотя бы они были и отчіе,

Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
Гдѣ только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

* * *

*) Сегодня, въ пятницу, 30-го декабря, ровно въ 9 часовъ утра, тѣло Николая Алексѣевича Некрасова было вынесено изъ его квартиры для препровожденія на кладбище Новодѣвичьяго монастыря. Проводить поэта собрались его многочисленные знакомые изъ разныхъ слоевъ общества, почитатели его таланта, представители науки, литературы, журналистики, много молодежи, воспитанниковъ не только высшихъ учебныхъ заведеній, но и гимназій, гражданскихъ и военныхъ. Бренные останки Некрасова были положены въ гробъ, обитый золотымъ позументомъ, на крышкѣ лежало нѣсколько роскошныхъ вѣнковъ изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ. Приготовленная для перевезенія тѣла траурная колесница подъ балдахиномъ ѣхала позади печальной процессіи, такъ какъ до самаго кладбища гробъ былъ несенъ на плечахъ усердствующихъ. Впереди процессіи шли пѣвчіе, за ними несли громадные лавровые вѣнки съ различными надписями изъ мелкихъ цвѣтовъ: «Отъ русскихъ женщинъ», «Пѣвцу народныхъ страданій», «Безсмертному пѣвцу народа», «Слава печальнику горя народнаго», «Некрасову—сту-

*) «Голосъ» 1877 г., № 321.

денты». Во время шествія кортежа, масса народа, окружавшая гробъ, стройнымъ хоромъ пѣла «Святый Боже». Общее настроеніе было самое сочувственное памяти поэта. У церквей процессія останавливалась для краткой надгробной литіи и затѣмъ медленно продолжала путь среди сплошной массы народа.

Въ рѣчи, произнесенной, въ церкви, надъ гробомъ умершаго, профессоръ университета, священникъ М. П. Горчаковъ, указалъ на значеніе покойнаго, какъ народнаго поэта, носителя и выразителя страдальческихъ чувствъ и думъ русскаго народа, соединенныхъ съ крѣпкою надеждою и вѣрою въ истину, добро и правду, и на отношеніе воззрѣній поэта къ отечественной церкви. Ораторъ говорилъ, что въ мощныхъ стихахъ поэта вмѣстѣ съ сильными звуками народнаго горя, сильно и громко звучатъ тоны твердой надежды и вѣры народной, вѣры въ истину, правду и добро; и что Некрасовъ былъ выразителемъ не одного какого-нибудь класса народа и не кружка, но общій, народный поэтъ. Отношенія поэта къ отечественной церкви ораторъ изобразилъ превосходными стихами самого поэта, извлеченными изъ извѣстнаго произведенія «Рыцарь на часъ».

Не блѣднѣть предъ правдой-царицею
Научила ты музу мою...
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ...
Выводи на дорогу тернистую.

Изъ рѣчей, произнесенныхъ на кладбищѣ, надъ гробомъ поэта, обратила на себя вниманіе, между прочимъ, рѣчь В. А. Панаева, который, на основаніи своего 38-ми лѣтняго знакомства съ Н. А. Некрасовымъ, обрисовалъ его какъ человѣка, нравственность котораго выше всякихъ сомнѣній. Такой талантъ — сказалъ г. Панаевъ — могъ быть только въ человѣкѣ высокихъ нравственныхъ качествъ. Опустивъ гробъ въ могилу, бросивъ на нее послѣднюю слезу, родные, друзья, знакомые и почитатели таланта Н. А. Некрасова, уходя съ кладбища, уносили съ собою сознаніе исполненнаго послѣдняго долга къ поэту, пѣсня котораго получитъ должную оцѣнку лишь тогда, когда народъ, для котораго слагалась она, самъ прочтетъ ее, а не будетъ, какъ теперь, распѣвать съ чужого голоса...

* * *

*) Послѣдняя почесть, оказанная смертнымъ останкамъ угасшаго поэта, соотвѣтствовала той популярности, которая была его удѣломъ въ средѣ русскаго общества. Сегодня, въ четвергъ, 29-го декабря, въ 9 часовъ утра, былъ назначенъ выносъ тѣла Некрасова изъ его квартиры, на углу Литейной и Бассейной. Уже въ 8 часовъ утра квартира стала наполняться посѣтителями обоего пола. Въ это же время былъ принесенъ и положенъ на гробъ вѣнокъ съ надписью въ серединѣ: «Отъ русскихъ женщинъ». У подъѣзда стояла траурная колесница, запряженная четверкою лошадей, съ роскошнымъ балдахиномъ. На тротуарѣ передъ домомъ и на улицѣ, мало-по-малу, стекались массы народа. Петербургъ какъ будто проснулся ранѣе обычнаго часа, чтобы проводить достойнымъ образомъ высокодаровитаго поэта на мѣсто вѣчнаго успокоенія. Ровно въ 9 часовъ утра, гробъ былъ вынесенъ на рукахъ и, какъ слѣдовало ожидать, не былъ поставленъ на траурную колесницу. Гробъ несли первоначально нѣкоторые изъ литераторовъ, стоявшихъ близко къ покойному, и учащаяся молодежь. Передъ гробомъ несли шесть лавровыхъ вѣнковъ. Впереди шли двѣ женщины, держа вѣнокъ съ надписью: «Отъ русскихъ женщинъ». Въ нѣкоторомъ разстояніи сзади, выстроившись въ одну линію, несли пять вѣнковъ, снабженныхъ также довольно характерными надписями. Всѣ надписи, составленныя изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, весьма отчетливо выдѣлялись на зеленомъ фонѣ. Онѣ гласили: первая — «Поэту народныхъ страданій», вторая — «Слава печальнику горя народнаго», третья — «Некрасову — студенты», четвертая — «Безсмертному пѣвцу народа» и пятая — «Некрасову отъ сотрудниковъ». Разстояніе между линіею вѣнковъ и гробомъ, шаговъ около двѣсти, было, почти во всю ширину улицы, покрыто густою, сплошною массою народа. Литературный міръ былъ также почти въ полномъ сборѣ. Здѣсь были: Салтыковъ (Щедринъ), Плещеевъ, Шеллеръ, Михайловскій, Достоевскій, Мордовцевъ, Данилевскій, А. Потѣхинъ, Буренинъ, Стасюлевичъ, Григоровичъ, Вейнбергъ, Сергѣй Максимовъ и много другихъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, было бы назвать отсутствовавшихъ, хотя такихъ, повидимому, не было. Университетъ на этомъ прощальномъ чествованіи имѣлъ двухъ представителей, въ лицѣ профессоровъ — Сухомлинова и Таганцева.

---

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1877 г., № 360 («Похороны Некрасова»).

Изъ художниковъ можно было видѣть гг. Маковскаго и Микѣшина, который, какъ слышно, снялъ съ покойнаго поэта весьма удачный портретъ. Непосредственно за гробомъ, во главѣ новой сплошной стѣны народа, шли ближайшіе родственники Некрасова — жена его, затѣмъ сестра, Анна Алексѣевна Еракова, съ мужемъ и дѣтьми и одинъ изъ братьевъ Николая Алексѣевича. Кортежъ двигался медленно. Достаточно сказать, что, выступивъ съ угла Литейной и Бассейной въ 9 часовъ утра, онъ поравнялся съ Технологическимъ институтомъ въ 11 часовъ, а въ ограду Новодѣвичьяго монастыря вошелъ едва около часа пополудни. Толпа, по мѣрѣ движенія кортежа, все росла и росла, такъ что число участвовавшихъ въ кортежѣ представляло, по меньшей мѣрѣ, пятитысячную массу. На Загородномъ проспектѣ гробъ былъ прилаженъ на трехъ длинныхъ деревянныхъ шестахъ, и съ этого момента кортежъ пріобрѣлъ какъ бы правильную организацію. Въ несеніи гроба, одновременно, могло участвовать 24 лица, по 12-ти съ каждой стороны. Порядокъ, во время движенія кортежа, несмотря на многотысячныя массы народа, не былъ нарушаемъ. Вокругъ гроба публика изъ своей среды выдѣлила много охотниковъ обоего пола, составившихъ цѣпь, которая дозволяла гробу безпрепятственно двигаться впередъ. Такая же цѣпь составилась вокругъ несомыхъ передъ гробомъ лавровыхъ вѣнковъ. Это придавало кортежу еще бо́льшую торжественность. Въ несеніи вѣнковъ и гроба, отъ поры до времени, принимали участіе и люди изъ простого класса. Такъ, при вступленіи кортежа на Обуховскій проспектъ, первый вѣнокъ держали двѣ женщины — одна представительница интеллигентной среды, а другая въ нагольномъ тулупѣ, очевидно, принадлежавшая къ сельскому сословію. Въ несеніи остальныхъ вѣнковъ участвовали также крестьяне. Кортежъ былъ встрѣченъ у Новодѣвичьяго монастыря громадною массою публики, прибывшею прямо къ отпѣванію. Гробъ былъ внесенъ въ монастырскую церковь и установленъ по серединѣ. Несмотря на просторное помѣщеніе, далеко не всѣ могли проникнуть въ церковь. Болѣе счастливые пробрались на хоры, а затѣмъ значительная масса густою стѣною обложила мѣсто на кладбищѣ, приготовленное для принятія останковъ поэта. Понятно было желаніе всякаго приблизиться къ гробу, чтобы уловить черты лица человѣка, звучная лира котораго угасла навсегда. Страданія и смерть до того исказили это лицо, что казалось, ничто не могло

напомнить прежняго Некрасова. Только всмотрѣвшись ближе, особенно въ профиль, обликъ поэта представлялся вполнѣ отчетливо. Въ церкви надъ гробомъ Некрасова произнесъ прочувствованную рѣчь профессоръ университета Горчаковъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что лучшимъ свидѣтельствомъ заслугъ передъ родиною отошедшаго въ вѣчность поэта служитъ собравшаяся вокругъ гроба молодежь, на которую въ правѣ отечество возлагать всѣ свои надежды. Но собственно чествованіе памяти Некрасова словомъ началось тогда, когда, по совершеніи отпѣванія, гробъ былъ внесенъ на кладбище, на заранѣе приготовленное мѣсто. Каждому хотѣлось быть какъ можно ближе, чтобы не проронить ни одного слова, а потому не трудно представить себѣ, какая была давка. Нѣкоторые устроили себѣ сидѣнье на кладбищенской оградѣ. По исполненіи установленной молитвы, пѣвчіе, подъ акомпаниментъ громадной народной массы, мгновенно обнажившей головы, пропѣли «вѣчную память» и тѣмъ обрядъ кончился. Установилась всеобщая тишина. Первымъ говорилъ Панаевъ. Сказавъ, что Некрасовъ, будучи самородкомъ, благодаря своей встрѣчѣ, на зарѣ своей жизни, съ другимъ самородкомъ, Бѣлинскимъ, вышелъ на путь, стяжавшій ему славу народнаго поэта; г. Панаевъ, на основаніи своего 38-ми лѣтняго близкаго знакомства съ покойнымъ, торжественно удостовѣрилъ, что Некрасовъ, и какъ человѣкъ, былъ на высотѣ своего поэтическаго дарованія. Вторымъ ораторомъ выступилъ г. Достоевскій. Онъ сказалъ, между прочимъ, что Некрасовъ, какъ истинный человѣколюбецъ, въ своихъ произведеніяхъ изображалъ женщину въ образѣ матери, любящую своего ребенка, и что въ своихъ пѣсняхъ, бывшихъ вѣрнымъ отголоскомъ человѣческихъ страданій, онъ явился продолжателемъ Пушкина и Лермонтова. Послѣдній, по мнѣнію оратора, если бы прожилъ долѣе, непремѣнно выполнилъ бы то, что выпало на долю Некрасова. Вслѣдъ затѣмъ въ толпѣ раздался голосъ неизвѣстнаго оратора. Рѣчь его была импровизаціею на тему, что, со смертью Некрасова, Россія лишилась не только поэта, но и гражданина въ лучшемъ значеніи слова. Надъ могилою Некрасова были произнесены также стихотворенія. Вотъ одно изъ нихъ, вызвавшее знаки всеобщаго сочувствія:

Замолкла муза мести и печали,
Угасъ могучій нашъ поэтъ, —
Его словамъ съ восторгомъ мы внимали,

Его мы чтили съ юныхъ лѣтъ.
Могильный сонъ, глубокій, непробудный,
На вѣкъ сковалъ уста пѣвца,
Изсякъ родникъ живительный и чудный
Въ груди холодной мертвеца.
Родникъ любви той чистой, неизмѣнной,
Что̀ по лицу земли родной,
Какъ громкій зовъ, торжественный, священный,
Катилась свѣтлою волной.
И мощный стихъ, карающій, печальный,
Будилъ заснувшія сердца,
Громилъ порокъ — народъ многострадальный
Облекъ сіяніемъ вѣнца.
И злобою, огнемъ негодованья,
Кипучей местью онъ звучалъ,
Сатирой жгучей, словомъ отрицанья
Добру и правдѣ поучалъ.
Въ землѣ сырой, въ могилѣ одинокой
Спи мирно, славный нашъ поэтъ,
Съ тоской и скорбью, съ горестью глубокой
Тебѣ послѣдній шлемъ привѣтъ.
Рыдая, мы дрожащими руками
На гробъ бросаемъ твой цвѣты —
Весь въ зелени, межъ пышными вѣнками,
Лежишь въ гробу недвижимъ ты.
И знаю я, та зелень вся завянетъ
И твой истлѣетъ бренный прахъ,
Въ сердца друзей забвеніе заглянетъ,
Какъ червь ползущій на цвѣтахъ.
Но будешь жить ты въ памяти народной,
Навѣки сохранишься въ ней,
Поэтъ могучій, геній благородный
И слава родины твоей.

Изъ сказанныхъ еще рѣчей, заслуживаетъ быть отмѣченною рѣчь одного изъ литераторовъ, развившаго весьма краснорѣчиво мысль, что истинное торжество для Некрасова настанетъ далеко еще впереди, когда вдохновенныя пѣсни его будутъ повторяться въ каждой избѣ, въ каждой лачугѣ, словомъ, въ той средѣ, для которой его лира звучала особенно сильно... Впрочемъ, и сегодняшняя овація, импровизированная въ честь великаго поэта, была свидѣтельствомъ, что къ нему отнюдь нельзя примѣнить заключительной строфы одного изъ его стихотвореній:

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ
И только трупъ его увидя:
Какъ много сдѣлалъ онъ — поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя!

* * *

*) Вчера, въ пятницу, 30-го декабря, похоронили нашего дорогого незабвеннаго поэта Н. А. Некрасова. День былъ ясный, но чрезвычайно морозный. Выносъ тѣла былъ назначенъ въ 9 часовъ утра. Громадная толпа самаго пестраго народа сгруппировалась съ ранняго утра около квартиры, въ которой болѣе 20 лѣтъ жилъ Некрасовъ. Молча, спокойно, съ соблюденіемъ должной торжественности ожидала публика гроба на улицѣ, около самаго подъѣзда. Ровно въ 9 часовъ толпа молодыхъ людей вынесла гробъ на рукахъ. Впереди гроба несли вѣнки съ девизами изъ стиховъ покойнаго, и процессія двинулась по Литейной къ Загородному проспекту. Громадная масса народа, скучившаяся вначалѣ на одномъ мѣстѣ, стала постепенно растягиваться и по мѣрѣ движенія процессіи раздѣлилась на двѣ главныя группы. Во главѣ процессіи шла молодежь; сзади гроба двигалась толпа, собранная изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ нашего общества. Въ передовой группѣ молодежи можно было видѣть представителей почти всѣхъ учебныхъ заведеній: студентовъ университета, медицинской академіи и другихъ спеціальныхъ заведеній и воспитанницъ женскихъ курсовъ и гимназій.

Молодежь, схватившись за руки, образовала цѣпь четырехъугольникомъ. Въ серединѣ этой цѣпи впереди другихъ шли двѣ крестьянки въ полушубкахъ и несли небольшой вѣнокъ изъ зелени съ надписью: «Отъ русскихъ женщинъ», высоко поднявъ его надъ головою. Повременамъ ихъ смѣняли другія женщины. За ними слѣдовали студенты и воспитанницы съ громадными вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. На одномъ вѣнкѣ была надпись: «Слава печальнику горя народнаго», на другомъ: «Некрасову — студенты», на третьемъ: «Безсмертному пѣвцу Некрасову» и на четвертомъ: «Некрасову — сотрудники». Сейчасъ же сзади цѣпи шелъ хоръ студентовъ, пѣвшихъ, не переставая, вплоть до могилы молитвы и духовныя пѣсни. По обѣимъ сторонамъ этой группы ѣхало по одному жандарму. Затѣмъ

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1877 г., № 336 («Похороны Некрасова»).

шелъ священникъ съ дьякономъ, и наконецъ та же молодежь несла гробъ, постоянно смѣняя другъ друга. Сзади гроба двигалась толпа, состоявшая, кажется, изъ всѣхъ находящихся въ Петербургѣ литераторовъ, артистовъ и художниковъ, адвокатовъ, профессоровъ и пр. Нѣтъ такого органа печати, отъ котораго не было бы своего представителя. Большинство редакцій присутствовали въ полномъ составѣ. Наконецъ, были люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Вся эта масса людей, нескончаемый рядъ экипажей, оригинальная цѣпь студентовъ — все вмѣстѣ взятое представляло такую своеобразную картину, которую очень рѣдко можно видѣть на улицахъ Петербурга. Выходившіе навстрѣчу примыкали къ толпѣ, провожали гробъ, отходили, снова примыкали и снова отходили, и такъ вплоть до могилы. Процессія двигалась чрезвычайно тихо и торжественно сперва по Литейной, по Загородному проспекту и потомъ по большому Царскосельскому проспекту. Почти всѣ экипажи были пусты, публика провожала пѣшкомъ своего любимца. Замѣчательный порядокъ соблюдался безъ всякаго посторонняго вліянія. Процессія останавливалась около церквей и снова подвигалась далѣе, гробъ внесли въ большую церковь Новодѣвичьяго монастыря въ концѣ перваго часа пополудни, во время совершенія литургіи. Церковь была переполнена молящимися, на хорахъ помѣщалась также большая толпа народа; непопавшіе въ церковь направились прямо къ могилѣ. Послѣ обѣдни и панихиды о. Горчаковъ (профессоръ здѣшняго университета) произнесъ надгробную рѣчь, въ которой прекрасно выяснилъ значеніе умершаго поэта въ русской литературѣ. Рѣчь эта произвела на всѣхъ трогательное впечатлѣніе. На клиросахъ пѣли монахини. Послѣ рѣчи о. Горчакова толпа хлынула на могилу. Здѣсь, послѣ краткой литіи, тѣло опустили въ могилу. Толпа еще тѣснѣе надвинулась къ могилѣ. Многіе изъ присутствующихъ читали стихи и произносили рѣчи. Каждый изъ ораторовъ старался обрисовать ту или другую сторону поэтической дѣятельности покойнаго и опредѣлить мѣсто Некрасова въ ряду другихъ поэтовъ и писателей. Одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго обрисовалъ характеристику Некрасова какъ человѣка. Долго толпа не расходилась отъ могилы, много тутъ говорилось, многое вспоминалось. Безконечнымъ числомъ вѣнковъ забросали свѣжую могилу, и публика начала расходиться только съ первыми признаками наступающаго вечера.

Съ давнихъ поръ Петербургъ не видѣлъ похоронъ, которыя производили бы такое впечатлѣніе, какъ похороны Некрасова. Поэту суждено было даже и самою смертью своею возвысить значеніе поэтическаго творчества въ глазахъ русскаго народа.

* * *

*) Декабря 30 происходили похороны Н. А. Некрасова. Эти похороны отличались необыкновеннымъ характеромъ: едва ли когда-либо и кто-либо изъ русскихъ литературныхъ дѣятелей былъ почтенъ такимъ живымъ и знаменательнымъ сочувствіемъ общества при проводахъ его въ послѣдній пріютъ. Громадная толпа, по крайней мѣрѣ въ три-четыре тысячи человѣкъ, сопровождала гробъ поэта, который до самаго кладбища былъ несенъ на рукахъ. Большая часть этой толпы состояла изъ учащейся молодежи и литераторовъ. Всѣ наличныя литературныя силы были тутъ, начиная отъ сверстниковъ поэта, заслуженныхъ и извѣстныхъ писателей, и кончая начинающими дарованіями. Кромѣ того множество почитателей и поклонниковъ покойнаго положительно всѣхъ званій и всякаго состоянія, не исключая и простыхъ крестьянъ, шли за гробомъ «народнаго» поэта. По увѣренію старожиловъ, подобная многолюдная процессія была только на похоронахъ Крылова. Впереди гроба несли нѣсколько вѣнковъ съ разными надписями. Дубовый гробъ съ золотымъ позументомъ былъ украшенъ цвѣтами и зеленью. За гробомъ ѣхалъ траурный катафалкъ съ малиновымъ балдахиномъ и затѣмъ длинная вереница экипажей заканчивала торжественное шествіе. У каждой церкви, по пути къ кладбищу, служили литіи. Во все время дороги многочисленный хоръ провожавшихъ безпрерывно пѣлъ «Святый Боже». Похоронное шествіе продолжалось три часа. Большой соборъ Новодѣвичьяго монастыря былъ полонъ народомъ. На монастырскомъ кладбищѣ, у могилы, готовой принять бренные останки поэта, дожидалась огромная сплошная масса: повсюду виднѣлись люди, на окрестныхъ памятникахъ, на оградѣ кладбища. Отпѣваніе совершалось при двухъ хорахъ. Во время отпѣванія въ церкви, отецъ Горчаковъ сказалъ прочувствованное слово. Онъ характеризировалъ поэзію Некрасова, какъ народную, какъ поэзію народныхъ

*) «Новое время» 1877 г., № 661 («Похороны Н. А. Некрасова»).

страданій. Но поэтъ говорилъ о страданіяхъ не какого-нибудь класса народа, сословія или кружка, а о страданіяхъ насъ всѣхъ, безъ различія сословій, состояній, пола, возраста. Потому-то онъ истинно народный поэтъ. Пѣсни его не отличались отчаяніемъ, въ нихъ не звучала струна безнадежности, а напротивъ, онѣ исполнены были вѣры и надежды. Мы находили въ нихъ не только отголоски своего горя, своей печали, но почерпали въ нихъ силу, которая насъ поддерживала этой вѣрой и надеждой. Все, чего коснулся покойный, все это выражено въ неумирающихъ образахъ и глубоко прочувствованныхъ строфахъ. Поэтъ не забылъ и нашу церковь, и ей, нашей народной святынѣ, онъ посвятилъ глубокія строфы. Отецъ Горчаковъ прочелъ вслѣдъ за тѣмъ отрывки изъ стихотворенія «Рыцарь на часъ», какъ извѣстно, одного изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ задушевныхъ. Рѣчь прослушана была съ глубокимъ вниманіемъ. Затѣмъ настали минуты послѣдняго прощанія, и гробъ, колыхаясь надъ волновавшеюся толпою, тихо подвигался къ дверямъ. Мы были на хорахъ. Открытый ротъ покойнаго, глубоко впавшіе глаза, казавшіеся сверху открытыми, производили тяжелое впечатлѣніе: точно живой страдалецъ лежалъ въ гробу.

Гробъ былъ принесенъ къ могилѣ открытымъ. Нѣкоторыми изъ присутствующихъ друзей поэта, литераторовъ и студентовъ были произнесены у гроба рѣчи. Первымъ говорилъ г. Панаевъ, близко знавшій покойнаго. Затѣмъ Ѳ. М. Достоевскій. Въ рѣчахъ того и другого были высказаны глубоко теплые отзывы какъ о великомъ значеніи покойнаго въ русской поэзіи, такъ и о его многолюбящемъ сердцѣ, отзывавшемся на горе и страданія угнетенныхъ. Рѣчи молодыхъ людей были переполнены восторженнымъ почтеніемъ и энтузіазмомъ къ поэту. Всѣ присутствующіе отзывались живымъ сочувствіемъ на слова ораторовъ, выражавшемся въ искреннихъ возгласахъ одобренія. Были читаны и стихи...

Уже и послѣ того, какъ могила была зарыта, долго-долго не расходилась толпа, словно ей жалко было разстаться съ любимымъ своимъ пѣвцомъ, взятымъ холодною землею...

* * *

Смерть Некрасова. О томъ, что сказано на его могилѣ *).

Умеръ Некрасовъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ за мѣсяцъ до его смерти. Онъ казался тогда почти уже трупомъ, такъ что странно было даже видѣть, что такой трупъ говоритъ, шевелитъ губами. Но онъ не только говорилъ, но и сохранилъ всю ясность ума. Кажется, онъ все еще не вѣрилъ въ возможность близкой смерти. За недѣлю до смерти съ нимъ былъ параличъ правой стороны тѣла, и вотъ 28-го утромъ я узналъ, что Некрасовъ умеръ накануне, 27-го, въ 8 часовъ вечера. Въ тотъ же день я пошелъ къ нему. Страшно изможденное страданіемъ и искаженное лицо его какъ-то особенно поражало. Уходя, я слышалъ, какъ псалтирщикъ четко и протяжно прочелъ надъ покойнымъ: «Нѣсть человѣкъ иже не согрѣшитъ». Воротясь домой, я не могъ уже сѣсть за работу; взялъ всѣ три тома Некрасова и сталъ читать съ первой страницы. Я просидѣлъ всю ночь до шести часовъ утра, и всѣ эти тридцать лѣтъ какъ будто я прожилъ снова. Эти первыя четыре стихотворенія, которыми начинается первый томъ его стиховъ, появились въ Петербургскомъ Сборникѣ, въ которомъ явилась и моя первая повѣсть. Затѣмъ, по мѣрѣ чтенія (а я читалъ сподрядъ) передо мной пронеслась какъ бы вся моя жизнь. Я узналъ и припомнилъ и тѣ изъ стиховъ его, которые первыми прочелъ въ Сибири, когда выйдя изъ моего четырехлѣтняго заключенія въ острогѣ, добился наконецъ до права взять въ руки книгу. Припомнилъ и впечатлѣніе тогдашнее. Короче, въ эту ночь я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Некрасовъ и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ: какъ много Некрасовъ, какъ поэтъ, во всѣ эти тридцать лѣтъ, занималъ мѣста въ моей жизни! Какъ поэтъ, конечно. Лично мы сходились, мало и рѣдко и лишь однажды вполнѣ съ беззавѣтнымъ, горячимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ сорокъ пятомъ году, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Но я уже разсказывалъ объ этомъ. Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя разъ навсегда, обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ по-

*) Ѳ. Достоевскій. «Дневникъ Писателя» 1877 г., № 12.

чувствовалось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ конечно лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, чтобъ не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ) съ мученицей матерью, съ существомъ, столь любившимъ его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы, такъ же какъ эта, повлiять и властительно подѣйствовать на его волю и на иныя темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потомъ, помню, мы какъ-то разошлись, и довольно скоро; близость наша другъ съ другомъ продолжалась не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Помогли и недоразумѣнія, и внѣшнія обстоятельства, и добрые люди. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, когда я уже воротился изъ Сибири, мы хоть и не сходились часто, но несмотря даже на разницу въ убѣжденіяхъ, уже тогда начинавшуюся, встрѣчаясь, говорили иногда другъ другу даже странныя вещи — точно какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то продолжалось въ нашей жизни, начатое еще въ юности, еще въ сорокъ пятомъ году и какъ бы не хотѣло и не могло прерваться, хотя бы мы и по годамъ не встрѣчались другъ съ другомъ. Такъ, однажды въ шестьдесятъ третьемъ, кажется, году, отдавая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, онъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе, «Несчастные» и внушительно сказалъ: «Я тутъ объ васъ думалъ, когда писалъ это» (т.-е. объ моей жизни въ Сибири), «это объ васъ написано». И наконецъ тоже въ послѣднее время мы стали опять иногда видать другъ друга, когда я печаталъ въ его журналѣ мой романъ «Подростокъ»...

На похороны Некрасова собралось нѣсколько тысячъ его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессія выноса началась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже въ су-

мерки. Много говорилось на его гробѣ рѣчей, — изъ литераторовъ говорили мало. Между прочимъ, прочтены были чьи-то прекрасные стихи. Находясь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, я протѣснился къ его раскрытой еще могилѣ, забросанной цвѣтами и вѣнками, и слабымъ моимъ голосомъ произнесъ вслѣдъ за прочими нѣсколько словъ. Я именно началъ съ того, что это было раненое сердце, разъ на всю жизнь, и не закрывавшаяся рана эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ, отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететъ нашу русскую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, нашего простолюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его. Высказалъ тоже мое убѣжденіе, что въ поэзіи нашей Некрасовъ заключилъ собою рядъ тѣхъ поэтовъ, которые приходили со своимъ «новымъ словомъ». Въ самомъ дѣлѣ (устраняя всякій вопросъ о художнической силѣ его поэзіи и о размѣрахъ ея), Некрасовъ дѣйствительно былъ въ высшей степени своеобразенъ и дѣйствительно приходилъ съ «новымъ словомъ». Былъ, напримѣръ, въ свое время поэтъ Тютчевъ, поэтъ обширнѣе его и художественнѣе, и, однако, Тютчевъ никогда не займетъ такого виднаго памятнаго мѣста въ литературѣ нашей, какое, безспорно, останется за Некрасовымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, въ ряду поэтовъ (т.-е. приходившихъ съ «новымъ словомъ»), долженъ прямо стоять вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Когда я вслухъ выразилъ эту мысль, то произошелъ одинъ маленькій эпизодъ: одинъ голосъ изъ толпы крикнулъ, что Некрасовъ былъ *выше* Пушкина и Лермонтова, и что тѣ были всего только «байронисты». Нѣсколько голосовъ подхватили и крикнули: «да, выше!» Я, впрочемъ, о высотѣ и о сравнительныхъ размѣрахъ трехъ поэтовъ и не думалъ высказываться. Но вотъ, что вышло потомъ: въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», г. Скабичевскій, въ посланіи своемъ къ молодежи по поводу значенія Некрасова, разсказывая, что будто бы когда *кто-то* (т.-е. я) на могилѣ Некрасова, «вздумалъ сравнивать имя его съ именами Пушкина и Лермонтова, вы всѣ (т.-е. вся учащаяся молодежь) *въ одинъ голосъ хоромъ* прокричали: «онъ былъ выше, выше ихъ». Смѣю увѣрить г. Скабичевскаго, что ему не такъ передали, и что мнѣ твердо помнится (надѣюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнулъ всего одинъ голосъ: «выше, выше ихъ» и тутъ же прибавилъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ были «байронисты» —

прибавка, которая гораздо свойственнѣе и естественнѣе одному голосу и мнѣнію, чѣмъ *всѣмъ,* въ одинъ голосъ и тотъ же моментъ, т.-е. тысячному хору — такъ что фактъ этотъ свидѣтельствуетъ, конечно, скорѣе въ пользу моего показанія о томъ, какъ было это дѣло. И затѣмъ уже, сейчасъ послѣ перваго голоса, крикнуло еще нѣсколько голосовъ, но всего только нѣсколько, тысячнаго же хора я не слыхалъ, повторяю это и надѣюсь, что въ этомъ не ошибаюсь.

Я потому такъ на этомъ настаиваю, что мнѣ все же было бы чувствительно видѣть, что *вся* наша молодежь впадаетъ въ такую ошибку. Благодарность къ великимъ отошедшимъ именамъ должна быть присуща молодому сердцу. Безъ сомнѣнія, ироническій крикъ о байронистахъ и возгласы: «выше, выше», — произошли вовсе не отъ желанія затѣять надъ раскрытой могилой дорогого покойника литературный споръ, что было бы неумѣстно, а что тутъ просто былъ горячій порывъ заявить какъ можно сильнѣе все накопившееся въ сердцѣ чувство умиленія, благодарности и восторга къ великому и столь сильно волновавшему насъ поэту, и который, хотя и въ гробѣ, но все еще къ намъ такъ близокъ (ну, а тѣ-то великіе прежніе старики уже такъ далеко!). Но весь этотъ эпизодъ, тогда же на мѣстѣ, зажегъ во мнѣ намѣреніе объяснить мою мысль яснѣе въ будущемъ № «Дневника» и выразить подробнѣе, какъ смотрю я на такое замѣчательное и чрезвычайное явленіе въ нашей жизни и въ нашей поэзіи, какимъ былъ Некрасовъ и въ чемъ именно заключается, по моему, суть и смыслъ этого явленія.

Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ.

И во-первыхъ, словомъ «байронистъ» браниться нельзя. Байронизмъ хоть былъ и моментальнымъ, но великимъ, святымъ и необходимымъ явленіемъ въ жизни европейскаго человѣчества, да чуть ли не въ жизни и всего человѣчества. Байронизмъ появился въ минуту страшной тоски людей, разочарованія ихъ и почти отчаянія. Послѣ изступленныхъ восторговъ новой вѣры въ новые идеалы, провозглашенной въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, — въ передовой тогда націи европейскаго человѣчества, наступилъ исходъ, столь непохожій на то, чего ожидали, столь обманувшій вѣру людей, что никогда, можетъ быть, не было въ исторіи западной Европы столь грустной минуты. И не отъ однихъ только внѣшнихъ (политическихъ) при-

чинъ пали вновь воздвигнутые на мигъ кумиры, но и отъ внутренней несостоятельности ихъ, что ясно увидѣли всѣ прозорливыя сердца и передовые умы. Новый *исходъ* еще не обозначался, и все задыхалось подъ страшно понизившимся и съузившимся надъ человѣчествомъ прежнимъ его горизонтомъ. Старые кумиры лежали разбитые. И вотъ, въ эту-то минуту и явился великій и могучій геній, страстный поэтъ. Въ его звукахъ зазвучала тогдашняя тоска человѣчества и мрачное разочарованіе его въ своемъ назначеніи и въ обманувшихъ его идеалахъ. Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали, проклятія и отчаянія. Духъ байронизма вдругъ пронесся какъ бы по всему человѣчеству, все оно откликнулось ему. Это именно было какъ бы отворенный клапанъ; по крайней мѣрѣ среди всеобщихъ и глухихъ стоновъ, даже большею частью безсознательныхъ, это именно былъ тотъ могучій крикъ, въ которомъ соединились и согласились всѣ крики и стоны человѣчества. Какъ было не откликнуться на него и у насъ, да еще такому великому, геніальному и руководящему уму какъ Пушкинъ? Всякій сильный умъ и всякое великодушное сердце не могли и у насъ тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствію къ Европѣ и къ европейскому человѣчеству издали, а потому, что и у насъ, и въ Россіи, какъ разъ къ тому времени, обозначилось слишкомъ много новыхъ, неразрѣшенныхъ и мучительныхъ тоже вопросовъ, и слишкомъ много старыхъ разочарованій... Но величіе Пушкина, какъ руководящаго генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро, и окруженный почти совсѣмъ не понимавшими его людьми, нашелъ твердую дорогу, *нашелъ великій и вождѣленный исходъ для насъ русскихъ и указалъ на него*. Этотъ исходъ былъ — народность, *преклоненіе передъ правдой народа русскаго*. «Пушкинъ былъ явленіе великое, чрезвычайное». Пушкинъ былъ «не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ». Непонимать русскому Пушкина, значитъ не имѣть права называться русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ всечеловѣчностью генія своего и способностью откликаться на всѣ многоразличныя духовныя стороны европейскаго человѣчества, и почти перевоплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей, засвидѣтельствовалъ о всечеловѣчности и всеобъемлемости русскаго духа и тѣмъ

какъ бы провозвѣстилъ и о будущемъ предназначеніи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединяющаго, всепримиряющаго и всевозрождающаго въ немъ начала. Не скажу и о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ тоскѣ своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

Увижу ли народъ освобожденный
И рабство, павшее по манію царя!

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина къ народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую еще никто не выказывалъ до него. «Не люби ты меня, а полюби ты *мое*» — вотъ что вамъ скажетъ всегда народъ, если захочетъ увѣриться въ искренности вашей любви къ нему.

Полюбить, т.-е. пожалѣть народъ за его нужды, бѣдность, страданія, можетъ и всякій баринъ, особенно изъ гуманныхъ и европейски — просвѣщенныхъ. Но народу *надо,* чтобъ его не за одни страданія его любили, а чтобъ полюбили и *его самого.* Что же значитъ *полюбить его самого?* «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту» — вотъ что это значитъ и вотъ какъ вамъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ, сколько бы тамъ объ немъ ни печалились. Фальшь онъ тоже всегда разглядитъ, какими-бы жалкими словами вы ни соблазняли его. Пушкинъ именно такъ полюбилъ народъ, какъ народъ того требуетъ, и онъ не угадывалъ, какъ надо любить народъ, не приготовлялся, не учился: онъ самъ вдругъ оказался народомъ. Онъ преклонился передъ правдой народною, онъ призналъ народную правду, какъ свою правду. Не смотря на всѣ пороки народа и многія смердящія привычки его, онъ съумѣлъ различить великую суть его духа тогда, когда никто почти такъ не смотрѣлъ на народъ, и принялъ эту суть народную въ свою душу, какъ свой идеалъ. И это тогда, когда самые наиболѣе гуманные и европейски развитые любители народа русскаго сожалѣли откровенно, что народъ нашъ столь низокъ, что никакъ не можетъ подняться до парижской уличной толпы. Въ сущности, эти любители всегда презирали народъ. Они вѣрили, главное, что онъ рабъ, рабствомъ же извиняли паденіе его, но раба не могли вѣдь любить, рабъ все-таки былъ отвратителенъ. Пушкинъ первый объявилъ, что русскій человѣкъ *не рабъ,* и никогда не былъ имъ, не смотря на многовѣковое рабство.

Было рабство, но не было рабовъ (въ цѣломъ, конечно, въ общемъ, не въ частныхъ исключеніяхъ) — вотъ тезисъ Пушкина. Онъ даже по виду, по походкѣ русскаго мужика заключалъ, что это не рабъ и не можетъ быть рабомъ (хотя и состоитъ въ рабствѣ), — черта, свидѣтельствующая въ Пушкинѣ о глубокой непосредственной любви къ народу. Онъ призналъ и высокое чувство собственнаго достоинства въ народѣ нашемъ (опять-таки въ цѣломъ, мимо всегдашнихъ и неотразимыхъ исключеній), онъ предвидѣлъ то спокойное достоинство, съ которымъ народъ нашъ приметъ и освобожденіе свое отъ крѣпостного состоянія, — чего не понимали, напримѣръ, замѣчательнѣйшіе образованные русскіе европейцы уже гораздо позднѣе Пушкина и ожидали совсѣмъ другого отъ народа нашего. О, они любили народъ искренно и горячо, но по своему, т.-е. по европейски. Они кричали о звѣриномъ состояніи народа, о звѣриномъ положеніи его въ крѣпостномъ рабствѣ, но и вѣрили всѣмъ сердцемъ своимъ, что народъ нашъ дѣйствительно звѣрь. И вдругъ этотъ народъ очутился свободнымъ съ такимъ мужественнымъ достоинствомъ, безъ малѣйшаго позыва на оскорбленіе бывшихъ владѣтелей своихъ: «Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, если хочешь — иди ко мнѣ, за твое хорошее всегда тебѣ отъ меня честь». Да, для многихъ нашъ крестьянинъ по освобожденіи своемъ явился страннымъ недоумѣніемъ. Многіе даже рѣшили, что это въ немъ отъ неразвитости и тупости, остатковъ прежняго рабства. И это теперь, что же было во времена Пушкина? Не я ли слышалъ самъ, въ юности моей, отъ людей передовыхъ и «компетентныхъ», что образъ Пушкинскаго Савельича въ «Капитанской дочкѣ», раба помѣщиковъ Гриневыхъ, упавшаго въ ноги Пугачеву и просившаго его пощадить барченка, а «для примѣра и страха ради повѣсить ужъ лучше его, старика», — что этотъ образъ, не только есть образъ раба, но и апоѳеозъ русскаго рабства!

Пушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. За страданія сожалѣютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ не баринъ, милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь, — это былъ человѣкъ самъ перевоплощавшійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ его. Умаленіе Пушкина

какъ поэта болѣе исторически, болѣе архаически преданнаго народу, чѣмъ на дѣлѣ — ошибочно и не имѣетъ даже смысла. Въ этихъ историческихъ и архаическихъ мотивахъ звучитъ такая любовь и такая *оцѣнка народа*, которая принадлежитъ народу *вѣковѣчно*, всегда и теперь и въ будущемъ, а не въ одномъ только какомъ-нибудь давно прошедшемъ историческомъ періодѣ. Народъ нашъ любитъ свою исторію главное за то, что въ ней встрѣчаетъ незыблемою ту же самую святыню, въ которую сохранилъ онъ свою вѣру и теперь, несмотря на всѣ страданія и мытарства свои. Начиная съ величавой, огромной фигуры лѣтописца въ Борисѣ Годуновѣ до изображенія спутниковъ Пугачева,—все это у Пушкина—народъ въ его глубочайшихъ проявленіяхъ, и все это понятно народу, какъ собственная суть его. Да это ли одно? Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьется вездѣ. Въ великихъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ будто бы западныхъ славянъ, но которыя суть явно порожденіе русскаго великаго духа, вылилось все сердце русское, объявилось все міровоззрѣніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, сказаніяхъ, высказалось все, что любитъ и чтитъ народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ защитниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, любви и жертвы. А такія прелестныя шутки Пушкина, какъ напримѣръ болтовня двухъ пьяныхъ мужиковъ или Сказаніе о Медвѣдѣ, у котораго убили медвѣдицу—это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное въ его созерцаніи народа. Если бъ Пушкинъ прожилъ дольше, то оставилъ бы намъ такія художественныя сокровища для пониманія народнаго, которыя, вліяніемъ своимъ, навѣрно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенціи нашей, столь возвышающейся и до сихъ поръ надъ народомъ въ гордости своего европеизма, — къ народной правдѣ, къ народной силѣ и къ сознанію народнаго назначенія. Вотъ это-то поклоненіе передъ правдой народа вижу я отчасти (увы, можетъ быть, одинъ я изъ всѣхъ его почитателей) и въ Некрасовѣ, въ сильнѣйшихъ произведеніяхъ его. Мнѣ дорого, очень дорого, что онъ «печальникъ народнаго горя» и что онъ такъ много и страстно говорилъ о горѣ народномъ, но еще дороже для меня въ немъ то, что въ великіе, мучительные и восторженные моменты своей жизни, онъ, несмотря на всѣ противоположныя вліянія и даже на собственныя

убѣжденія свои, преклонялся передъ народной правдой всѣмъ существомъ своимъ, о чемъ и засвидѣтельствовалъ въ своихъ лучшихъ созданіяхъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и поставилъ его, какъ пришедшаго послѣ Пушкина и Лермонтова, съ тѣмъ же самымъ отчасти новымъ словомъ, какъ и тѣ (потому что «слово» Пушкина до сихъ поръ еще для насъ новое слово. Да и не только новое, а еще и не узнанное, не разобранное, за самый старый хламъ считающееся).

Прежде, чѣмъ перейду къ Некрасову, скажу два слова и о Лермонтовѣ, чтобъ оправдать то, почему я тоже поставилъ и его, какъ увѣровавшаго въ правду народную. Лермонтовъ, конечно, былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической силѣ своей и байронистъ-то особенный, — какой то насмѣшливый капризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ особенное свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но еслибъ онъ пересталъ возиться съ больною личностью русскаго интеллигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то навѣрно бы кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой, и на то есть большія и точныя указанія. Но смерть опять помѣшала. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ стихахъ своихъ онъ мраченъ, капризенъ, хочетъ говорить правду, но чаще лжетъ и самъ знаетъ объ этомъ и мучается тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ коснется народа, тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ. И вотъ онъ разъ пишетъ безсмертную пѣсню о томъ, какъ молодой купецъ Калашниковъ, убивъ за безчестье свое государева опричника Кирибѣевича, и призванный царемъ Иваномъ предъ грозныя его очи, отвѣчаетъ ему: что убилъ онъ государева слугу Кирибѣевича «вольной волею, а не нехотя». Помните ли вы, господа, «раба Шибанова?» Рабъ Шибановъ былъ рабъ князя Курбскаго, русскаго эмигранта 16-го столѣтія, писавшаго все къ тому же царю Ивану свои оппозиціонныя и почти ругательныя письма изъ-за границы, гдѣ онъ безопасно пріютился. Написавъ одно письмо, онъ призвалъ раба своего Шибанова и велѣлъ ему письмо снести въ Москву и отдать царю лично. Такъ и сдѣлалъ рабъ Шибановъ. На Кремлевской площади онъ остановилъ выходившаго изъ собора царя, окруженнаго своими приспѣшниками и подалъ ему посланіе своего господина, князя Курбскаго. Царь поднялъ жезлъ свой съ острымъ на-

конечникомъ, съ размаху вонзилъ его въ ногу Шибанова, оперся на жезлъ и сталъ читать посланіе. Шибановъ съ проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда сталъ потомъ отвѣчать письмомъ князю Курбскому, написалъ, между прочимъ: «Устыдися раба твоего Шибанова». Это значило, что онъ самъ устыдился раба Шибанова. Этотъ образъ русскаго «раба» должно быть поразилъ душу Лермонтова. Его Калашниковъ говоритъ царю безъ укора, безъ попрека за Кирибѣевича, говоритъ онъ, зная про вѣрную казнь, его ожидающую, царю всю правду истинную», что убилъ его любимца «вольной волею, а не нехотя». Повторяю, остался бы Лермонтовъ жить и мы бы имѣли великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а можетъ истиннаго «*печальника горя народнаго*». Но это имя досталось Некрасову...

Опять таки, я не равняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не мѣряю аршиномъ, кто выше, кто ниже, потому что тутъ не можетъ быть ни сравненія, ни даже вопроса о немъ. Пушкинъ, по обширности и глубинѣ своего русскаго генія, до сихъ поръ есть какъ солнце надъ всѣмъ нашимъ русскимъ интеллигентнымъ міровоззрѣніемъ. Онъ великій и непонятый еще предвозвѣститель. Некрасовъ есть малая точка въ сравненіи съ нимъ, малая планета, но вышедшая изъ этого же великаго солнца. И мимо всѣхъ мѣрокъ: кто выше, кто ниже, за Некрасовымъ остается безсмертіе, вполнѣ имъ заслуженное, и я уже сказалъ почему — за преклоненіе его передъ народной правдой, что происходило въ немъ не изъ подражанія какого-нибудь, не вполнѣ по сознанію даже, а потребностью, неудержимой силой. И это тѣмъ замѣчательнѣе въ Некрасовѣ, что онъ всю жизнь свою былъ подъ вліяніемъ людей, хотя и любившихъ народъ, хотя и печалившихся о немъ, можетъ быть, весьма искренно, но никогда не признававшихъ въ народѣ правды, и всегда ставившихъ европейское просвѣщеніе свое несравненно выше истины духа народнаго. Не вникнувъ въ русскую душу и не зная, чего ждетъ и проситъ она, имъ часто случалось желать нашему народу, со всею любовью къ нему, того, что прямо могло бы послужить къ его бѣдствію. Не они-ли въ русскомъ народномъ движеніи, за послѣдніе два года, не признали почти вовсе той высоты подъема духа народнаго, которую онъ, можетъ быть въ первый разъ еще, высказываетъ въ такой полнотѣ и силѣ и тѣмъ свидѣтельствуетъ о своемъ здравомъ, могучемъ и непоколебимомъ

доселѣ живомъ единеніи въ одной и той же великой мысли и почти предузнаетъ самъ будущеее предназначеніе свое. И мало того, что не признаютъ правды движенія народнаго, но и считаютъ его почти ретроградствомъ, чѣмъ-то свидѣтельствующимъ о непроходимой безсознательности, о заматерѣвшей вѣками неразвитости народа русскаго. Некрасовъ же, не смотря на замѣчательный, чрезвычайно сильный умъ свой, былъ лишенъ, однако, серьезнаго образованія, по крайней мѣрѣ образованіе его было небольшое. Изъ извѣстныхъ вліяній онъ не выходилъ во всю жизнь, да и не имѣлъ силъ выйти. Но у него была своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а главное непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣлъ о страданіяхъ его всей душою, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но смогъ силой любви своей постичь почти безсознательно и красоту народную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его и даже частію увѣровать и въ будущее предназначеніе его. О, сознательно Некрасовъ могъ въ многомъ ошибаться! Онъ могъ воскликнуть въ недавно напечатанномъ въ первый разъ экспромтѣ его, съ тревожнымъ укоромъ созерцая освобожденный уже отъ крѣпостного состоянія народъ,

...«Но счастливъ-ли народъ?»

Великое чутье его сердца предсказало ему скорбь народную, но еслибъ его спросили: «чего же пожелать народу и какъ это сдѣлать?», то онъ, можетъ быть, далъ бы и весьма ошибочный, даже пагубный отвѣтъ. И ужь конечно его нельзя винить: политическаго смысла у насъ еще до рѣдкости мало, а Некрасовъ, повторяю, былъ всю жизнь подъ чужими вліяніями. Но сердцемъ своимъ, но великимъ поэтическимъ вдохновеніемъ своимъ, онъ неудержимо примыкалъ, въ иныхъ великихъ стихотвореніяхъ своихъ, къ самой сути народной. Въ этомъ смыслѣ это былъ народный поэтъ. Всякій, выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова. Но лишь при образованіи. Вопросъ о томъ, пойметъ-ли Некрасова теперь прямо весь народъ русскій — безъ сомнѣнія, вопросъ явно немыслимый. Что пойметъ «простой народъ» въ шедеврахъ его: «Рыцарь на часъ», «Тишина», «Русскія женщины?» Даже въ великомъ «Власѣ» его, который можетъ быть понятенъ народу (но не вдохновитъ нисколько на-

15*

родъ, ибо все это поэзія, давно уже вышедшая изъ непосредственной жизни), народъ отличитъ два-три фальшивые штриха навѣрно. Что разберетъ народъ въ одной изъ самыхъ могучихъ и самыхъ зовущихъ поэмъ его: «На Волгѣ?» Это настоящій духъ и тонъ Байрона. Нѣтъ, Некрасовъ пока еще — лишь поэтъ русской интеллигенціи, съ любовью и со страстью говорившій о народѣ и страданіяхъ его той же русской интеллигенціи. Не говорю въ будущемъ, — въ будущемъ народъ отмѣтитъ Некрасова. Онъ пойметъ тогда, что былъ когда-то такой добрый русскій баринъ, который плакалъ скорбными слезами о его народномъ горѣ и ничего лучше и придумать не могъ, какъ, убѣгая отъ своего богатства и отъ грѣшныхъ соблазновъ барской жизни своей, приходить въ очень тяжкія минуты свои къ нему, къ народу, и въ неудержимой любви къ нему очищать свое измученное сердце, — ибо любовь къ народу у Некрасова была лишь *исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ...*

Но прежде, чѣмъ разъясню: какъ понимаю я эту «собственную скорбь» дорогого намъ усопшаго поэта по себѣ самомъ, — не могу не обратить вниманія на одно характерное и любопытное обстоятельство, обозначившееся почти во всей нашей газетной прессѣ, сейчасъ послѣ смерти Некрасова, почти во всѣхъ статьяхъ, говорившихъ о немъ.

Поэтъ и гражданинъ. Общіе толки о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ.

Всѣ газеты, чуть только заговаривали о Некрасовѣ, по поводу смерти и похоронъ его, чуть только начинали опредѣлять его значеніе, какъ тотчасъ-же и прибавляли, всѣ безъ изъятія, нѣкоторыя соображенія о какой-то «практичности» Некрасова, о какихъ-то недостаткахъ его, порокахъ даже, о какой-то двойственности въ томъ образѣ, который онъ намъ оставилъ о себѣ. Иныя газеты лишь намекали на эту тему чуть-чуть, въ какихъ-нибудь двухъ строкахъ, но важно то, что все-таки намекали, видимо по какой-то даже необходимости, которой избѣжать не могли. Въ другихъ же изданіяхъ, говорившихъ о Некрасовѣ обширнѣе, выходило и еще страннѣе. Въ самомъ дѣлѣ: не формулируя обвиненій въ подробности и какъ бы избѣгая того, отъ глубокой и искренней почтительности къ покойному, они все таки пускались... оправдывать

его, такъ что выходило еще непонятнѣе. «Да въ чемъ же вы оправдываете?» срывался невольно вопросъ; если знаете что, то прятаться нечего, а мы хотимъ знать, нуждается-ли еще онъ въ оправданіяхъ нашихъ? Вотъ какой зажигался вопросъ. Но формулировать не хотѣли, а съ оправданіями и съ оговорками спѣшили, какъ будто желая поскорѣе предупредить кого-то, и, главное, опять таки,—какъ будто и не могли никакъ избѣжать этого, хотя-бы можетъ быть, и хотѣли того. Вообще, чрезвычайно любопытный случай, но если вникнуть въ него, то и вы, и всякій, кто бы вы ни были, несомнѣнно придете къ заключенію, чуть лишь размыслите, что случай этотъ совершенно нормальный, что, заговоривъ о Некрасовѣ, какъ о поэтѣ, дѣйствительно никакъ нельзя миновать говорить о немъ, какъ и о лицѣ, потому что въ Некрасовѣ поэтъ и гражданинъ—до того связаны, до того оба не объяснимы одинъ безъ другого, и до того, взятые вмѣстѣ, объясняютъ другъ друга, что, заговоривъ о немъ, какъ о поэтѣ, вы даже невольно переходите къ гражданину и чувствуете, что какъ бы принуждены и должны это сдѣлать и избѣжать не можете.

Но что же мы можемъ сказать, и что именно мы видимъ? Произносится слово «практичность», т. е. умѣніе обдѣлывать свои дѣла, но и только, а за тѣмъ спѣшатъ съ оправданіями: «онъ де страдалъ, онъ съ дѣтства былъ заѣденъ средой», онъ вытерпѣлъ еще юношей въ Петербургѣ, безпріютнымъ, брошеннымъ, много горя, а слѣдственно и сдѣлался «практичнымъ», (т. е. какъ будто и не могъ ужъ не сдѣлаться). Другіе идутъ даже дальше и намекаютъ, что безъ этой то вѣдь «практичности» Некрасовъ пожалуй и не совершилъ бы столь явно полезныхъ дѣлъ на общую пользу, напр., совладалъ съ изданіемъ журнала и проч. и проч. Что же, для хорошихъ цѣлей оправдывать стало быть дурныя средства? И это говоря о Некрасовѣ-то, человѣкѣ, который потрясалъ сердца, вызывалъ восторгъ и умиленіе къ доброму и прекрасному стихами своими. Конечно, все это говорится, чтобъ извинить, но мнѣ кажется, Некрасовъ не нуждается въ такомъ извиненіи. Въ извиненіяхъ на подобную тему всегда заключается какъ бы нѣчто принизительное, и какъ бы затемняется и умаляется образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тѣмъ какъ бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при

извѣстныхъ обстоятельствахъ, чуть не необходима. А если такъ, то совершенно приходится примириться съ образомъ человѣка, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричитъ: «я упалъ, я упалъ». И это, въ безсмертной красоты стихахъ, которые онъ въ ту же ночь запишетъ, а на завтра, чуть пройдетъ ночь и обсохнутъ слезы, и опять примется за «практичность», потому де, что она, мимо всего другого — *и необходима.* Да что же тогда будутъ означать эти стоны и крики, облекшіеся въ стихи? Искусство для искусства не болѣе и даже въ самомъ пошломъ его значеніи, потому что онъ эти стихи самъ похваливаетъ, самъ на нихъ любуется, ими совершенно доволенъ, ихъ печатаетъ, на нихъ разсчитываетъ: придадутъ дескать блескъ изданію, взволнуютъ молодыя сердца. Нѣтъ, если все это оправдывать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порождаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хороните»? мы, провожавшіе гробъ его, принуждены бы были отвѣтить, что хоронимъ «самаго яркаго представителя искусства для искусства, какой только можетъ быть». Ну а было-ли это такъ? Нѣтъ, *во истину это не было такъ,* а хоронили мы во истину «печальника народнаго горя» и вѣчнаго страдальца о себѣ самомъ, вѣчнаго, неустаннаго, который никогда не могъ успокоить себя, и самъ съ отвращеніемъ и самобичеваніемъ отвергалъ дешевое примиреніе.

Нужно выяснить дѣло, выяснить искренно и безпристрастно, и что выяснится, то принять какъ оно есть, не смотря ни на какое лицо и ни на какія дальнѣйшія соображенія. Тутъ надо именно выяснить всю суть по возможности, чтобы какъ можно точнѣе добыть изъ выясненій фигуру покойнаго, лицо его; такъ наши сердца требуютъ, для того чтобъ не оставалось у насъ о немъ ни малѣйшаго такого недоумѣнія, которое невольно чернитъ память, оставляетъ нерѣдко и на высокомъ образѣ недостойную тѣнь.

Самъ я зналъ «практическую жизнь» покойника мало, а потому приступить къ анекдотической части дѣла не могу, но еслибъ и могъ, то не хочу, потому что прямо окунусь въ то, что самъ признаю сплетнею. Ибо я твердо увѣренъ (и прежде былъ увѣренъ), что изъ всего, что разсказывали про покойнаго, по крайней мѣрѣ, половина, а можетъ быть и всѣ три четверти — чистая ложь. Ложь, вздоръ и сплетни. У такого характернаго и замѣчательнаго человѣка, какъ Некрасовъ, — не могло не быть враговъ. А

то, что дѣйствительно было, что въ самомъ дѣлѣ случалось,—то не могло тоже не быть подъ часъ преувеличено. Но принявъ это, все-таки увидимъ, что нѣчто все таки остается. Что же такое? Нѣчто мрачное, темное и мучительное безспорно, потому что — что же означаютъ тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признанія, что «онъ упалъ», эта страстная исповѣдь передъ тѣнью матери? Тутъ самобичеваніе, тутъ казнь? Опять таки въ анекдотическую сторону дѣла вдаваться не буду, но думаю, что суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта какъ бы предсказана имъ же самимъ, еще на зарѣ дней его, въ одномъ изъ самыхъ первоначальныхъ его стихотвореній, набросанныхъ, кажется, еще до знакомства съ Бѣлинскимъ (и потомъ ужъ позднѣе обдѣланныхъ и получившихъ ту форму, въ которой явились они въ печати). Вотъ эти стихи:

Огни зажигались вечерніе,
Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
Когда изъ Полтавской губерніи
Я въ городъ столичный входилъ.

Въ рукахъ была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечахъ шубенка овчиная,
Въ карманахъ пятнадцать грошей.

Ни денегъ, ни званья, ни племени,
Малъ ростомъ и съ виду смѣшонъ,
Да сорокъ лѣтъ минуло времени, —
Въ карманѣ моемъ милліонъ.

Милліонъ — вотъ демонъ Некрасова! Чтожь, онъ любилъ такъ золото, роскошь, наслажденія, и чтобы имѣть ихъ пускался въ «практичности». Нѣтъ, скорѣе это былъ другого характера демонъ; это былъ самый мрачный и унизительный бѣсъ. Это былъ демонъ гордости, жажды, самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердой стѣной и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, очутившагося на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотѣла, войти въ соглашеніе съ этой чуждой толпою людей не желала. Не

то, чтобы невѣріе въ людей закралось въ сердце его такъ рано, но скорѣе скептическое и слишкомъ раннее (а стало быть и ошибочное) чувство къ нимъ. Пусть они не злы, пусть они не такъ страшны, какъ объ нихъ говорятъ (навѣрно думалось ему), но они, всѣ, все-таки слабая и робкая дрянь, а потому и безъ злости погубятъ чуть-лишь дойдетъ до ихъ интереса. Вотъ тогда-то и начались, можетъ быть, мечтанія Некрасова, можетъ быть и сложились тогда же на улицѣ стихи: «въ карманѣ моемъ милліонъ».

Это была жажда мрачнаго, угрюмаго объединеннаго самообезпеченія, чтобы уже не зависѣть ни отъ кого. Я думаю, что я не ошибаюсь, я припоминаю кое-что изъ самаго перваго моего знакомства съ нимъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось всю потомъ жизнь. Но, этотъ демонъ все же былъ низкій демонъ. Такого-ли *самообезпеченія* могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная такъ отзываться на все святое и непокидавшая вѣры въ него. Развѣ такимъ сомообезпеченіемъ ограждаютъ себя столь одаренныя души? такіе люди пускаются въ путь босы и съ пустыми руками и на сердцѣ ихъ ясно и свѣтло. Самообезпеченіе ихъ не въ золотѣ. Золото — грубость, насиліе, деспотизмъ! Золото можетъ казаться обезпеченіемъ именно той слабой и робкой толпѣ, которую Некрасовъ самъ презиралъ. Неужели картины насилія и потомъ жажда сластолюбія и разврата могли ужиться въ такомъ сердцѣ, въ сердцѣ человѣка, который самъ бы могъ воззвать къ иному: «брось все, возьми посохъ свой и иди за мной»,

Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Но демонъ осилилъ, и человѣкъ остался на мѣстѣ, и никуда не пошелъ.

За то и заплатилъ страданіемъ, страданіемъ всей жизни своей. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ лишь стихи, но что мы знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ, борьбѣ, несомнѣнно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я не говорю уже о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ объ нихъ не публиковалъ, но они несомнѣнно были, люди уже начинаютъ свидѣтельствовать объ гуманности, нѣжности этой «практичной» души. Г. Суворинъ уже публиковалъ нѣчто; я увѣренъ, что обнаружится много и еще

добрыхъ свидѣтельствъ, — не можетъ быть иначе. «О, скажутъ мнѣ, вы тоже вѣдь оправдываете, да еще дешевле нашего». Нѣтъ, я не оправдываю, я только разъясняю и добился того, что могу поставить вопросъ, — вопросъ окончательный и всеразрѣшающій.

Свидѣтель въ пользу Некрасова.

Еще Гамлетъ дивился на слезы актера, декламировавшаго свою роль и плакавшаго о какой-то Гекубѣ: «что ему Гекуба»? спрашивалъ Гамлетъ. Вопросъ предстоитъ прямой: былъ ли нашъ Некрасовъ такой же самый актеръ, т. е. способный *искренно* заплакать о себѣ и о той святынѣ духовной, которой самъ лишалъ себя, излить затѣмъ скорбь свою (настоящую скорбь!) въ безсмертной красоты стихахъ и на завтра же способный дѣйствительно утѣшиться... этой красотою стиховъ. Красотою стиховъ и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стиховъ, какъ на «практическую» же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу и употребить эту вещь, въ этомъ смыслѣ? Или, напротивъ того, скорбь поэта не проходила и послѣ стиховъ, не удовлетворялась ими: красота ихъ, сила въ нихъ выраженная, угнетала и мучила его самого, и если, будучи не въ силахъ совладать съ своимъ вѣчнымъ демономъ, съ страстями, побѣдившими его на всю жизнь, онъ и опять падалъ, то спокойно-ли примирялся съ своимъ паденіемъ, не возобновлялись-ли его стоны и крики еще сильнѣе въ тайныя святыя минуты покаянія, — повторялись-ли, усиливались-ли въ сердцѣ его съ каждымъ разомъ такъ, что самъ онъ наконецъ могъ видѣть ясно, чего стоитъ ему его демонъ, и какъ дорого заплатилъ онъ за тѣ блага, которыя получилъ отъ него. Однимъ словомъ, если онъ и могъ *примиряться* моментально съ демономъ своимъ, и даже самъ могъ пускаться оправдывать «практичность» свою въ разговорахъ съ людьми, то оставалось-ли такое примиреніе и успокоеніе навѣчно, или, напротивъ улетало мгновенно изъ сердца, оставляя по себѣ еще жгуче боль, стыдъ и угрызенія? Тогда, — еслибъ только можно было рѣшить этотъ вопросъ, — тогда намъ что жь-бы оставалось? Оставалось бы только осудить его за то, что, будучи не въ силахъ совладать съ соблазнами своими, онъ не покончилъ съ собой, напримѣръ, какъ тотъ древній печерскій

многострадалецъ, который, тоже будучи не въ силахъ совладать съ зміемъ страсти его мучившей, закопалъ себя по поясъ въ землю и умеръ, если не изгнавъ своего демона, то ужь конечно побѣдивъ его. Въ такомъ случаѣ мы сами, т.-е. каждый изъ насъ, очутились-бы въ унизительномъ и комическомъ положеніи, еслибъ осмѣлились брать на себя роль судей, произносящихъ такіе приговоры. Тѣмъ не менѣе поэтъ, который самъ написалъ о себѣ:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ,

тѣмъ самымъ какъ бы и призналъ надъ собой судъ людей, какъ «гражданъ». Какъ лицамъ намъ бы конечно было стыдно судить его. Сами то мы каковы, каждый то изъ насъ? Мы только не говоримъ лишь о себѣ вслухъ, и прячемъ нашу мерзость, съ которою вполнѣ миримся, внутри себя. Поэтъ плакалъ, можетъ быть, о такихъ дѣлахъ своихъ, отъ которыхъ мы бы и не поморщились, еслибъ совершили ихъ. Вѣдь мы знаемъ о паденіяхъ его, о демонѣ его изъ его же стиховъ. Но не было бы этихъ стиховъ, которые онъ въ покаянной искренности своей не убоялся огласить, то и все, что говорилось о немъ, какъ о человѣкѣ, о «практичности» его и о прочемъ — все это умерло бы само собою, и стерлось бы изъ памяти людей, понизилось бы прямо до сплетни, такъ что всякое оправданіе его оказалось бы вовсе и ненужнымъ ему. Замѣчу кстати, что для практическаго и столь умѣющаго обдѣлывать дѣла свои человѣка, дѣйствительно, непрактично было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а стало быть онъ, можетъ быть, вовсе былъ не столь практиченъ, какъ иные утверждаютъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, на судъ гражданъ онъ долженъ идти, ибо самъ призналъ этотъ судъ. Такимъ образомъ, если бъ тотъ вопросъ, который поставился у насъ выше: удовлетворялся ли поэтъ стихами своими, въ которые облекалъ свои слезы, и примирялся ли съ собою до того спокойствія, которое опять позволяло ему пускаться съ легкимъ сердцемъ въ «практичность», или же — напротивъ того — примиренія бывали лишь моментальныя, такъ что онъ самъ презиралъ себя, можетъ быть, за позоръ ихъ, потомъ мучился еще горче и больше, и такъ во всю жизнь, — если бъ этотъ вопросъ, повторяю, могъ бы быть раз-

рѣшенъ въ пользу второго предположенія, то ужъ конечно тогда мы бы тотчасъ могли примириться и съ «гражданиномъ» Некрасовымъ, ибо собственныя страданія его очистили бы передъ нами вполнѣ нашу память о немъ. Разумѣется, тутъ сейчасъ является возраженіе: если вы не въ силахъ разрѣшить такой вопросъ (а кто можетъ его разрѣшить?), то и ставить его не надо было. Но въ томъ-то и дѣло, что его можно разрѣшить. Есть свидѣтель, который можетъ его разрѣшить. Этотъ свидѣтель — народъ.

То-есть любовь его къ народу! И, во-первыхъ, для чего бы «практическому» человѣку такъ увлекаться любовью къ народу. Всякій занятъ своимъ дѣломъ: одинъ практичностью, другой печалью по народѣ. Ну, положимъ, прихоть, такъ вѣдь поигралъ и отсталъ. А Некрасовъ не отставалъ во всю жизнь. Скажутъ: народъ для него — это та же «Гекуба», предметъ слезъ, облеченныхъ въ стихи и дающихъ доходъ. Но я уже не говорю о томъ, что трудно до того поддѣлать такую искренность любви, какая слышится въ стихахъ Некрасова (объ этомъ споръ можетъ быть безконечный), но я о томъ только скажу, что мнѣ ясно, почему Некрасовъ такъ любилъ народъ, почему его такъ тянуло къ нему въ тяжелыя минуты жизни, почему онъ шелъ къ нему и что находилъ у него. Потому, какъ сказалъ я выше, что любовь къ народу была у Некрасова, какъ бы *исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ*. Поставьте это, примите это — и вамъ ясенъ весь Некрасовъ, и какъ поэтъ и какъ гражданинъ. Въ служеніи сердцемъ своимъ и талантомъ своимъ народу онъ находилъ все свое очищеніе передъ самимъ собой. Народъ былъ настоящею внутреннею потребностію его не для однихъ стиховъ. Въ любви къ нему онъ находилъ свое оправданіе. Чувствами своими къ народу онъ возвышалъ духъ свой. Но что главное, это то, что онъ не нашелъ предмета любви своей между людей, окружавшихъ его, или въ томъ, что̀ чтутъ эти люди и предъ чѣмъ они преклоняются. Онъ отрывался напротивъ отъ этихъ людей и уходилъ къ оскорбленнымъ, къ терпящимъ, къ простодушнымъ, къ униженнымъ, когда нападало на него отвращеніе къ той жизни, которой онъ минутами слабодушно и порочно отдавался; онъ шелъ и бился о плиты бѣднаго, сельскаго, роднаго храма и получалъ исцѣленіе. Не избралъ бы онъ себѣ такой исхохъ, *если бъ не вѣрилъ въ него*. Въ любви къ народу онъ находилъ нѣчто незыблемое, какой-то

незыблемый и святой исходъ всему, что его мучило. А если такъ, то стало быть и не находилъ ничего святѣе, незыблемѣе, истиннѣе, передъ чѣмъ преклониться. Не могъ же онъ полагать все само-оправданіе лишь въ стишкахъ о народѣ. А коли такъ, то стало быть и онъ преклонялся передъ *правдой народною*. Если не нашелъ ничего въ своей жизни болѣе достойнаго любви, какъ народъ, то стало быть призналъ и *истину народную* и *истину въ народѣ*, и что истина есть и сохраняется лишь въ народѣ. Если не вполнѣ сознательно, не въ убѣжденіяхъ признавалъ онъ это, то сердцемъ признавалъ, неудержимо, неотразимо. Въ этомъ порочномъ мужикѣ, униженный и унизительный образъ котораго такъ его мучилъ, онъ находилъ стало быть и что-то истинное и святое, что не могъ не почитать, на что не могъ не отзываться всѣмъ сердцемъ своимъ. Въ этомъ смыслѣ я и поставилъ его, говоря выше объ его литературномъ значеніи, тоже въ разрядъ тѣхъ, которые признавали правду народную. Вѣчное же исканіе этой правды, вѣчная жажда, вѣчное стремленіе къ ней свидѣтельствуютъ явно, повторяю это, о томъ, что его влекла къ народу внутренняя потребность, потребность высшая всего, и что стало быть потребность эта не можетъ не свидѣтельствовать и о внутренней, всегдашней, вѣчной тоскѣ его, тоскѣ, не прекращавшейся, не утолявшейся никакими хитрыми доводами соблазна, никакими парадоксами, никакими практическими оправданіями. А если такъ, то онъ стало быть страдалъ всю свою жизнь... И какіе же мы судьи его послѣ того? Если и судьи, то не обвинители.

Некрасовъ есть русскій историческій типъ, одинъ изъ крупныхъ примѣровъ того, до какихъ противорѣчій и до какихъ раздвоеній, въ области нравственной и въ области убѣжденій, можетъ доходить русскій человѣкъ въ наше печальное, переходное время. Но этотъ человѣкъ остался въ нашемъ сердцѣ. Порывы любви этого поэта такъ часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремленіе же его къ народу столь высоко, что ставитъ его, какъ поэта на высшее мѣсто. Что же до человѣка, до гражданина, то опять-таки, любовью къ народу и страданіемъ по немъ, онъ оправдалъ себя самъ, и многое искупилъ, если и дѣйствительно было, что искупить...

Ѳ. Достоевскій.

* * *

*) Считаю своимъ долгомъ, въ виду огромнаго интереса, который питала русская публика съ своему поэту, сообщить краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ продолжительныхъ страданій Н. А. Некрасова; присовокупляю, что не меньшимъ долгомъ для себя считаю со временемъ опубликовать подробную исторію его болѣзни. Операція, сдѣланная 12-го апрѣля нынѣшняго года, спасла Некрасова отъ неминуемо угрожавшей смерти, въ нѣкоторой степени облегчила его страданія и продлила существованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ, хотя существованіе это оставалось далеко незавиднымъ. Большую часть дня онъ продолжалъ проводить въ постели, но все-таки вставалъ по нѣскольку разъ въ день, сидѣлъ ежедневно часа по два за чтеніемъ газетъ и журналовъ и видимо интересовался событіями общественной и литературной жизни. Но въ общемъ значительнаго улучшенія не было и это вліяло на нравственное состояніе его духа. Около же 20-го ноября стали появляться приступы изнурительной лихорадки съ небольшими ознобами и потами, но настолько не рѣзкими, что больной не измѣнялъ обычный распорядокъ своего дня, хотя его крайнее исхуданіе и слабость еще замѣтно усилились за это время. Такъ продолжалось до 14-го декабря; въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера, онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ столовую, чтобъ посидѣть и пить чай, но съ первымъ же глоткомъ съ нимъ сдѣлался потрясающій ознобъ; его тотчасъ же перевели и уложили въ постель; ознобъ продолжался около четверти часа и подъ исходъ его началась рвота, во время которой, безъ видимой потери сознанія, онъ сталъ несвязно говорить и затѣмъ лишился употребленія правой руки и ноги. Когда черезъ полчаса я пришелъ къ нему, то нашелъ его въ видимо-возбужденномъ состояніи, какъ бы подъ вліяніемъ страха; тѣмъ не менѣе онъ удивился, увидавъ меня въ неположенное время, и прежде всего сказалъ: «Зачѣмъ это васъ тревожили?» Затѣмъ менѣе ясно сталъ жаловаться на чай съ лимономъ, который онъ пилъ, говорилъ, что было кисло и что это возбудило въ немъ рвоту. Рвота при мнѣ была уже нѣсколько тише, а къ утру, подъ вліяніемъ холоднаго шампанскаго, почти совсѣмъ прекратилась. Всю ночь онъ провелъ безпокойно, но не произнесъ ни одного слова,

*) «Новое Время» 1877 г., № 661 («Болѣзнь и послѣдніе дни жизни Н. А. Некрасова». Ст. Д-ра Н. Бѣлоголоваго).

такъ что окружающіе думали, что онъ лишился совсѣмъ языка, но когда я пришелъ утромъ, то онъ сталъ просить, чтобы его подняли съ постели, надѣли на него сапоги и поводили его по комнатѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ, ему помогли подняться, и, опираясь на двухъ человѣкъ, онъ два раза прошелся по комнатѣ, волоча правую ногу и, очевидно, не понимая происшедшей съ нимъ перемѣны и только постоянно повторяя одну и ту же фразу: «Ну, что это?» Затѣмъ его уложили, и съ этого времени онъ уже болѣе не вставалъ съ постели, хотя паралична явленія обнаружили быструю наклонность къ улучшенью: рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногѣ возстановлялось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной постепенно все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ болей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченные инфильтраты въ клѣтчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26-го декабря слабость достигла крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе внятной и односложной, глотанье затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня у больного явилось какъ бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ бы «простите». Часа черезъ три послѣ этого я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіе всего 27-го числа. Эти послѣднія сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксировавшій уже предметовъ; работала только грудная клѣтка, и лѣвая рука все время находилась въ постоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 час. вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти исчезъ, дыханье стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, передъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткій хрипъ изъ груди, — и въ 8 часовъ 50 минутъ Некрасова не стало.

Указатель страницъ, на которыхъ разбираются и упоминаются слѣдующія произведенія Н. А. Некрасова.

